

ВЕСТНИК МГЛУ

***СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ***

№5 (48) / 2010

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

А.М. Горлатов (*главный редактор*),
З.А. Харитончик (*зам. главного редактора*),
П.В. Васюченко, Т.С. Глушак, Т.И. Голикова, Е.В. Зарецкая,
Г.Ф. Лепесская, С.Е. Кунцевич, В.В. Макаров, Т.Ф. Плеханова,
А.Н. Степанова, О.А. Судленкова

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Барлюгова О.Н.</i> Термины в структуре газетных новостных текстов экологической направленности на белорусском и английском языках	7
<i>Крючкова А.Е.</i> Историческое имя собственное <i>Наполеон</i> и его когнитивное значение	16
<i>Кузьминова И.В.</i> О критериях определения терминологического характера классификатора в таксономическом определении.....	24
<i>Курчак Л.В.</i> Пути реконструкции референтного содержания дискурса деловых переговоров.....	31
<i>Сак О.Ю.</i> Языковые средства воздействия на адресата в текстах политической направленности	39
<i>Таболіч А.У., Чарток Д.А.</i> Беларуская гастронамічная лексіка ў міжмоўнай камунікацыі.....	46

Романское и германское языкознание

<i>Будникова Е.И.</i> К методике определения значимости семантических компонентов лексического значения (на материале наименований животных английского языка).....	54
<i>Внук Т.В.</i> Использование языковой игры в прагматизации коммерческой рекламы (на материале немецкой фразеологии)	62
<i>Зуевская Е.В.</i> К проблеме статуса грамматической формы футурум в аспекте истории немецкого языка	70
<i>Кацнельсон И.А.</i> Специфика англоязычных экономических текстов на лексико-семантическом уровне.....	78
<i>Макаревич И.И.</i> Взгляд на категорию <i>временной отнесенности</i> английского языка сквозь призму шифтеров Р.О. Якобсона и теорию функциональной грамматики А.В. Бондарко	86
<i>Макаревич Т.И.</i> Проблема поиска закономерностей взаимодействия акциональных и неакциональных глаголов с семантикой длительного вида	95
<i>Мосунова Н.И.</i> Фразеологическая составляющая концепта “work/labour” в английском языке	102
<i>Павловицкий С.П.</i> Дериваты как элементы построения текста в немецком языке: потенциал деадъективных имен существительных	112
<i>Сокольчик Н.В.</i> Опыт классификации междометий применительно к французским интеръективам	119
<i>Шлык Т.В.</i> Синтаксические особенности дискурсивной реализации технического термина (на материале французских текстов по телекоммуникациям)	128
<i>Яскевич В.В.</i> Тонально-мелодические особенности мужской и женской спонтанной речи	137

Исследования славянских языков

<i>Кавалёнак С.В.</i> Прэфікс <i>па-</i> і тэмпаральныя спосабы дзеяслоўнага дзеяння.....	144
<i>Шыманская В.Ю.</i> Аспекты супастаўляльнага аналізу метафар унутранага свету чалавека	152

Литературоведение

<i>Кулага О.А.</i> Роль сказочных сюжетов в романе А.С. Байатт «Детская книга».....	160
<i>Поражинская И.Л.</i> Деконструкция тривиальных мифов в романе Э. Елинек «мы пестрые бабочки, детка!».....	168
<i>Самойлова И.Ю.</i> Модель зрительного восприятия в поэзии И. Бродского.....	177
<i>Наши авторы</i>	187

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Barliuhova V.M.</i> Terms in the Structure of News Stories on Ecology in the Belarusian and English Languages	7
<i>Kruchkova H.E.</i> Historical Proper Name <i>Napoleon</i> and Its Cognitive Meaning	16
<i>Kuzminova I.V.</i> On Criteria of Defining Terminological Nature of a Classifier in a Taxonomic Dictionary Definition	24
<i>Kurchak L.V.</i> International Trade Negotiations: the Techniques used for Reconstructing and Verifying Object-Bias Content	31
<i>Sak V.Yu.</i> Linguistic Means of Influence on the Audience in Political Texts	39
<i>Tabolich A.U., Chartok D.A.</i> Belarusian Gastronomical Vocabulary in Interlanguage Communication	46

Romance and Germanic Linguistics

<i>Boudnikova H.</i> On the Methodology of Assessing Feature Saliency in a Word Meaning (on the Material of English Animal Names)	54
<i>Wnuk T.W.</i> Using a Language Game in Pragmatizing Commercial Advertising (on the Base of German Phraseologie)	62
<i>Zuevskaya E.V.</i> On the Problem of Status of the Grammatical Form <i>Futurum</i> in a Language-Historical Aspect	70
<i>Katsnelson I.A.</i> Lexico-Semantic Characteristics of English Economic Texts	78
<i>Makarevich I.I.</i> Viewing the Category of <i>Order</i> within the Framework of Roman Jakobson's Theory of Shifters and Alexander Bondarko's Theory of Functional Grammar	86
<i>Makarevich T.I.</i> Complexity in Finding Regularity in Interaction of Stative and Dynamic Verbs with the Continuous Aspect	95
<i>Mossounova N.I.</i> English Idiomatic Phrases Denoting Concept "work/labour"	102
<i>Paulavitski S.P.</i> Derivates as Text Constitution Elements in German: Potential of Deadjectival Nouns	112
<i>Sokolchik N.U.</i> The Review of the Classifications Applied to French Interjections	119
<i>Chlik T.V.</i> Syntactic Peculiarities of Discourse Realization of Technical Terms Semantics (Based on French Telecommunications Texts)	128
<i>Yaskevich V.V.</i> Tonal Peculiarities of Male and Female Spontaneous Speech	137

Slavonic Languages

<i>Kovalyonak S.V.</i> Prefix <i>pa-</i> and the Temporal Meanings of Verb Action Mode	144
<i>Shymanskaya O.Y.</i> Aspects of Contrastive Analysis of Metaphors of Human Inner World	152

Studies in Literature

<i>Kulaga O.A.</i> The Role of Fairy-tale Motifs in the Novel “The Children’s Book” by A.S. Byatt	160
<i>Porazhynskaya I.L.</i> Deconstruction of Trivial Myths in E. Jelinek’s Novel “We Are Motley Butterflies, Baby”	168
<i>Samojlova I.Yu.</i> The Pattern of the Visual Perception in the Poetry of J. Brodsky.....	177
<i>Our authors</i>	187

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

О.Н. Барлюгова

**ТЕРМИНЫ В СТРУКТУРЕ ГАЗЕТНЫХ НОВОСТНЫХ ТЕКСТОВ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА БЕЛОРУССКОМ
И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Статья посвящена вопросам функционирования терминов в новостном тексте белорусской и британской прессы. Анализ показал, что терминологические единицы используются на всех уровнях структуры рассматриваемых текстов. В ходе анализа выявлены общие темы, связанные с вопросами экологии: использование альтернативных источников энергии; сохранение биоразнообразия; рациональное использование природных ресурсов; освоение экологически чистых технологий; борьба с изменением климата. Широкая употребительность политической лексики свидетельствует о политизации вопросов рационального использования природных ресурсов. Показано, что некоторые термины, заимствованные в терминосистему экологии из других предметных областей, приобретают новый семантический оттенок, подразумевающий положительную или отрицательную оценку. Подчеркиваются суггестивная и просветительская функции терминологических единиц при их использовании в сообщениях от лица автора и в вербальных реакциях экспертов.

Широкий диапазон лексики газетно-публицистического стиля включает в себя все многообразие современного языка: от научных и технических терминов до слов обыденной разговорной речи, так как этот стиль является наиболее массовым и динамичным, в котором отражаются самые разнообразные элементы словаря. Сегодня можно сказать, что СМИ, в частности газеты, играют огромную роль в «продвижении» научно-технических терминов в литературный язык. В этой связи актуальными остаются рассуждения П.А. Флоренского о философско-семиотической сути понятия *термин*: «Термин первично есть хранитель границы культуры: он дает жизни расчлененность и строение, устанавливает незыблемость основных сочленений жизни и, не допуская всеобщего смешения, тем самым стесняя жизнь, ее освобождает к дальнейшему творчеству» [1, с. 109].

Медиатекст может интерпретироваться по-разному, так как в нем нет определенной смысловой завершенности. Получатели информации имеют возможность толковать события согласно своему опыту и взглядам на вещи, т.е. могут не принимать или не декодировать сообщения такими, какими их задумал автор. Завуалированные или явно выраженные мысли автора текста в комментариях могут вызвать разнообразные толкования описываемых событий [2, с. 146–147]. Различные способы интерпретации того или иного события обусловлены различным видением действительности, в этой связи исследователи медиалингвистики особо подчеркивают роль культурно-идеологического контекста. Однако не менее важным в восприятии реалий общественно-политической жизни является выбор лингвистических средств и медиатехнологий [3, с. 122–123].

Терминосистема экологии как междотраслевой науки отражает взаимосвязь различных сфер деятельности человека и состояния экологической системы. Подтверждение тому факту, что отношение человека к окружающей среде вышло на новую ступень, мы можем видеть на примере средств массовой информации, где вопросам экологии уделяется большое внимание и где непосредственно проявляется связь этой отрасли с другими областями знания.

Будучи связанными в первую очередь с такими аспектами социальной жизни общества, как политика и экономика, которые априори обладают «новостной ценностью», вопросы экологии регулярно освещаются в новостных текстах. В ходе анализа новостных газетных текстов экологической направленности британской и белорусской прессы (по 30 на обоих языках) были выявленные следующие общие темы: использование альтернативных источников энергии; сохранение биологического разнообразия в стране/на планете; рациональное использование природных ресурсов; освоение экологически чистых технологий; борьба с изменением климата. Общие темы определяют и количественный состав терминов определенных областей знания в текстах. Первые места по употребительности и в белорусских, и в британских текстах занимают термины экологии и политики. В таблице указана средняя употребительность терминологических единиц, включая все уровни структуры текста.

Употребительность терминов
различных предметных областей в новостном тексте

Пресса	Термины					
	экологии	политики	энергетики	экономики	биологии	лесного и сельского хозяйства
Белорусская	9	8	6	3	5	3
Британская	10	10	5	7	2	0,6

Более частое использование терминов экономики в британских новостных текстах связано с вопросами торговли парниковыми газами. В белорусских текстах больше внимания уделяется вопросам сохранения биологических видов, что отражается в употребительности терминов биологии и лесного хозяйства.

На страницах печатных изданий Великобритании и Беларуси материалы, в которых речь идет об экологических проблемах в связи с определенными политическими событиями или вопросами энергетики, а также вопросами охраны окружающей среды международного или местного масштаба, помещаются соответственно в рубриках: “News”, “National News”, “International News”, “World News”, “Галоўная старонка”, “Афіцыйна”, “Дзень за днём”.

Как известно, в британских СМИ существует разделение новостных текстов на “hard news” и “soft news”, в которых основными компонентами фактологической информации являются следующие: *кто, что, когда, где*. Новостная ценность “hard news stories” определяется следующими аспектами – новизна, актуальность, пространственная и психологическая близость к получателю информации, значимость возможных последствий для массовой аудитории [3, с. 74]. Что касается “soft news stories (human interest stories)”, то здесь важен фактор человеческого интереса, т.е. когда сообщения заставляют адресата улыбнуться или удивиться, порадоваться или посочувствовать.

Печатные материалы экологической проблематики освещаются в “hard news stories”, когда сообщения такого рода затрагивают интересы большого количества людей (экологические катастрофы, аварии) или связаны с общественно-политическими проблемами (международные конференции, встречи на высшем уровне, посвященные проблемам охраны окружающей среды, рассмотрение соответствующих законопроектов). Однако в ходе нашего анализа было отмечено, что в информационных текстах вопросы экологии связаны не только с политикой, но и с энергетикой, экономикой, биологией, сельским и лесным хозяйством, что находит свое отражение в использовании терминологической лексики соответствующих областей знания.

Как известно, новостной текст строится по принципу новизны [4, с. 246] или по принципу «перевернутой пирамиды» [5, с. 176], где первое предложение или абзац (вводка, лид) концентрирует в себе основное сообщение. При этом вводное предложение может частично повторять заголовок, что отмечается в следующем примере.

Заголовок: *Australian Senate rejects curbs on greenhouse gases.* – *Австралийский Сенат отклонил резолюцию о сокращении выбросов парниковых газов.* Вводка: *Australia’s Senate today voted to reject legislation that would have curbed the amount of greenhouse gas pollution the country emits, but the government said it would resurrect the bill later this year.* – *Сегодня Сенат Австралии проголосовал против законопроекта, который ограничил бы производимый страной объем загрязнения парниковыми газами, однако правительство заявило о намерении повторного обсуждения законопроекта в текущем году* (The Guardian, 13.08.09).

В нашем исследовании мы основываемся на теории Т. ван Дейка о суперструктуре новостных текстов. Основными категориями таких текстов являются *заголовок, вводка, фон (события), вербальные реакции, главное событие, предшествующие события, последствия*. В свою очередь, заголовок и вводка объединяются в рамках высшей категории *краткое содержание* [4, с. 256]. В отношении рассматриваемых текстов это объединение чаще справедливо для тех сообщений, в которых экологические вопросы тесно связаны с общественно-политическими, где заголовок и вводка дополняют друг друга и резюмируют сообщение.

Заголовок: *G8: Electric cars on agenda after carbon “victory”*. – “Большая восьмерка”: после “победы” углерода на повестке дня электромобили. Вводка: *European leaders claimed a climate change breakthrough yesterday after persuading the United States and other skeptics to agree for the first time to adopt a target for reducing carbon emissions*. – Европейские лидеры заявили вчера о прорыве в борьбе с изменением климата после того, как они убедили США и других скептиков впервые дать согласие на плановое снижение выбросов (The Times, 9.07.08).

Заголовок: *Альтэрнатывы АЭС не існуе*. Вводка: *Канчатковае палітычнае рашэнне аб будаўніцтве ў Беларусі ўласнай атамнай станцыі было прынята 15 студзеня на пасяджэнні Савета Бяспекі Рэспублікі Беларусь, якое праходзіла пад старшынствам кіраўніка дзяржавы Аляксандра Лукашэнкі* (Мінская праўда, 17.01.08).

Однако в белорусскоязычной прессе также используются заголовки с имплицитно выраженным смыслом, при этом вводке уделяется особое внимание.

Заголовок: *Кругі на вадзе*. Вводка: *Беларусь яднае намаганні з паўночнаеўрапейскімі краінамі ў ахове і рацыянальным выкарыстанні гідрарэсурсаў* (Звязда, 24.03.10).

Заголовок: *Там, дзе полюс холаду Зямлі*. Вводка: *Беларускія палярнікі абсталявалі ў Антарктыдзе аўтаматычную метэастанцыю* (Голас Радзімы, 29.01.09).

В заголовках новостных текстов экологической направленности белорусских и британских изданий используются термины (около 65 % от проанализированных новостных текстов) следующих областей знания:

– экологии: *Незалежныя эксперты правераць канцэпцыю глабальнага пацяплення* (Настаўніцкая газета, 14.03.10). *Carbon trading expansion plan*. – Планируется расширение торговли выбросами углекислого газа (The Financial Times, 21.05.07);

– политики: *Канцэпцыі законапраектаў аб камерцыйнай тайне і аб ахове клімату будуць падрыхтаваны ў 2009 годзе* (Звязда, 04.12.08). *Industry fears over EU green legislation*. – Промышленность опасается законопроекта ЕС по экологии (The Financial Times, 7.01.08);

– энергетики: *Абама падтрымаў ідэю будаўніцтва атамных электрастанцый* (Настаўніцкая газета, 20.02.10). *Green light for the world’s biggest offshore wind farm*. – Зеленый свет для самого большого в мире прибрежного парка ветроэнергостановок (The Independent, 13.05.09);

– биологии: *На Міншчыне забаронена паляванне на вадаплаўных тунцак* (Звязда, 23.08.05). *Last chance to save the tuna?* – Последний шанс спасти тунца? (The Independent, 24.06.08);

– экономики: *Адходы – у даходы* (Мінская праўда, 05.06.08). *Green taxes “have fallen” under Labour*. – Экологический налог “снизился” при правлении лейбористов (The Financial Times, 3.03.06);

– лесного хозяйства: *Хутка пачнецца забарона на аматарскае рыбалоўства* (Звязда, 21.03.09). *Woodland to waste land. – Лесные массивы превращаются в пустоши* (The Guardian, 12.11.08).

В структуре рассматриваемых новостных текстов большее количество терминологической лексики приходится на основную часть. Так, употребительность общественно-политической лексики может достигать до 18 единиц в белорусскоязычных и 25 в англоязычных источниках, включая односоставные и многосоставные термины: *апазіцыянеры, энергетычная бяспека краіны, Дэпартамент па ядзернай радыяцыйнай бяспецы, першы намеснік прэм'ер-міністра; alliance 'альянс', government official 'правительственный чиновник', pressure group 'влиятельная группа', environment minister 'министр природных ресурсов и охраны окружающей среды', to ratify a treaty 'ратифицировать конвенцию', in the run-up to talks 'в преддверии переговоров', shadow foreign secretary 'министр иностранных дел оппозиционной партии'* и др.

Значение некоторых терминов, заимствованных в подъязык экологии из других подъязыков, претерпевают некоторые изменения. Так, например, термины энергетики, обозначающие экологически чистые технологии (как гипероним *альтэрнатыўныя/вазабнаўляльныя віды энергіі (alternative/renewable sources of energy)*, так и гипонимы *энергія ветра (wind energy), сонечная энергетыка (solar energy)* и под.), приобретают двойную оценочную коннотацию: а) '**безопасный** для окружающей среды и для человека' и б) '**экономически выгодный**'. В англоязычных текстах гипонимы *wind turbine 'ветроэнергоустановка', solar panel 'солнечная панель'* характеризуются через гипероним *low-carbon technologies 'технологии, использование которых предусматривает снижение выбросов углекислого газа'*, с коннотацией '**безопасные** для окружающей среды'. Разработка и внедрение таких технологий считаются способами борьбы с изменением климата, поэтому такого рода сообщения имеют обычно имплицитно выраженную положительную оценку: *A "feed-in" tariff will be introduced to ensure that any household generating power through renewable sources such as wind, solar or biomass would be paid for the energy they produce, as part of measures to tackle climate change. – Особый тариф и специальные выплаты предусмотрены для всех частных владельцев, которые самостоятельно производят электроэнергию из возобновляемых источников, таких как ветер, солнце и биомасса, что является одним из видов борьбы с изменением климата* (The Daily Telegraph, 24.10.08).

Термин *fuel-efficient 'топливосберегающий'* обозначает одну из важнейших экономических характеристик автомобиля. Однако в газетных текстах экологической тематики этот термин приобретает дополнительную оценочную коннотацию '**меньше** загрязняющий окружающую среду'. Такое же изменение претерпел и термин *energy-efficient 'энергосберегающий/энергоэффективный'*. Реализацией таких оценочных коннотативных смыслов могут служить комментарии специалистов, содержащие в себе имплицитно

или эксплицитно выраженную оценку. Так, цитируя высказывание директора по устойчивому развитию компании “Форд” (*sustainable director*), автор заметки использует мнение эксперта, в котором присутствует оценочный компонент: *Designing and manufacturing fuel-efficient cars such as the Ford EOnetic range becomes even more meaningful when linked to other measures to reduce emissions. Smooth and smart driving plays a huge, but often unrecognised, part in motoring – financial as well as environmental.* – Проектирование и производство топливосберегающих автомобилей, таких как линии “Форд ЭКОнетик”, приобретает большую ценность, когда это связано с мерами по сокращению выбросов. Ровное и умелое вождение играет огромную, однако не всегда признанную, роль в автоделе – с точки зрения финансов и экологии (The Press and Journal, 25.06.08).

Комментарий эксперта не позволяет читателю усомниться в полезности новых технологий для всего общества и для каждого в отдельности. Так, в сообщении о запуске первого биогазового энергетического комплекса в Минском районе оценка ученых выражена эксплицитно: *Да прыкладу, вучоныя Горацкай сельгасакадэміі далі высокую ацэнку таму «постэрэктарнаму паліву»: яно зусім не ўтрымлівае насення пустазелля, спораў і шкодных мікраарганізмаў, а пажыўныя элементы лёгка засвойваюцца раслінамі* (Голас Радзімы, 27.03.08).

Термин *hydrofluorocarbons (HFCs)* ‘фторводородные углероды’, заимствованный из подъязыка химии и обозначающий химическое соединение, в экологическом контексте приобретает дополнительный коннотативный оттенок и определяется через гипероним *greenhouse gas* ‘парниковый газ’, который, в свою очередь, является гипонимом для понятия *harmful substance for the environment and people* ‘вредное / опасное вещество для окружающей среды и человека’. Например, при создании фона основного события автор текста приводит своего рода историческую справку, дает информацию о результатах последних научных исследований с прогнозом вероятных последствий, при этом характеризует фторводородные углероды с помощью экологических терминов *greenhouse gas* ‘парниковый газ’, *greenhouse effect* ‘парниковый эффект’, *global warming* ‘глобальное потепление’:

When the world agreed in 1987 to phase out chloro-fluorocarbons (CFCs) through the Montreal protocol, the chemical industry came up with HFCs (hydrofluorocarbons) as a replacement...they are extremely powerful greenhouse gases - and recent scientific projections show growing use of HFCs will exacerbate global warming. Individual HFC molecules have a greenhouse effect many hundreds of times greater than carbon dioxide. – Когда в 1987 было достигнуто мировое соглашение о постепенном прекращении использования хлорофторуглеродов (в результате создания Монреальского протокола), химическая промышленность нашла заменитель – фторводородные углероды... они представляют собой мощные парниковые газы, и, как показывает недавнее научное заключение, увеличение их использования

усугубит эффект глобального потепления. Отдельные молекулы этих соединений имеют парниковый эффект в несколько сот раз больше, чем углекислый газ (The Financial Times, 16.07.09).

В белорусских текстах характерно использование терминов экологии *пушча, запаведнік, заказнік, нацыянальны парк*. При этом их значение также приобретает дополнительную коннотацию 'территория (лесной массив, болотный комплекс и под.), представляющая собой **национальное достояние**'. Например: *Белавежская пушча – адзін з найстарэйшых запаведнікаў у свеце. У 1992 годзе рашэннем ЮНЭСКА яна ўключаная ў Спіс сусветнай культурнай і прыроднай спадчыны. А ў 1998-м ёй нададзены статус ключавой арніталагічнай тэрыторыі міжнароднага значэння* (Голас Радзімы, 25.09.08).

В сообщении о природоохранных мероприятиях в заказнике приводится справка специалиста о важности таких участков для сохранения биологического разнообразия страны, где используются термины лесного хозяйства (*балотны масіў*) и биологии (*паўночны від, калонія*), включая номенклатурную терминологию (*кулік*): ... у **заказніку** «Ельня» можна убачыць такі **паўночны від** тундравай зоны, як чорнавалёвы гагач. На балоце «Ельня» добра сябе адчуваюць вялікія калоніі кулікоў і чаек. На **балотным масіве** жыве найбуйнейшая ў рэгіёне група цецерукоў, якая складаецца больш чым з 200 пар птушак (Звязда, 30.04.10).

Анализируя использование терминов в газетных текстах экологической направленности на белорусском и английском языках, можно сделать вывод о суггестивной функции терминологических единиц, так как с их помощью создается положительный образ тех средств и мер, которые предпринимаются в обеих странах. Усиление этой функции можно наблюдать при использовании терминов в речи специалистов (текстовый компонент *вербальные реакции*). По мнению исследователей, медиатекст представляет собой синтез многочисленных текстов. С помощью цитат создается «вертикальный контекст», поэтому «при восприятии печатного материала читатель помимо информации, содержащейся непосредственно в тексте, должен учитывать ассоциативную информацию, которая передается через цитаты, сообщающие медиа-тексту двуплановость» [6, с. 10]. В этой связи важную роль играет использование мнений экспертов, поскольку в них приводятся результаты научных изысканий или статистические данные, где термины используются и в просветительской функции, например: *Ms Beaumont (an ecological economist at Plymouth Marine Laboratory) said that one of the most surprising findings of the report was the degree to which **ocean species** were interdependent. The overfishing of one species of fish has knock-on effects on others, and reduces the **resilience** of the ocean **eco-system** and its ability to recover stocks.* – Г-жа Бомон (экологический экономист морской лаборатории Плимута) рассказала, что одним из неожиданных открытий стала степень взаимозависимости океанических видов. Чрезмерный вылов рыбы одного вида ведет к неизбежному

сокращению другого, а также нарушает способность экосистемы океана к самовосстановлению и воспроизводству популяций (The Financial Times, 3.11.06);

Ранні рамонт **плацін** дазваляе перакрыць **абходны шлях вады** і тым самым затрымаць яе на балоце, наведаміла рэдакцыі спецыяліст па стварэнні сеткі захавальнікаў **тэрыторый важных для птушак**, грамадскай арганізацыі «Ахова птушак Бацькаўшчыны» Вольга Лукишчыц (Звязда, 30.04.10).

Вербальные реакции в виде цитат могут использоваться в просветительской функции при объяснении некоторых особенностей экологически чистых технологий, как видно на следующем примере: «*На мове спецыяліста гэта **метантэнк**, – тлумачыць намеснік дырэктара птушка-завода па механізацыі Мікалай Стужынскі, пачынаючы невялікую экскурсію. – У адзін з іх мы загрузілі тысячы паўтары тон гною, падагрэлі масу да **тэхналагічнай тэмпературы** – пайшла **ферментацыя**, актывізаваліся **бактэрыі**, выдзяляючы газ **метан***» (Голас Радзімы, 27.03.08).

Вербальные реакции в рассматриваемых текстах представлены мнениями экспертов, официальных представителей, должностных лиц. Мы полагаем, что использование косвенного и прямого цитирования связано со следующими характеристиками медийного текста экологической направленности [7]:

– неопределенность (научных исследований, неопределенность, вызванная различиями во взглядах специалистов, а также связанная с информационной политикой официальных источников);

– сложность и многогранность материала (объяснения значений некоторых терминов, технической информации, а также разъяснения взаимоотношений экономических, политических и социальных факторов);

– сбалансированность представленных мнений (стремление избежать навязывания только одного мнения).

Однако при анализе информации, касающейся торговли выбросами углекислого газа (*carbon emissions trading*) и освещения технологий, направленных на снижение выбросов вредных веществ, отмечается односторонность мнений, характеризующая объект описания с положительной точки зрения.

Терминологическая лексика также часто используется в заключительной части новостных текстов на белорусском и английском языках. Такое заключение может представлять собой дополнительные детали, мнение или прогноз эксперта, например:

*Ужо сёлета за першы квартал мясцовая **інспекцыя прыродных рэсурсаў і аховы навакольнага асяроддзя**, як наведаміў начальнік Аляксандр Гарнішэўскі, прыцягнула да адміністрацыйнай адказнасці 3 **юрыдычныя і 7 службовых асоб*** (Мінская праўда, 5.06.08);

*“Honda is proud to offer an **alternative energy** solution that could reduce our dependence on **fossil fuels** and the effect of motoring on **climate change**,”*

said John Kingston, environment manager for Honda. – «Хонда гордится своим предложением по использованию альтернативных энергоресурсов, которое может уменьшить нашу зависимость от традиционного топлива, а также снизить влияние автотранспорта на изменение климата», – сказал менеджер экологического отдела Хонды. (The Press and Journal, 25.06.08).

В целом, как показал анализ, структура новостных текстов экологической тематики британской и белорусской прессы совпадает. Вводка или заголовок вместе с вводкой являются выразителями краткого содержания сообщения. Основная часть новостных текстов экологической направленности насыщена заявлениями, мнениями, прогнозами профессионалов в области экологии, представителей различных организаций, менеджеров предприятий, членов правительства или официальных лиц. Это свидетельствует о сложности представления новостей, связанных с развитием экологического знания. Широкая употребительность цитатной речи является средством создания наиболее полной информационной картины. Использование в различных частях структуры новостных текстов терминов таких областей знания, как энергетика, экономика, биология, лесное хозяйство, отражает многогранность экологических вопросов. Широкая употребительность политической лексики свидетельствует о том, что политизация вопросов рационального использования природных ресурсов привела в свою очередь к экологизации ряда политических вопросов. Анализ функционирования терминологических единиц в тексте позволяет сделать вывод о некоторых изменениях в лексическом значении ряда терминов – появление дополнительной коннотации. Так, в значениях некоторых белорусских и английских терминов, обозначающих новые технологии, направленные на использование энергосберегающих технологий, можно выделить оценочный компонент. Создание положительного образа внедряемых экологически чистых технологий характерно как для белорусской, так и для британской прессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Флоренский, П.А.* Термин / П.А. Флоренский // *Вопр. языкознания.* – 1989. – № 3. – С. 104–117.
2. *McQuail, D.* Communication models: for the study of mass communication / D. McQuail, S. Windahl. – 2nd ed. – Longman, 1993. – 240 p.
3. *Добросклонская, Т.Г.* Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи) / Т.Г. Добросклонская. – Изд. 2-е, стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.
4. *Дейк, Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ / Т.А. ван Дейк; сост. В.В. Петрова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова. – М. : Прогресс, 1989. – 310 с.

5. Землянова, Л.М. Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов / Л.М. Землянова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 416 с.
6. Варченко, В.В. Цитатная речь в медиа-тексте / В.В. Варченко. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 240 с.
7. Фридман, Ш. Пособие по экологической журналистике / Ш. Фридман, К. Фридман [Электронный ресурс]. – Tacis, 1998. – Режим доступа: http://www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=469&c_id=5213. – Дата доступа: 20.04.2010.

The article deals with the questions concerning the functioning of terms in the structure of news stories on ecology in the Belarusian and British newspapers. It is shown that similarities in the topics and use of the terms outnumber the differences. Special attention is given to the role of the terms at different levels of newspaper texts.

Поступила в редакцию 16.09.10

А.Е. Крючкова

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИМЯ СОБСТВЕННОЕ *НАПОЛЕОН* И ЕГО КОГНИТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В статье автор рассматривает условия, необходимые для формирования когнитивного значения *исторических имен собственных*. Выдвигается гипотеза о том, что когнитивное значение, создаваемое на основе образа исторической личности, в зависимости от степени восприятия ее противоречивости и многогранности, под воздействием происходящих в стране политических событий и мировоззрения народа со временем может изменяться и даже противоположно интерпретироваться разными нациями. Анализ тенденций развития когнитивного значения исторических имен собственных дается на примере имени собственного одной из наиболее известных противоречивых личностей в истории Франции – *Наполеона Бонапарта*.

Исторические имена собственные (исторические ИС) – это культурно значимые лингвистические знаки: информация о них хранится в коллективной памяти, а сведения, полученные из энциклопедий, необходимы для их употребления. Референт исторического ИС – известная личность, знания о которой составляют неотъемлемую часть культурного наследия языкового сообщества той или иной страны: «Ces Npr sont «culturellement saillants» [1, с. 138].

Когнитивное значение анализируемых имен собственных формируется непрерывной передачей из поколения в поколение сведений об исторической личности и выстраивается на основе ее жизнеописания прочной, создаваемой

годами или веками «причинной цепочкой»¹. Впоследствии эти сведения/знания даются в словаре, используются в биографических или исторических романах. Имена известных людей встречаются в разных типах текстов: публицистических, поэтических, национально ориентированных [2, с. 5]. Когнитивное значение одного и того же исторического ИС может быть экстремально противоположным для разных народов: не представлять никакого интереса и не проявлять себя для одной нации, но быть актуальным (со знаком «плюс» или «минус») для другой.

При формировании когнитивного значения исторических ИС важными становятся следующие факторы:

- 1) индивидуальный облик исторической личности;
- 2) динамичность его содержания;
- 3) национально-культурная специфичность;

4) время, которое проявляется в двух измерениях: создание образа и его изменение под влиянием политических, экономических или социальных событий, происходящих в стране в данный момент, на данном историческом этапе.

Французский император и полководец Наполеон Бонапарт «... представляет собой одно из удивительнейших явлений мировой истории, и немудрено, что о нем писались, пишутся и еще будут писаться многие тома» [цит. по БРА, с. 89]. В документальных источниках Франции, посвященных временам правления Бонапарта, его ИС используется без каких бы то ни было дополнительных пояснений, что свидетельствует о безоговорочной известности Наполеона. В словаре дескрипция “*Napoléon Ier – empereur des Français (1804–1814 et 1815)... Partisan des Jacobins... [qui – A.K.] dirige sur la Russie la Grande Armée mais après la victoire de la Moskova et l'entrée à Moscou, celle-ci doit opérer une retraite désastreuse (la Berezina)*” [4, с. 1559] не только закрепляет известные всем сведения, но и образ не совсем удачного полководца (ср. *l'entrée à Moscou* и *une retraite désastreuse*).

В книге академика Тарле Наполеон представлен в ином ракурсе: несмотря на физическое несовершенство (он был мал ростом), его воля и труд (т.е. способности) обещают многое [БРА, с. 90].

Вместе с тем мнение о том, что исторический образ Наполеона «воплотил все противоречия той поры» [МА, с. 579], подтверждает и общее суждение о противоречивости образа: «Можно *понять* человека, имея в виду его жизненную позицию, поведение или даже сущность его характера, но нельзя *понять образ* человека. Точно также можно *знать* человека, но нельзя *знать его образ*» [5, с. 315]. Поэтому проявление образа и его закрепление в одном из звеньев «причинной цепочки» – одно из необходимых условий образования когнитивного значения исторических ИС. Причем для восприятия образа одной и той же исторической личности специфично

---

¹ Совокупность признаков в теории Серля, соотносясь с референтом ИС, передается «пучком описаний» (дескрипций) или так называемой «семьей описаний»: «... le référent d'un nom est déterminé non par une description unique mais par un faisceau ou une famille de descriptions» [3, p. 20].

выделение самых противоречивых ее качеств и действий. При этом именно комплексное знание обязательно включает в себя параметр времени, позволяющий создать разносторонние образы референта (в данном случае – исторической личности), что и дает возможность закрепить за ним общий статус облика.

Образ является «... фактом воображаемого бытия, он всякий раз заново реализуется в воображении адресата, владеющего «ключом», культурным кодом для его опознания и уразумения...» [6, стб. 671]. Иначе говоря, будучи «живым», непостоянным представлением, которое возникает в воображении слушающего [7, с. 433], способного его декодировать, образ оказывается временным проявлением личности. Облик же предстает уже как определенная «...совокупность внутренних качеств кого-либо» [Там же, с. 427], т.е. становится неизменным в течение длительного периода.

Имя *Наполеон* «... ассоциируется с безмерным честолюбием, с деспотической властью, с жестокими и кровавыми войнами, с ненасытной жаждой завоеваний, оно рождает в памяти ужасы Сарагосы, ограбление порабощенной Германии, вторжение в Россию. Но оно же напоминает о смелости и отваге, проявленных в сражении при Монтенотте, Арколе, Лоди, о таланте, умевшем дерзать, о государственном деятеле, нанесшем сокрушающие удары старой, феодальной, рутинной Европе» [МА, с. 579]. Разноаспектность сведений как противоречивых знаний создает во всей своей многогранности неповторимый – почти вековой – облик Наполеона. Образы же неоднократно меняются в зависимости от значимости того качества, свойства (деспотический, жаждующий завоеваний или смелый, талантливый и т.д.), которое становится наиболее значимым в определенный исторический период для целой нации, отдельной группы людей, отдельного человека.

При создании когнитивного значения исторического ИС важным становится признак, который, как уже отмечалось, неоднозначно воспринимается отдельными народами и всякий раз зависит от общего мировоззрения и отношения к историческим событиям, связанным с этой личностью. Поэтому условно оконченное формирование когнитивного значения исторического ИС определяется комплексом наиболее устойчивых признаков (образов) облика личности. Чем разнообразнее облик, тем шире набор разных образов личности и выше степень когнитивной многозначности ИС. В этом и проявляется национально-культурная специфичность и противоречивость восприятия исторических ИС. Например, отрицательное восприятие имени *Наполеон* в Нидерландах связано с образом *тирана* этой личности: «...l'opinion publique est peu sensible aux charmes du césarisme et Napoléon passe encore et toujours pour un tyran...» [JA, II]; в Испании Наполеон ассоциируется с образом *чудовища, монстра*: «... Napoléon Ier est d'abord révoltant. Une image de monstre. Entièrement négative donc» [AJR, II]; в Германии – с образом *Гитлера*: «...le schéma fréquemment rencontré assimile sans nuance Napoléon à Hitler...» [KM, III], что

потенциально соотносится с такой оценкой как *дьявольский*: «*cet homme soit diabolique*» [3, с. 63]. В Польше образ Наполеона более нейтрален – это просто (без оценки) *историческая знаменитость*, легко узнаваемая, поэтому часто появляющаяся в рекламе: «*Napoléon est aujourd’hui plutôt une «celebrity» historique, facile à reconnaître, donc souvent utilisée dans la publicité*» [NA]. Итак, в Нидерландах, Испании, Германии доминирует отрицательное когнитивное значение (*тиран, монстр, Гитлер*), а в Польше – нейтральное (*историческая знаменитость*).

Вместе с тем источники получения сведений об известной личности – разные. В.В. Красных, например, основываясь на проведенном опросе французской аудитории, утверждает, что для жителей Франции Наполеон – это *подвиг на любовном поприще* [8, с. 81]. В официальной прессе есть сведения о Наполеоне и его отношении к женщинам. И тогда «...мы видим в нем (Наполеоне. – А.К.) любовника и мужа столь же необыкновенного, сколь необыкновенен он как воин и государственный деятель...» [МФ, с. 201]. Тем не менее в русском языке высказывание типа *Он – настоящий Наполеон* указывает обычно на честолюбивого человека с большими амбициями, стремящегося к власти [9, с. 220], но не на «необыкновенного» любовника и мужа.

Персонаж романа «Мадам Бовари» Г. Флобера аптекарь Омэ давал имена своим детям в соответствии с именами знаменитых людей. Поэтому для него «... *Napoléon* représentait la gloire...» [FG, с. 123].

Со временем, в зависимости от внешнего и внутреннего развития событий, происходящих в стране, когнитивное значение исторических ИС может меняться, т.е. акцент переносится на другое качество/свойство данной личности.

Таким образом, национальная принадлежность говорящего субъекта, его социальный статус, отношение к миру, событиям и т.д. способны менять когнитивное значение исторического ИС *Наполеон*. В этом плане особенно важен параметр времени, «второе измерение» которого отличается от «первичного» образа. Для подтверждения этой гипотезы автором статьи был проведен опрос (аналогичный опросу В.В. Красных), в котором для получения объективных результатов приняли участие представители русскоязычной и франкоязычной аудитории:

1) франкоязычная аудитория, включающая сотрудников крупной французской компании из Тулузы (в рамках выполнения условия анонимности наименование компании не разглашается);

2) ориентированная на французскую культуру аудитория, состоящая из студентов факультета французского языка Минского государственного лингвистического университета (МГЛУ);

3) аудитория, специально не ориентированная на французскую культуру, – студенты архитектурного факультета Белорусского национально-технического университета (БНТУ).

Всем участникам опроса был задан только один вопрос: *Каким вы видите человека, о котором говорят «Он – настоящий Наполеон»?*

В русскоязычной аудитории приняли участие по 50 человек, получены ответы от 100 % опрошенных. Представители же французской культуры сразу восприняли данный вопрос как политический намек на выход 8 января 2009 г. еженедельника «Le Point» (№ 1895). На его первой странице помещена фотография президента Франции Николя Саркози – в мундире императора и треуголке Наполеона [AG]. В результате из 89 человек от ответа воздержались 39, что составило 43,8 % опрошенных.

Полученные ответы-реакции были объединены на основе семантической общности признаков, что позволило определить образы, которые в комплексе составили облик Наполеона:

диктатор («-») – диктатор; властный; авторитарный; человек, который не принимает во внимание мнение других; человек, который любит доминировать над другими; человек, навязывающий свое мнение; деспот; тиран; человек, который стремится к тотальному контролю; негуманный; жестокий; захватчик;

политик («-» / «+») – Саркози; «паразит» в политической системе Франции;

умная личность («+») – умный; гениальный; эрудированный; хитрый; образованный; талантливый; мудрый;

новатор («+») – новатор; реформатор;

высокомерный человек («-») – высокомерный; гордый; самонадеянный; напыщенный; выскочка; вызывающий; человек с манией величия; тщеславный;

амбициозный человек («-») – амбициозный; человек с глобальными планами; карьерист;

рассудительная личность («+») – рассудительный; рациональный; инициативный;

целеустремленная личность («+») – целеустремленный; напористый; целенаправленный; решительный; настойчивый; пробивной;

хладнокровный человек («-») – хладнокровный; человек, достигающий цели любым путем; бескомпромиссный;

эгоист («-») – эгоцентричный; эгоист;

благородный человек («+») – благородный; романтический; благодетель; галантный;

стратег («+») – стратег; прекрасный оратор; организатор; предводитель людей; хороший военный руководитель; лидер; завоеватель; тактик;

сильная личность («+») – сильный; человек железной воли; самоуверенный; харизматичный; никогда не сдастся; уверенный в себе; волевой

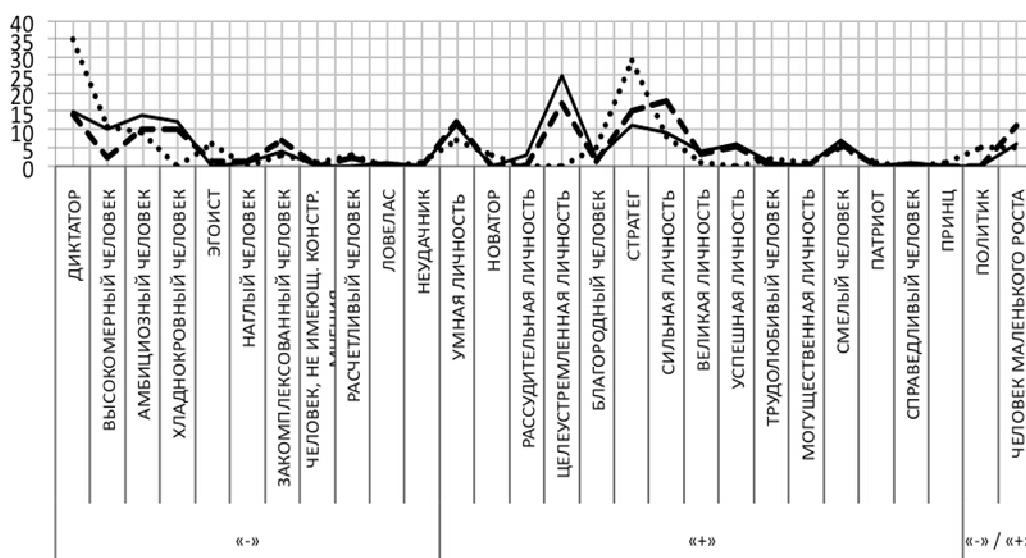
великая личность («+») – великий; выдающийся;

успешная личность («+») – успешный; человек, который всегда достигает своей цели, добивается задуманного

человек маленького роста («-» / «+») – человек маленького роста; низкий; невысокий;

наглый человек («-») – наглый;
закомплексованный человек («-») – закомплексованный; невыдающийся;
 жалкий; имеющий комплекс великого человека; неуверенный в себе;
трудолюбивый человек («+») – трудолюбивый;
могущественная личность («+») – могущественный;
смелый человек («+») – смелый; мужественный; храбрый; отважный;
человек, не имеющий конструктивного мнения («-») – человек, не
 имеющий конструктивного мнения;
патриот («+») – гордый за свою страну;
расчетливый человек («-») – расчетливый;
справедливый человек («+») – справедливый;
принц («+») – принц с хорошим финансовым положением;
ловелас («-») – ловелас;
неудачник («-») – неудачник, потерявший все.

Общее количество образов равно 28: из них представителями французской культуры выделены 21; аудиторией, ориентированной на французскую культуру, – 19; аудитория, специально не ориентированная на французскую культуру, выделила 17.

Сравнительная схема результатов опроса франко- и русскоязычной аудитории:

- ..... Сотрудники крупной французской компании; (Тулуза)
- Студенты МГЛУ;
- Студенты БНТУ

Сравнение результатов опроса (рисунок) показывает следующее.

1. Распределение положительного и отрицательного образов (такие образы как *политик* и *человек маленького роста* семантически не могут быть

отнесены ни к положительным, ни к отрицательным, что позволяет исключить их при интерпретации полученных данных).

Когнитивное значение ИС *Наполеон* в интерпретации представителей французской культуры (48 % положительных и 52 % отрицательных образов) ближе к отрицательному (при данном анализе принимается во внимание также и факт отказа от участия в опросе 43,8 % испытуемых, связанный с нежеланием раскрывать свои политические убеждения). В интерпретации когнитивного значения данного имени студенческой аудиторией МГЛУ (58 % положительных и 42 % отрицательных образов) и студенческой аудиторией БНТУ (62 % положительных и 38 % отрицательных образов) доминирует положительная оценка. Причем в специально не ориентированной на французскую культуру аудитории (БНТУ) процентное соотношение положительных оценок выше, что, возможно, указывает на отсутствие достаточной информации о личности Наполеона Бонапарта или исторических событиях, связанных с его участием.

2. Различия в опрашиваемых аудиториях при интерпретации когнитивного значения ИС *Наполеон*:

а) представители французской культуры в ИС *Наполеон* видят в первую очередь *диктатора* и *хорошего стратега*, что подтверждается количеством реакций, связанных с этими образами. Кроме того, степень многогранности облика Наполеона значительно выше и сами образы разнообразнее по сравнению с ответами представителей русскоязычной аудитории;

б) в ориентированной на французскую культуру аудитории ИС *Наполеон* в первую очередь характеризует *целеустремленного человека*. Такой образ отсутствует для представителей французской культуры;

в) в аудитории, специально не ориентированной на французскую культуру, наряду с образом *целеустремленный*, выделены *сильная личность* и *стратег*, которые дополняют положительную оценку когнитивного значения ИС *Наполеон*;

г) общность отмеченных реакций среди ориентированных/не ориентированных на французскую культуру русскоязычных информантов свидетельствует об определенной однообразности получаемых знаний об этой исторической личности Франции.

3. Динамичность когнитивного значения во времени.

В результате имевших место политических изменений в обществе, стране меняется когнитивное значение ИС *Наполеон*: французы больше не усматривают ни признаков образа Наполеона, связанного с подвигами на любовном поприще (по сравнению с опросом 2002 г.), ни признаков славы/ гордости нации. Нерелевантным становится и такой признак как *маленький рост*. В то же время результаты опроса студенческой аудитории показали незаинтересованность в политической интерпретации образа, что подтверждает важное положение: политические события оказывают влияние на изменение когнитивного значения «исторического ИС» только внутри той культуры и страны, где они связаны в определенной степени с жизнью общества.

Таким образом, подводя итог, необходимо отметить следующее:

- основу формирования когнитивного значения исторических ИС создают «причинные цепочки» непрерывно распространяемых сведений и знаний об исторической личности, которые имели место в ее биографии, отражены в энциклопедическом словаре или публицистическом тексте;

- важным моментом в процессе временной/постоянной закреплённости когнитивного значения исторических ИС является его динамичность/развитие, что зависит от многих внешних и внутренних факторов: национальной принадлежности; интерпретирующего ИС субъекта, его социального статуса, воспитания и понимания своих жизненных позиций, нравов, мировоззрения; ситуации общения; времени и политических событий, происходящих в стране на данном историческом этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Jonasson, K.* Le nom propre. Constructions et interprétations / K. Jonasson. Gembloux : Duculot, 1994. – 256 p.
2. *Гурская, Ю.А.* Личное имя в когнитивном аспекте / Ю.А. Гурская. – Минск : БГПУ им. М. Танка, 1999. – 16 с.
3. *Kripke, S.* La logique des noms propres / S. Kripke. – Paris : Les éditions de minuit, 1982. – 173 p.
4. Le petit Larousse 2003. – Paris : LAROUSSE, 2002. – 1818 p.
5. *Арутюнова, Н.Д.* Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М. : Языки рус. культуры : Кошелев, 1999. – 896 с.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А.Н. Николюкин, редкол. : М.Л. Гаспаров, С.И. Кормилов [и др.]. – М. : Интелвак, 2001. – 1600 стб.
7. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов, редкол. : К.С. Горбачевич, А.Я. Дегтярев, Ф.П. Сороколетов. – СПб. : Норинт, 2002. – 960 с.
8. *Красных, В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В.В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
9. *Руденко, Д.И.* Имя а парадигмах «философии языка» / Д.И. Руденко. – Харьков : Основа, 1990. – 299 с.

ИСТОЧНИКИ ЦИТИРОВАНИЯ

БРА – *Будагов, Р.А.* Язык и культура: хрестоматия: в 3 ч. / Р.А. Будагов; сост.: А.А. Брагина, Т.Ю. Загрязкина. – Ч. 3: Социоллингвистика и стилистика. – М. : Добросвет-2000, 2002. – 160 с.

МА – *Манфред, А.З.* Наполеон Бонапарт / А.З. Манфред. – М. : Мысль, 1999. – 624 с.

JA – *Jourdan, A.* L'Empire et les historiens : Aux Pays-Bas : «Un tyran» / A. Jourdan // *Le Monde*. – 2004. – №18616 (dossier spécial). – VIII p.

AG – *Andrieu, G.* Le Point sacre Sarkozy empereur / G. Andrieu [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.marianne2.fr/Le-Point-sacre-Sarkozy-empereur_a173698.html. – Дата доступа: 20.04.2010.

AJR – *Aymes, J.-R.* L'Empire et les historiens : En Espagne: Une image de monstre / J.-R. Aymes // *Le Monde*. – 2004. – №18616 (dossier spécial). – VIII p.

KM – *Kerautret, M.* L'Empire et les historiens : En Allemagne ; L'Accoucheur / M. Kerautret // *Le Monde*. – 2004. – №18616 (dossier spécial). – VIII p.

NA – *Nieuwazny, A.* L'Empire et les historiens: En Pologne: L'Espoir / A. Nieuwazny // *Le Monde*. – 2004. – № 18616 (dossier spécial). – VIII p.

FG – *Flaubert, G.* Madame Bovary / G. Flaubert. – Paris : Libr. Gén. Française, 1983. – 541 p.

МФ – *Массон, Ф.* Наполеон и его женщины / Ф. Массон. – М. : Крон-пресс, 1993. – 204 с.

The author of the article analyses conditions necessary to form the cognitive meaning of *historical proper names*, taking the proper name *Napoleon Bonaparte* as an example. It is hypothesized that the cognitive meaning of the names of this kind may change with time and it may even be oppositely interpreted by different nations, depending on the degree of perception of the historical figure's inconsistency and diversity, under the impact of national political events and the people's world view.

Поступила в редакцию 03.09.10

И.В. Кузьминова

О КРИТЕРИЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА КЛАССИФИКАТОРА В ТАКСОНОМИЧЕСКОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ

Статья посвящена одному из важных вопросов в исследовании семантики слова – разграничению терминов и общеупотребительных слов, а именно выявлению формальных критериев, определяющих терминологический характер классификатора в таксономическом определении наименований животных и растений современного английского языка. Предлагается разграничивать классификаторы-термины и обыденные классификаторы на основании наличия в их словарных дефинициях информации об этимологии названий, строении и составе членов категории, уровне таксономической категории в иерархии биологических рангов.

На протяжении многих десятилетий в центре внимания лингвистов находятся вопросы, связанные с разграничением терминологической и общеупотребительной лексики. Это вызвано тем, что граница между этими

двумя видами лексики «нестабильна и имеет не исторический, а функциональный характер, и постоянно происходит процесс перехода терминов в общеупотребительные слова, так и использование бытовой лексики для формирования терминологий» [1, с. 29].

Исследования, направленные на определение понятия *термин*, а, следовательно, и на разграничение его от слова общеупотребительного языка, основываются на рассмотрении термина как языковой единицы на различных уровнях языка и в различных аспектах: диахроническом, функционально-стилистическом, лексико-семантическом (см. подробный обзор различных подходов к определению сущности термина, например, в [2]). Множество подходов к определению термина наглядно проявляется и в разнообразии его дефиниций. В частности, в рамках формального подхода под термином понимаются: слово или словосочетание [3, с. 385; 4, с. 176], специальное слово [5, с. 115], знак [6, с. 38; 7, с. 8], языковой знак [2, с. 30], когнитивный языковой знак [8, с. 38], лексическая единица [9, с. 13]. С точки зрения содержательной стороны, термин толкуется как понятие [10, с. 107], языковое выражение специальных понятий [11, с. 21], имя понятия [12, с. 34], конденсат смысла [13, с. 18].

Подобное многообразие определений термина свидетельствует о сложном и многоплановом характере данного явления, что, по мнению некоторых авторов, «подтверждает невозможность создания универсального определения, что характерно и для слова и, видимо, для большинства базисных понятий» [2, с. 26].

В то же время большинство исследователей отмечает, что «за термином всегда стоит предмет мысли, но не мысли вообще, а специальной, ограниченной определенным полем» [12, с. 34], а, следовательно, он связан с понятием, которое возникает в процессе научного познания и становится доступным для понимания и использования только благодаря его словесному обозначению. В связи с этим возникает вопрос о разграничении понятия от специального понятия, о критериях определения специального или научного понятия.

Понятия образуются в ходе познавательной деятельности человека, связанной с процессами выделения объектов и отнесения их к соответствующим категориям по определенным признакам, которые являют собой характеристики, использующиеся «в процессе познания для выделения предметов, распознавания их, отождествления и различения и т.д.» [12, с. 34]. Соответственно, в понятии «суммируется или умственно абстрагируется то, что оказывается общим для группы индивидуальных объектов; таким образом, понятие – это элемент мышления, представляющий черты (признаки), общие ряду объектов» [12, с. 34]. В основе понятий как результата классификационной деятельности человека лежат различные признаки, выделенные в зависимости от области знаний, к которой принадлежит классифицируемый объект, а также от той исторической эпохи, когда эти знания были приобретены. Те достижения научной

мысли человека, которые для своего времени казались революционными, могут считаться весьма обыденными в настоящее время. Так, понятие *perennial* 'многолетнее растение', обозначающее длительность жизни определенных видов растений, было выделено еще учеником Аристотеля Теофрастом (372–287 гг. до н.э.), считающимся основоположником ботаники. Теофраст описал свыше 500 растений, отнеся их к 4 основным группам: деревья, кустарники, полукустарники и травы. В пределах этих групп он различал: деревья культурные и дикорастущие, вечнозеленые и с опадающей листвой, наземные и водные, цветущие и нецветущие, морские и пресноводные, однолетние и живущие несколько лет [14]. Подобное деление растений было результатом научной деятельности того времени, но с современной точки зрения подобная система, основанная лишь на визуальных наблюдениях за жизнью растений, является скорее обыденной, поскольку категоризация объектов «обыденным сознанием происходит с опорой на чувственное познание» [9, с. 6]. В основе современной ботаники лежит классификация растений К. Линнея, который выбрал основным принципом ее построения морфологические особенности органов размножения растений, в частности количество долей в семени [14].

Таким образом, в зависимости от признаков, лежащих в основе понятий, представляется возможным отграничить термин от нетермина, поскольку под термином мы понимаем языковое выражение лишь тех специальных понятий, которые являются мысленным обобщением «существенных свойств предмета *научного познания*», и которые вобрали в себя всю систему знаний о данном предмете, «соотносимую с *определенным временем* и уровнем развития науки и с *определенной научной концепцией*» (курсив наш. – И.К.) [15, л. 10]. Соответственно задачей данной статьи является определение конкретных лингвистических критериев, которые свидетельствовали бы о терминологическом характере лексической единицы.

В результате анализа лексикографических определений имен существительных, являющихся наименованиями животных и растений из словаря «New Webster's Dictionary of the English Language. College Edition», толкового словаря современного английского языка, нами были выделены 586 таксономических классификаторов¹, отражающих принадлежность толкуемых слов к категории животных и растений (например, *animal, creature, plant, bird, fish, dog, herb, tree, anchovy, baboon, bass, bat, buffalo, camel, althea, arum, aster, bamboo, buckthorn, camellia, clematis, etc.*).

Из этого общего числа категория животных представлена 352 разнородными классификаторами, которые фиксируют разнообразные знания об обозначаемых объектах. Среди них нами были выделены

---

¹ Под классификатором мы, вслед за Н.В. Фархутдиновой, понимаем «определяющее слово словарной дефиниции, обеспечивающее понимание значения лексикографируемой единицы путем отнесения ее к классу слов» [16, л. 66] и имеющее более широкую семантику.

38 классификаторов (например, *anthozoon* ‘морское членистоногое животное’, *arachnid* ‘паукообразные’¹, *arthropod* ‘членистоногие’, *bivalve* ‘двустворчатый моллюск’, *carnivore* ‘плотоядное животное’, *cephalopod* ‘головоногие’, *cetacean* ‘представитель китов или китообразных’, *decapod* ‘декаподы’, *echinoderm* ‘иглокожие’, *hydrozoan* ‘представитель класса гидрзоев’, *insect* ‘насекомое’, *mollusk* ‘моллюски’, *quadruped* ‘четвероногое животное’, etc.), которые, на наш взгляд, можно отнести к научным терминам. Данное предположение строится на следующих основаниях.

1. Рассматриваемые термины являются новолатинскими наименованиями, которые специально создаются зоологами на основе греческих и латинских элементов (например, приставок, основ) и имеют соответствующие пометы в словаре: NL (New Latin), Gr (Greek), L (Latin): *cetacean* ‘представитель китов или китообразных» [*L. cetus, Gr. kēto, any large sea monster, a whale.*] ‘A marine animal of the order *Cetacea* including whales, dolphins, and porpoises’; *decapod* ‘декаподы’, n. [*N.L. Decapoda, pl., < Gr. deka, ten, and pous (pod-), foot.*] ‘Any of the *Decapoda*, an order of tenfooted crustaceans, which includes the lobsters and crabs; an order of ten-armed cephalopods, which includes the cuttlefishes and squids’. О новолатинском характере наименований свидетельствует и совпадение формы выражения с латинской номенклатурой, которая представляет собой латинские или латинизированные (записанные латинскими буквами) названия, различные по этимологии (латинский, греческий, любые другие языки). В дефинициях научных терминов приводится только родовое латинское название, которое «указывает на род и представляет собою, как правило, либо народное по происхождению название вида, либо в латинизированной, но уже субстантивированной форме указывает на какие-либо характерные признаки во внешнем виде, поведении, образе жизни данного вида» [17, с. 104]: *hydrozoan* ‘представитель класса гидрзоев’ – ‘any of the *Hydrozoa*, a class of coelenterate aquatic, mostly marine animals, simple or compound, including the hydras and other polyps and the small jellyfishes’; *gastropod* ‘брюхоногие’ – ‘any of the *Gastropoda*, a class of mollusks, including the snails, whelks, and slugs, the members of which usually have a univalve shell and a disklike foot on the ventral surface of the body by means of which the move about’. Подобное создание наименований свидетельствует о специальном характере лексики, которая «создается либо для именованя вещей вообще отсутствующих в естественных условиях, либо для обозначения тех аспектов реальных вещей, которые не попадают в центр внимания человека в повседневной жизни» (курсив наш. – И.К.) [5, с. 29], и, следовательно, о ее научном статусе.

2. О терминологичности данных классификаторов свидетельствует и наличие в дефинициях, раскрывающих значения классификаторов,

---

¹ Перевод данных терминов приведен во множественном числе, поскольку в русском языке они обозначают совокупность таксонов, обладающих определенными свойствами.

семантического признака 'строение'. Данный семантический признак, во-первых, репрезентирует специальные знания об объекте [9] и, во-вторых, указывает на свойства таксонов, на основе которых последние формируют таксономические категории¹: *arthropod* 'членистоногие' – 'any member of the *Arthropoda*, a phylum of invertebrates **with segmented bodies and jointed limbs**: included are myriapods, arachnids, crustaceans, and insects'; *cephalopod* 'головоногие' – 'any member of the class *Cephalopoda*, a class of mollusks, which includes the octopus, cuttlefish, and chambered nautilus, **characterized by prehensile tentacles which surround the mouth**'; *echinoderm* 'иглокожие' – 'any marine animal of the phylum *Echinodermata*, such as the sea urchin or starfish, **having radial appendages, symmetrical body structure, and a spiny calcareous exoskeleton**'.

3. Информация о таксономической отнесенности представлена на высоких уровнях биологических таксономических категорий – уровне класса, отряда, отдела. Маркерами таксономической принадлежности являются лексемы *class* 'класс', *group* 'класс', *order* 'отряд', *division* 'отдел', *phylum* 'филюм': *carnivore* 'плотоядное животное' – 'a flesh-eating animal or plant, esp. one of the *Carnivora*, an **order** of mammals, chiefly flesh-eating, including the cats, dogs, bears, seals, and others'; *protozoan* 'простейшее животное' – 'any of the animals in the first or lowest zoological **division** or **phylum**, *Protozoa*, comprised of single-celled, microscopic organisms'.

4. Поскольку данные понятия являются обозначениями групп организмов, то в лексикографических определениях, которые служат выражением «многообразной классификации предметов и явлений объективной реальности» [19, с. 9], должны найти отражение сведения о составе этих групп. Действительно, во всех дефинициях зафиксирована информация о таксонах, образующих таксономические категории: *marsupial* 'сумчатые' – 'any of the *Marsupialia*, an order of non-placental mammals **which includes the kangaroo, opossum, and koala**, most of which have a marsupium or pouch on the abdomen of the female containing the mammary glands and serving as a receptacle for the young'; *mollusk* 'моллюски' – 'any of the *Mollusca*, a large phylum of invertebrate animals having soft, unsegmented bodies, usu. covered with a hard shell of one, two, or more pieces, **as snails, mussels, oysters, clams, squids, octopuses, and the like**'; *ruminant* 'жвачное животное' – 'a member of an order of herbivorous hoofed mammals the chew the cud, **as the camel, cow, deer, goat, and the like**'. Состав категорий может быть указан на разных уровнях обобщения: видовом, как в приведенных выше примерах, так и на уровне класса (*vertebrate* 'позвоночное' –

---

¹ Всего различают 8 основных таксономических категорий для царства животных: царство (животные), тип (напр., хордовые), подтип (напр., позвоночные), класс (напр., млекопитающие), отряд (напр., хищные), семейство (напр., кошачьи), род (напр., кошки), вид (напр., кошка домашняя) [18, с. 13]. Таксономические категории применяют в систематике для «обозначения соподчиненных групп растений и животных, отличающихся различной степенью родства» [18, с. 13]. Подобная иерархическая система «упорядочивает разнообразие и как бы уменьшает его, делая органический мир доступным для обозрения, изучения и использования» [14, с. 4].

a. 'belonging to the *Vertebrata*, a division of animals, **comprising fishes, amphibians, reptiles, birds, and mammals**, all of which have a segmented spinal column'. – n. 'a vertebrate animal'.), в зависимости от места таксономической категории в иерархии (вышестоящие категории включают нижестоящие).

Таким образом, приводимые в лексикографической дефиниции наименований животных сведения об этимологии названий, строении и составе членов категории, уровне таксономической категории в иерархии биологических рангов позволяют определить данные лексемы как специальные научные понятия, т.е. термины, которые вбирают в себя «целый пласт системных познавательных связей» [20, с. 9], и с помощью которых «происходит генерализация человеческого опыта, связанного с конкретными объектами» [20, с. 10].

Несколько иной состав семантических признаков наблюдается в лексикографических определениях наименований растений. Классификаторы категории растений (напр. *annual* 'однолетнее растение', *biennial* 'двухлетнее растение', *perennial* 'многолетнее растение', *evergreen* 'вечнозеленое растение' и др.), на наш взгляд, не являются терминами, поскольку, во-первых, как было упомянуто ранее, деление растений на однолетние, двухлетние, многолетние и т.д. является одной из классификаций растений, которые были приняты ранее в ботанике. Во-вторых, в их дефинициях не находят отражения сведения о строении и составе членов категории, уровне таксономической категории в иерархии биологических рангов. Вместо этого в определениях зафиксирован признак 'продолжительность жизни': *annual* 'однолетнее растение' – 'a plant that grows from seed, flowers, and **perishes in the course of the same season**'. Это наблюдение может быть сделано любым человеком, не требует специальных знаний, следовательно, можно говорить о его обыденном характере. То же утверждение, на наш взгляд, справедливо и для понятия *evergreen* 'вечнозеленое растение' – 'a plant **having green needle-shaped leaves throughout the year**, esp. pine, spruce, or fir'. Семантический признак 'окраска листьев' отражает категоризацию объектов на перцептивном уровне, т.е. обыденным сознанием, следовательно, понятия, содержащие данные признаки в дефиниции, фиксируют обыденное знание о реальной действительности и являются житейскими.

Таким образом, лексикографическая дефиниция предоставляет достаточно разнообразную информацию, позволяющую разграничить слова, которые являются терминами в любом контексте, и слова общеупотребительной лексики. Поскольку «знание хранится в человеческой памяти в форме понятий» [20, с. 21], научные термины как языковое выражение научных понятий являются средствами фиксации научного знания об объектах и явлениях реальной действительности, а житейские понятия – обыденного знания, которое ранее считалось предметом научной мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гринев, С.В.* Введение в терминоведение / С.В. Гринев. – М. : Моск. лицей, 1993. – 309 с.
2. *Табанакова, В.Д.* Идеографическое описание научной терминологии / В.Д. Табанакова. – Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1999. – 200 с.
3. *Ахманова, О.С.* Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
4. *Васильева, Н.В.* Термин / Н.В. Васильева // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
5. *Реформатский, А.А.* Введение в языковедение: учебник для вузов / А.А. Реформатский; под ред. В.А. Виноградова. – 5-е изд., испр. – М. : Аспект пресс, 2005. – 536 с.
6. *Дианова, Г.А.* Термин и понятие: проблемы эволюции (к основам исторического терминоведения) / Г.А. Дианова. – М. : Еврошкола, 2000. – 184 с.
7. *Шелов, С.Д.* Опыт построения терминологической теории: значение и определение терминов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.21 / С.Д. Шелов; Моск. гос. ун-т. – М., 1995. – 35 с.
8. *Голованова, Е.И.* Когнитивная сущность термина / Е.И. Голованова // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития: материалы Первой междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике, Тамбов, 26–30 мая 1998 г. / Тамбов. гос. ун-т. – Тамбов, 1998. – Ч. 2. – С. 38–41.
9. *Перезовова, Ю.Е.* Репрезентация научного и обыденного знания в языковых единицах, обозначающих химические вещества: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04; 10.02.19 / Ю.Е. Перезовова; Тамб. гос. ун-т. – Тамбов, 2004. – 24 с.
10. *Климовицкий, Я.А.* Термин и обусловленность определения понятия в системе / Я.А. Климовицкий // Проблематика определения терминов в словарях различных типов: сб.ст. / под ред. С.Г. Бархударова. – Л. : Наука, 1976. – С. 107–114.
11. *Володина, М.Н.* Термин как средство специальной информации / М.Н. Володина. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 80 с.
12. *Суперанская, А.В.* Общая терминология: Вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева; под ред. Т.Л. Канделаки. – М. : Наука, 1989. – 246 с.
13. *Алексеева, Л.М.* Проблемы термина и терминообразования: учеб. пособие по спецкурсу / Л.М. Алексеева. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1998. – 120 с.
14. *Еленевский, А.Г.* Ботаника: систематика высших, или наземных, растений: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений / А.Г. Еленевский, М.П. Соловьева, В.Н. Тихомиров. – 3-е изд., испр. – М. : Издат. центр «Академия», 2004. – 432 с.
15. *Лемов, А.В.* Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / А.В. Лемов. – Н. Новгород, 2000. – 226 л.

16. *Фархутдинова, Н.В.* Структурные и категориальные признаки слов и их отражение в словарных дефинициях: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.В. Фархутдинова. – Минск, 1992. – 183 л.
17. *Герд, А.С.* Терминологическое значение и типы терминологических значений / А.С. Герд // Проблематика определения терминов в словарях различных типов: сб.ст. / под ред. С.Г. Бархударова. – Л. : Наука, 1976. – С. 101–107.
18. *Либеров, А.Ю.* Биология. Зоология. Систематика животных: метод. пособие / А.Ю.Либеров. – М. : НПО «Перспектива», 1992. – 94 с.
19. *Арбатский, Д.И.* Толкования значений слов. Семантические определения / Д.И. Арбатский. – Ижевск : Удмуртия, 1977. – 100 с.
20. *Володина, М.Н.* Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации) / М.Н. Володина. – М. : Изд-во МГУ, 2000. – 128 с.

The research is devoted to the problem of differentiating terms and non-terms and working out formal criteria defining a terminological character of classifiers in a taxonomic definition. As it becomes clear from our research a dictionary definition provides enough information for such a differentiation. If we find data on the name etymology, category members, level in the biological hierarchy in a dictionary definition of a classifier we consider it to be a term.

Поступила в редакцию 13.09.10

Л.В. Курчак

ПУТИ РЕКОНСТРУКЦИИ РЕФЕРЕНТНОГО СОДЕРЖАНИЯ ДИСКУРСА ДЕЛОВЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

В статье дано описание техники качественного сбора базы данных (на малой выборке/малом корпусе текстов) под названием «Построение тематических карт-схем». На основании полученных данных реконструируется референтное содержание дискурсии или дискурс-картины мира участников коммуникации. В процессе проведения исследовательского проекта было установлено, что предлагаемую технику оптимально использовать в рамках данной методики для сбора базы данных. Материалом для анализа послужил скрипт *деловых переговоров*. Выполненная реконструкция дискурс-картин мира участников деловых переговоров проведена с целью выявления элементов общего и индивидуального, обоюдного и противоречивого в дискурсе участников переговоров как для анализа и оценки, так и для совершенствования процесса управления деловой коммуникацией.

Лингвистика сегодня собрала в себе огромное множество направлений и использует открытое множество исследовательских парадигм. Российские и белорусские ученые полагают, что интегративный статус в области изучения проблем «человек – язык – знание – культура» может принадлежать

и когнитивной лингвистике, и герменевтике, и лингвокультурологии, и дискурс-анализу [1, с. 6–7]. Данный список остается открытым. Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, М.В. Гаврилова и другие лингвисты однозначно признают, что для современной лингвистики характерна тенденция комбинирования различных методов и подходов [2]. Посмотрим с этих позиций на исследования дискурс-аналитического профиля.

Такое новое направление лингвистической науки, как лингвистика дискурса [3] является сегодня активно развивающимся направлением социального знания. Данная область, рожденная в контексте интердисциплинарности, имеет настолько значимый потенциал интегрирования, что сегодня количество дисциплин, объединенных под ее крылом, насчитывает не один десяток. Не удивительно, что расширяется и объем методического аппарата этого направления (методики, аналитические практики, процедуры анализа).

Значимость изучения открытого дискурсного пространства (текстов в социальном контексте, т.е. текстов-событий, текстов-действий) объясняется тем, что мир столкнулся с целым рядом новых для него проблем. В том числе – с проблемой повышения эффективности делового общения в контексте взаимодействия в рамках профессиональных сообществ, членами которых являются представители, актуализирующие разные языковые и социальные культуры, а значит и свои особые миры. Изучение того, как порождаются смыслы в полилогических профессионально закрытых дискурсах, в которых взаимодействуют коммуниканты разных типов языковых культур, все более активно привлекает внимание лингвистического научного сообщества. Однако остается открытым вопрос – насколько эффективен лингвистический аппарат для изучения этой проблемы.

Перед тем как обратиться непосредственно к описанию техники анализа, разработанной нами в русле каузально-генетической исследовательской перспективы [4; 5; 6; 7; 8; 9], дадим дефиниции еще трем ключевым терминам нашего подхода.

Тема и тематическое развитие (развертывание). Под темой понимается кодируемая адресантом смысловая информация, своего рода смысловой пучок дискурсии так или иначе названный, а значит оцененный и проинтерпретированный, соотношенный с другими с учетом разнообразных кодов, включенных в дискурсию (языковой, речеповеденческий, деятельностный, но главное – открытый интерпретации участниками ситуации общения. Мы принимаем априори (наша гипотеза), что таких смысловых пучков может быть открытое множество, и каждый из них может иметь свое истолкование у коммуникантов. Однако их соотношение с учетом всех возможных сторон их развития в определенные тематические сети объективирует процесс понимания и сводит к минимуму их «разночтение» участниками общения.

Дискурс международных деловых переговоров. Под этим термином понимается совокупность дискурсий, представляющих международные деловые переговоры, участники которых используют не только родной, но

и иностранный язык для достижения информационной цели (что-либо узнать), предметной цели (что-либо получить), коммуникативной цели (установить определенные отношения с партнером) [10]. Таким способом решается задача производственно-коммерческой деятельности – получение прибыли от продажи своего и (или) закупаемого товара на старых и (или) новых рынках. Поясним, мы анализируем дискурс международных деловых переговоров на материале конкретных дискурсов (дискурсных практик), представленных в виде аудиозаписей с последующим их транскрибированием. Для описания техники в качестве примеров будет использоваться материал одной из дискурсов – скрипт переговоров одной из частных коммерческих белорусских компаний со своими деловыми партнерами – представителями одной из китайских частных производственных компаний.

База данных. Для лингвистических работ более приемлемо оперировать термином *корпус текстов* при описании объекта, однако мы выбрали иной термин, ибо анализу подвергается не столько набор текстов (скриптов дискурсов), сколько собранная и организованная в соответствии с определенными правилами совокупность данных о содержании текста. *База данных* необходима: во-первых, для последующего описания, анализа и сопоставления описанных элементов; во-вторых, для верификации полученных результатов и, в-третьих, для графической репрезентации данных, которая помогает их организовать, структурировать и представить в разных пространственных изображениях, способствуя работе интуиции исследователя [11]. Конечно, в ней могут храниться такие формы информации, как аудиозаписи и скрипты, но фокус внимания, однако, направлен на некоторую предварительную обработку этого материала. Таким образом, *б а з а д а н н ы х* – это еще и карты, схемы, таблицы, а в каких-то случаях и аналитические записи по составляющим базу данных. Таким образом, основные задачи базы данных заключаются в получении, хранении, управлении, анализе и визуализации данных. Если база данных сложна, комплексна, многоярусна, требуется последовательное использование целого ряда техник анализа, помогающих увидеть многогранность изучаемого объекта и, что не менее важно, верифицировать собранную информацию.

Описание техники. Итак, реализуя технику «построение тематических карт-схем», исследователь ожидает нахождения в одной дискурсии некоторого множества тем (смысловых пучков). С опорой на реальные скрипты исследователь методом брейнсторминга ищет их в максимальном объеме. Уже затем идет этап верификации – проверка их наличия через операционализацию (разложение на составляющие, т.е. структурирование с опорой на исследовательский материал). Затем исследователь соотносит эти смысловые пучки, представленные в виде различных фигур, любого рисунка, который отражает реальность дискурсии. И эту реальность надо также перепроверять. Как видим, на этом этапе задача заключается в поиске, выделении и визуализации материала, на основании которого определяются все темы и устанавливаются особенности

их развития и связи друг с другом. Для осуществления сбора базы данных изучаемая дискурсия неоднократно перечитывается с целью поиска тем в их развитии и их фиксации в виде карт-схем. Количество карт зависит от того, насколько глубоко необходимо проникнуть в «ткань» дискурсии (текстуру). Основное назначение карт-схем – иллюстративно представить информацию (рис. 1).

На рисунке собрана и организована информация, актуализирующая фокусы внимания дискурсии, причем соблюдена их последовательность появления. Мы видим в тексте 10 тем (т.е. 10 фокусов внимания могут претендовать на то, что они являются развивающимися темами), и это – (1) новинки, (2) участник переговоров А1, который понес (3) убытки, (4) участник переговоров А2, (5) проблема – недостающие коробки, которых не обнаружили на (6а, 6б) складах А1 и А2, в (7) контейнере и на (8) фабрике А2, (9) решение данной проблемы в виде (10) скидки.

При втором приближении, т.е. в процессе уточнения тем (рис. 2), заметив, что темы 2 и 4, представляющие участников коммуникации имеют

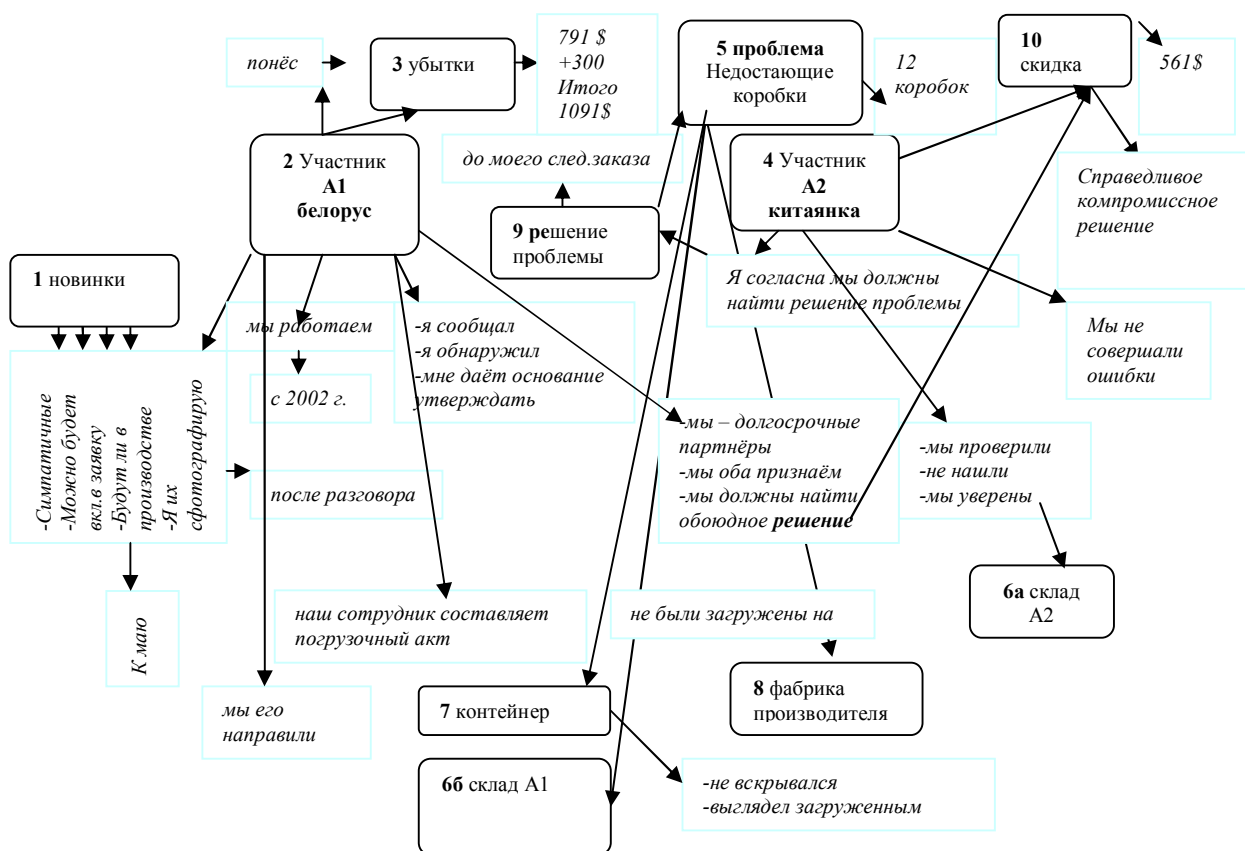

Рис.1. Карта-схема развития референтного (тематического) содержания дискурсии «Белорусско-китайские переговоры на торговой выставке игрушек в Нюрнберге 26.04.2005»

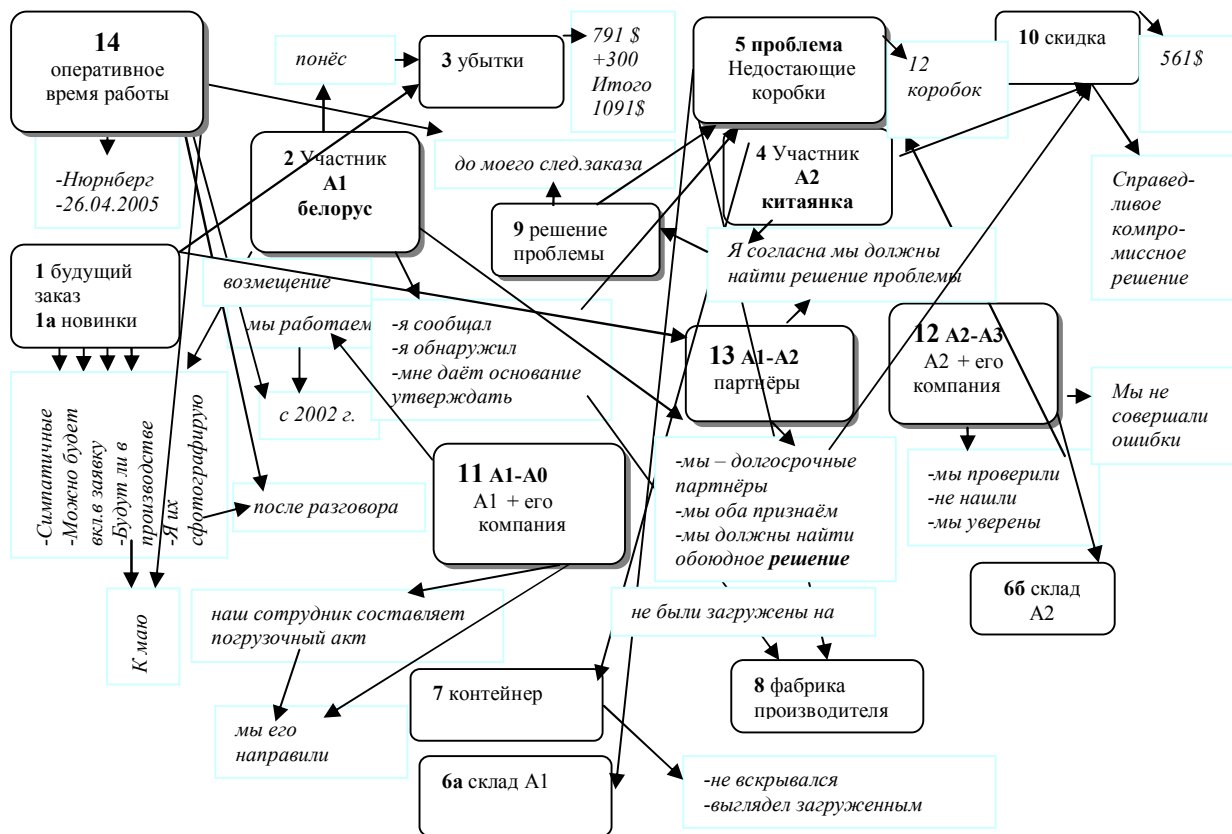

Рис.2. Уточненная карта-схема развития референтного содержания дискурсии «Белорусско-китайские переговоры на торговой выставке игрушек в Нюрнберге 26.04.2005»

разную степень глубины, мы можем выделить из них темы 11, 12, 13. Отсюда и возможный вывод о том, что участниками переговоров являются не только индивидуальные субъекты коммуникации (А1 и А2), но и коллективные субъекты (А1 и его компания, А2 и его компания, партнеры А1, А2). Кроме того, мы наблюдаем актуализацию темы (14) оперативное время работы, которая дает описание внешнеэкономической деятельности, направленной из прошлого (недостача товара) в будущее (будущий заказ) через настоящее (решение проблем). При этом мы заменили название темы 1 «Новинки» на название «Будущий заказ», которое, с нашей точки зрения, точнее определяет референтное содержание данного фрагмента.

Как видим, техника такого сбора базы данных напоминает процесс восстановления старых картин – послойно, шаг за шагом мы приближаемся к сути изображенного. Все, что мы обнаружили в исследуемом материале, мы заносим в карты-схемы, повторяем данную процедуру многократно, отвечая на постоянно повторяющиеся два вопроса «О чем идет речь?» и «Что именно об этом сообщается?». При этом важно перепроверять место (ибо место того или иного информативного элемента пучка несет в себе и значение и значимость, которыми данный смысловой пучок начинает «отсвечивать»).

Наша следующая тематическая карта-схема (рис. 3) является результатом фокусировки исследователя на иерархической составляющей (какие

темы являются главными, а какие второстепенными) содержания и может нам служить материалом для последующего анализа дискурсии и описания дискурс картины-мира исследуемого случая.

Итак, мы видим три узловые темы дискурсии: «Субъекты, включенные в данную внешнеэкономическую деятельность (ВЭД)», «Решение проблемы недостающего товара» и «Сохранение партнерства». О субъектах коммуникации мы узнаем, что они – как индивидуальные «покупатель А1» и «продавец А2», так и коллективные «покупатель А1, представители его компании и партнеры», «продавец А2 и его компания» и «партнеры А1 и А2».

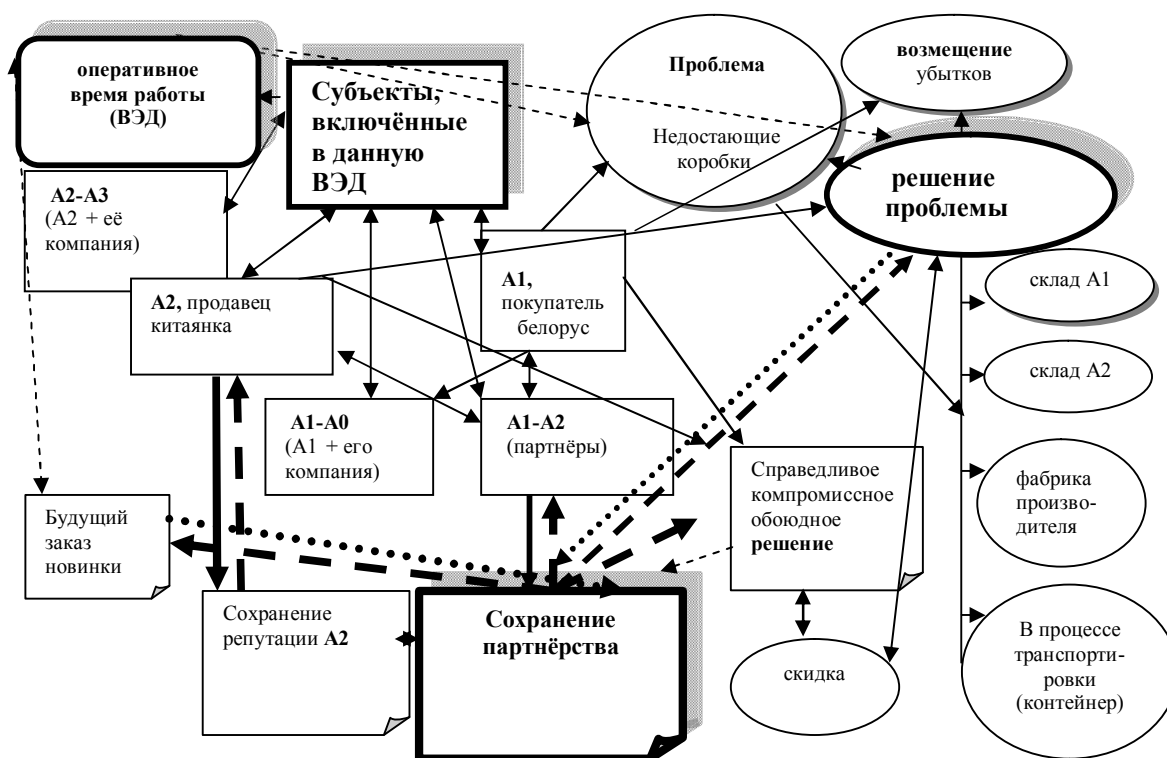

Рис.3 . Карта-схема развития тематического содержания дискурсии «Белорусско-китайские переговоры на торговой выставке игрушек в Нюрнберге 26.04.2005»

Их внешнеэкономическая деятельность помещена в определенные временные рамки – тема «Оперативное время работы», данная деятельность направлена из прошлого «Недостача товара» и «Понесенные убытки А1» в будущее «Будущий заказ» через настоящее «Решение проблемы» и тем самым «Сохранение партнерских отношений». Таким образом, можно сделать вывод о том, что тема «Оперативное время работы внешнеэкономической деятельности» является рамочной для данной дискурсии. Тема «Решение проблемы» посвящена обсуждению субъектами коммуникации возможных пробелов в процессе закупочной деятельности – это темы «Пропавший товар» на «фабрике» или «складе покупателя», «на складе продавца», «в процессе транспортировки». Кроме того, «Решение проблемы»

затрагивает процесс “возмещения убытков”, понесенных покупателем. Решением последней проблемы является «скидка» с последующей поставкой. Так как решение проблемы признается и продавцом (A2) и покупателем (A1) справедливым компромиссным и обоюдным, то «сохранение репутации A2» и возмещение частичных «убытков» A1 делают возможным «сохранение партнерских отношений» и «будущий заказ», т.е. дальнейшее сотрудничество. Сравнивая значимость трех узловых тем, можно предположить, что тема «Сохранение партнерства» является главной, так как в ней «встречаются» все остальные темы. Однако каждый элемент тематического развития дискурсии может быть более значимым для разных участников коммуникации. Очевидно, что для A1 наиболее значимыми являются темы «Возмещение убытков», «Сохранение партнерства», «Будущий заказ» и «Решение проблем поставки товара». А для A2 – «Сохранение репутации» и «Решение проблем поставки товара».

Такой рисунок – это очередной элемент базы данных. До того как он станет объектом анализа, его надо осмыслить, а значит описать. Многофокусное описание помогает достичь глубины осмысления (если исследователь видит несколько точек зрения; в противном случае эта многофокусность придет позже). Можно предложить в качестве подсказки, что фокус внимания может перемещаться от фактологического развития смыслового пучка к его интерпретативной, а в каких-то случаях и метаязыковой составляющей (если таковые имеются). Другие возможные отправные позиции описания – подача факта от разных лиц, в разных ситуативных или временных ракурсах и т.д. (если опять-таки это представлено в исследовательском материале). Исследователю надо многократно перечитывать материал и искать различные составляющие одного и того же явления, добываясь ответа на вопрос: «Что сказал говорящий, сказав это?» или «Что не сказал говорящий, сказав это?». Таким образом, референтное содержание в своей тематической данности «обрастает» многими составляющими – вербальными и невербальными, кодами формата и жанра... (список открыт). Исследователю следует быть максимально пытливым – так что же стоит за словами, фразами, грамматическими формами, синтаксическими оборотами, введенной ссылкой, паузой в контексте развития того или иного смыслового пучка, нескольких смысловых пучков, объединенных единой модальностью или чем-то иным.

Вышеописанная техника представляет собой построение карт-схем тематического развертывания, ее задачами являются: выделение, организация и визуализация структуры макропропозиции дискурсии. Результатом исполнения техники является карта-схема (сложный вид репрезентации пучка семантических сеток и их организации), которая репрезентирует максимально возможное количество изображений исследуемого фрагмента «внешнего» мира во «внутреннем» мире сознания участников общения. Данная техника работает не со статическим,

а с динамическим содержанием, т.е. открытым преобразованием в процессе коммуникации. Разворачивая ту или иную тему, каждый из коммуникантов исследуемой дискурсии имеет сверхзадачу, которая заключается в «сохранении партнерства», и какая бы тема не развивалась, она все равно приходит к упомянутой главной теме. Таким образом, данная техника может реконструировать главную тему – сверхзадачу. То, что мы начали реконструкцию дискурс-картины мира именно с техники «Построение тематических карт-схем» не означает, что данная техника является обязательной, первой или главной в процедуре реконструкции, она является одной из набора техник сбора базы данных для последующего анализа и описания референтного содержания дискурсии. Кроме того, карты-схемы, приведенные в статье, актуальны именно для данной анализируемой дискурсии. Данные, полученные в результате проведения процедуры построения тематических карт-схем, требуют верификации другими техниками.

Методика реконструкции референтного содержания (дискурс-картин мира) способствует реализации множества задач, но главное, она помогает собрать новое знание о дискурс-мирах общающихся с тем, чтобы найти точки пересечения с позиций согласования данных миров или их противостояния, открывает перспективы общения, корректирует ошибки, оптимизирует поиск набора обсуждаемых тем, особенностей их структурирования, линейного развития, ранжирования и далее, их вписывания в соответствующие форматы и жанры, ситуации и типы дискурсов, типы взаимодействия коммуникантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маслова, В.А.* Современные направления в лингвистике / В.А. Маслова. – М. : Издат. центр «Академия», 2008. – 272 с.
2. *Гаврилова, М.В.* Российский политический дискурс: дискурсивно-когнитивный подход / М.В. Гаврилова // Дискурс в академическом пространстве : материалы Междунар. круглого стола 3–5 апр. 2009 г. / под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск : БГУ, 2010. – С. 78–82.
3. Дискурс в академическом пространстве : материалы Междунар. круглого стола 3–5 апр. 2009 г. / под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск : БГУ, 2010. – 146 с.
4. Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск : Издат. центр БГУ, 2009. – Вып. 6. – 215 с.
5. *Попова, А.В.* Дискурс-картины мира и кортежного взаимодействия элитарных средств информации : дис. ...д-ра гуманитар. наук, филол. : 04Н / А.В. Попова. – Вильнюс : Вильнюс. гос. ун-т, 2010. – 200 с.

6. Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / под общ. ред. и сост. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 2008. – Вып. 5. – 271 с.
7. Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск : БГУ, 2002. – Вып. 3. – 360 с.
8. Савич, Е.В. Продвижение и защита интересов группы: опыт дискурс-анализа / Е.В. Савич // Социальная власть языка : сб. науч. тр. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2001. – С. 214–220.
9. Маркович, А.А. Коллективный субъект в дискурсе консолидации: особенности самоидентификации / А.А. Маркович // Социальная власть языка: сб. науч. тр. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2001. – С. 264–269.
10. Стернин, И.А. Речевое воздействие как интегральная наука / И.А. Стернин [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://sternin.adeptis.ru/articles_rus.html. – Дата доступа : 11.04.2010.
11. Lengler R. Towards A Periodic Table of Visualization Methods for Management / R. Lengler M. Eppler [Electronic resource]. – 2007. – Mode of access : http://www.visual-literacy.org/periodic_table/periodic_table.pdf. – Date of access : 07.07.2010.

The article represents the description of the technique used for reconstructing and verifying communicants' pictures of the world (object-bias content) with a focus on the category 'theme'. The procedure of the analysis is created in the frame of the causal-genetic approach. The sample we use is a text (script) of the Belarusian-Chinese negotiations, which took place during the international trade fair in Nuremberg in April 2005.

Поступила в редакцию 05.10.10

О.Ю. Сак

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА В ТЕКСТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В статье дано описание лексических и грамматических средств манипулирования в текстах политической направленности. Одним из основных средств воздействия на лексическом уровне является эмоционально-оценочная лексика, которая выражает субъективное отношение говорящего к объектам действительности и в манипулятивных ситуациях завышает или занижает подлинную ценность объектов действительности. Лексические повторы в речи манипулятора выполняют усилительную функцию: к понятиям, выражаемым этими словами, привлекается особое внимание адресата речи. Исследование особенностей реализации грамматических категорий в манипулятивных целях показало, что употребление различных форм наклонений глагола, использование

страдательного залога и различных типов модальности, переносное употребление личных форм глагола, особенности функционирования местоимений в манипулятивных высказываниях способны увеличивать экспрессию выражения и формировать новые смысловые оттенки, что позволяет считать данные морфологические средства воздействия на собеседника весьма эффективными.

Основной языковой единицей, используемой в процессе коммуникации как средство манипулятивного воздействия на адресата, служит высказывание. Однако, как показывает проведенное исследование, существенна роль лексического наполнения манипулятивных высказываний.

В лексической системе языка сосредоточены основные средства вербального воздействия на человека. Предпосылками для манипулятивного использования слова в речи служат многозначность слова в системе языка, возможность употребления слова в переносном значении, наличие коннотаций у слова, возможность обозначения одних и тех же объектов действительности разными номинациями, сознательный выбор в акте номинации, а также парадигматические и синтагматические связи слов в системе языка [1]. Целенаправленное преобразование информации рассматривается как важнейшая составляющая манипулятивного воздействия [2].

Манипулятивное воздействие на поведение человека характеризуется *оценочностью* и *эмоциональностью*. В.И. Шаховский указывает на двойственный характер отношений между эмоцией и оценкой: с одной стороны, эмоции неразрывно связаны с когнитивной оценкой, так как являются ее результатом, с другой стороны, эмоции могут служить основанием оценки [3, с. 40]. Выражаемая говорящим эмоциональная оценка, по мнению ученого, направлена на эмоциональное воздействие на адресата, т.е. должна вызвать определенную эмоциональную реакцию со стороны собеседника (эмоциональное заражение).

Внушая определенную мысль, манипулятор апеллирует к эмоциям адресата речевого воздействия, стремится навязать свою оценку ситуации и объектов действительности. В этих целях говорящим активно используется эмоционально-экспрессивная лексика, выражающая положительную и отрицательную оценки.

Следует заметить, что понятие эмоциональности и оценочности не тождественны, хотя и тесно связаны. Некоторые эмоциональные слова (например, *междометия*) не содержат оценки, в других же словах оценка составляет суть их смысловой структуры, но они не относятся к эмоциональной лексике: *хороший, плохой, радость, гнев, любить, страдать*. Особенностью эмоционально-оценочной лексики является то, что эмоциональная окраска «накладывается» на лексическое значение слова, но не сводится к нему: денотативное значение слова осложняется коннотативным [4, л. 70].

Поскольку оценка (эмоционально-оценочная лексика) выражает субъективное отношение говорящего к объекту действительности, она может быть адекватной и неадекватной. Намеренный выбор манипулятором более положительного или отрицательного в оценочном отношении имени способствует завышению или снижению оценки объекта при его неизменной ценности.

Номинация как осознанный акт любого обозначения (наименования) в процессе общения может формировать определенное отношение к обозначаемому (называемому), т.е. использоваться с целью манипулирования собеседником. Выбор имени осуществляется в зависимости от того, какие свойства предмета или явления манипулятор хочет отметить, какие скрыть. Использование не соответствующих действительности номинаций, приклеивание ярлыков – один из способов влияния на собеседника с помощью языка.

Предполагаем, что существенную роль в манипулятивных контекстах играет *повтор лексических единиц* в высказываниях манипулятора, поскольку, как отмечал Ю.М. Скребнев, «функция повтора как намеренно стилистического средства (в отличие от случайного повторения при неподготовленной устной речи) всегда является усилительной: повторяемое слово подчеркивается отправителем речи; к понятию, выражаемому этим словом, привлекается особое внимание адресата речи» [5, с. 139].

По мнению Е.А. Земской, повторяющаяся единица «выступает как скрепа – выразитель единого значения, усиливающего единство текстового ряда и подчеркивающего звуковую организацию» [6, с. 168]. Л.Н. Григорьева считает, что «повтор на коммуникативном уровне, усиленный лексическими и синтаксическими средствами, повышает степень эффективного воздействия на партнера по интеракции» [7, с. 128].

Повторы представляют собой стилистический прием, основанный на многократном повторении слов, групп слов или предложений для достижения каких-либо стилистических целей: привлечь внимание адресата к ключевому слову высказывания, подчеркнуть основную идею предложения, усилить степень эмоционального воздействия высказывания, выразить то или иное отношение к теме разговора, предмету обсуждения и т.п.

*I urge my friend, His Majesty, to make sure that **democracy** continues to **advance** in Jordan. ... I appreciate His Majesty's understanding of the need for **democracy** to **advance** in the greater Middle East. We visited with him at the G8, and he has been a strong advocate of the **advance** of freedom and **democracy** [8].*

*We will complete the **mission** as quickly as possible. And that **mission** of a secure and stable Iraq will be achieved when the Iraqis are fighting the former regime elements and people like Zarqawi. Therefore, it is important that we continue to press forward with proper **training**. Now, **training** means not just signing people up. **Training** means equipping and preparing*

them for tough fights, as well as developing a chain of command. A good military requires a chain of command from top to bottom, so that orders and plans and strategies can be effected efficiently. And we have work to do there and we will do the work [8].

В приведенных примерах лексические повторы не только усиливают смысл высказывания, но и наряду с другими средствами создают имплицитную экспрессивную окрашенность текста [9, с. 15]. Повторы слов и словосочетаний, находящиеся в разных предложениях, как правило, бывают намеренными и являются ярким примером экспрессивности манипулятивного воздействия. Обычно манипулятором повторяются те слова и выражения, которые необходимо внушить объекту манипуляций, чтобы добиться намеченного результата.

С помощью детального анализа лингвистических характеристик текста, используя специальные аналитические инструменты, можно выяснить, как в тексте трактуются события и социальные отношения. В качестве одного из самых важных инструментов для анализа текста выступает грамматика, в частности, морфология.

К морфологическим средствам манипулирования собеседником можно отнести, прежде всего, особенности употребления *форм наклонений глагола*. Поскольку ирреальная модальность – это оценка содержания высказывания как желаемого, требуемого, но не соответствующего реальной действительности, можно предположить, что говорящий в манипулятивных целях будет чаще использовать в речи формы повелительного и сослагательного наклонения, являющиеся способами выражения ирреальной модальности.

Повелительное наклонение глагола выражает волю говорящего, побуждение к свершению действия, направленное к другому лицу, просьбу или приказание.

So to Democrats and Republicans in the House who are now on the fence, let me say this: do not make the same mistake twice. For the sake of our families, our economy, and our country, step up to the plate and pass this plan. But understand, even with this plan, we may face a long and difficult road to recovery [10].

Сослагательное наклонение служит для выражения действия, которое говорящий считает предполагаемым, возможным или желаемым. Формы сослагательного наклонения в манипулятивных высказываниях используются для выражения учтвого пожелания. Исполнение пожелания в этом случае предоставляется свободному решению собеседника, и потому само пожелание квалифицируется только как предполагаемое.

If you wanted the next four years looking like the last eight, then I wouldn't be your candidate. But if you wanted real change – if you wanted an economy that rewards work, and that works for Main Street and Wall Street; if you wanted tax relief for the middle class and millions of new jobs; if you wanted health care you can afford and education that helps your kids compete; then I would ask you to knock on some doors, make some calls, talk

*to your neighbors, and give me your vote on November 4th. And **if you did that**, I promise you – we will win Pennsylvania, we will win this election, and then you and I – together – will change this country and change this world [11].*

Анализ модальности проясняет степень вовлеченности (или напротив, отстраненности) говорящего по отношению к своему высказыванию. Используя модальность разрешения, говорящий ставит себя в позицию, когда он может давать или не давать разрешение собеседнику что-нибудь делать [12, с. 134].

*You **can't** do it the old way. You **can't** do it with the school bureaucracy controlling everything and that's why we have a new program that I hope people have heard about [13].*

Модальность облигатива подчеркивает обязательность и не предоставляет альтернативы поведения [12, с. 136].

*And so I believe that we've **got to** get the power in the hands of the teachers, not the teachers' union [13].*

Модальность необходимости помогает политику отметить важность тех или иных действий для всего народа.

*And I think we **need** to put this moment in history in proper context [8].*

Модальность долженствования помогает политику выстроить свой образ сильного человека, подчеркнуть свою значимость, а также насущность решения поставленной им задачи: ...we **must** make sure we're not wasting the taxpayer's money [8].

Один из типов модальности, по Н. Фэрклафу, – истина. Говорящий полностью соотносит себя с утверждением [12, с. 136]. Это модальность с высокой причастностью, сопутствующая утверждению знаний как истинного и неопровержимого.

*I believe you're right on to something, that if we don't change the education we're **not going to be able to** compete [13].*

За счет использования категоричной объективной модальности говорящий подчеркивает свой авторитет. Четко структурируя свой ответ, он выступает как политик-рационалист, который знает то, о чем говорит, достоверно владеет информацией и решителен в своих намерениях.

***Number one**, under my program we **would** provide matching funds to states to teach everybody with a job to read in the next 5 years and give everybody with a job the chance to get a high school diploma, in big places on the job. **Number two**, we **would** provide 2-year apprenticeship programs to high school graduates who don't go to college. **Number three**, we'd open the doors to college education to high school graduates without regard to income. They **could** borrow the money and pay it back as a percentage of their income or with a couple of years of service to our nation here at home [13].*

Политик может сделать свою речь максимально объективной, прибегая к использованию не только модальных глаголов, но и модальных слов.

*In terms of troop levels, **obviously**, we'll have the troop levels necessary to complete the mission [8].*

*Listen, this problem will **eventually** be solved [8].*

При изучении воздействующей функции языка необходимо сосредоточить внимание на том, существует ли и какая связь между событиями и процессами, с одной стороны, и субъектами и объектами, с другой. Установлению безличностных отношений может способствовать, во-первых, употребление конструкций в *пассивном залоге*. Агент, совершивший действие, не упоминается. Сама структура предложения освобождает агента от ответственности, подчеркивает только результат, игнорируя действие и процесс, который стал причиной этого [12, с. 133–134].

And the schools that are not chosen are improved – competition does that [13].

Во-вторых, лингвистической особенностью, уменьшающей значимость агента и подчеркивающей результат, является *номинализация*, посредством которой для выражения процесса используется существительное.

Federal funding for education is up substantially [13].

Следующим средством манипулирования собеседником является *морфологическая категория лица*. В манипулятивных целях говорящий чаще прибегает к переносному употреблению личных форм глагола.

Так, вместо глагола в форме 1-го л. ед. ч. употребляется глагол 1-го л. мн. ч. (с местоимением *мы*). В текстах политической направленности местоимение *мы* получает максимально широкое наполнение, оно очень вариативно. По мнению В.В. Виноградова, говорящий может пользоваться данной формой, «выставляя свою личность, себя как выразителя мысли и воли группы, целого коллектива, или же манерно придавая своей речи экспрессию величия, торжественности и авторской важности» [14, с. 364].

We have presented a plan in the past, and we'll present one here in February, that will show we will cut the deficit in half [8].

К употреблению *мы* вместо *я* прибегают иногда в целях самоутверждения или при стремлении поднять свой авторитет в глазах собеседников, слушателей.

We're here today because we need to do what we did in the 1990s and create millions of new jobs and not lose them. We need to do what we did in the 1990s and make sure people's incomes are going up and not down. We need to do what a guy named Bill Clinton did in the 1990s and put people first again. That's why I'm running for President of the United States of America. We've tried it their way. It hasn't worked. And it won't work now [10].

Вместо глагола в форме 2-го л. употребляется глагол 1-го л. мн. ч. для обозначения совместного участия в каком-либо действии говорящего и того, к кому обращена речь.

I know we can steer ourselves out of this crisis. Because that's who we are. Because that's what Americans do. This is a nation that's faced tougher times than these – we've faced war and depression; great challenges and great threats. And at each and every moment, we've risen to meet these challenges because we've never forgotten that fundamental truth – that here, in this country, our destiny is not written for us; it's written by us [10].

Особенности функционирования местоимений в манипулятивных контекстах можно также отнести к морфологическим средствам воздействия на собеседника. Например, местоимения *all, everybody, each, any* выражают значение всеобщности, служат средством генерализации (формирования общих суждений) и вносят неопределенность во взаимодействие собеседников.

*I won't pretend this will be easy or come without cost. We will **all** need to sacrifice and we will **all** need to pull our weight because now more than ever, we are **all** in this together* [10].

Исследование манипулятивных контекстов позволило выделить ряд грамматических и лексических средств воздействия на адресата. Использование различных форм наклонений глагола (повелительного и сослагательного), использование страдательного залога и различных типов модальности, переносное употребление личных форм глагола, особенности функционирования местоимений в манипулятивных высказываниях способны увеличивать экспрессию выражения и формировать новые смысловые оттенки, что позволяет считать данные морфологические средства воздействия на собеседника весьма эффективными.

Существенную роль играет также лексическое наполнение манипулятивных высказываний. Использование эмоционально-оценочной лексики является одним из основных средств воздействия на лексическом уровне. Эмоционально-оценочная лексика, выражающая субъективное отношение говорящего к объектам действительности, в манипулятивных ситуациях чаще всего передает неадекватную информацию, завышает или занижает подлинную ценность объектов действительности. Лексические повторы в речи манипулятора выполняют усилительную функцию: к понятиям, выражаемым этими словами, привлекается особое внимание адресата речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нефедова, Л.А. Лексические средства манипулятивного воздействия в повседневном общении (на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Л.А. Нефедова. – М., 1997. – 17 с.
2. Доценко, Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е.Л. Доценко. – 3-е изд. – СПб : Речь, 2004. – 304 с.
3. Шаховский, В.И. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности / В.И. Шаховский, В.В. Жура // Вопр. языкознания. – 2002. – №5. – С. 38–56.
4. Веретенкина, Л.Ю. Языковое выражение межличностных манипуляций в драматургии А.Н. Островского : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Л.Ю. Веретенкина. – Пенза, 2004. – 216 л.
5. Скребнев, Ю.М. Очерк теории стилистики / Ю.М. Скребнев. – Горький : Изд-во Горьк. гос. пед. ин-та, 1975. – 175 с.

6. Земская, Е.А. Словообразование как деятельность / Е.А. Земская. – М. : Наука, 1992. – 221 с.
7. Григорьева, Л.Н. Диалогические высказывания с побудительной интенцией / Л.Н. Григорьева // Языковые единицы в речевой коммуникации. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – С. 125–130.
8. Bush, G.W. President Holds Press Conference [Electronic resource] / G.W. Bush; the James S. Brady Briefing Room Washington D.C., 2005. – Mode of access : <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2005.html>. – Date of access : 08.07.10.
9. Федосюк, М.Ю. Неявные способы передачи информации в тексте / М.Ю. Федосюк. – М. : МГПИ им. В.И. Ленина, 1988. – 83 с.
10. Barack Obama's speech in Abington, PA [Electronic resource] / B. Obama. – Abington, Pennsylvania, 2008. – Mode of access : <http://speechesdemcon-watchblog.com/2008/10/barack-obamas-speech-in-abington-pa.html>. – Date of access : 09.07.10.
11. Barack Obama's speech in La Crosse, WI [Electronic resource] / B. Obama. – La Crosse, Wisconsin, 2008. – Mode of access: <http://speechesdemcon-watchblog.com/2008/10/barack-obamas-speech-in-la-crosse-wi.html>. – Date of access : 10.07.10.
12. Филлипс, Л. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л. Филлипс, М.В. Йоргенсен. – Харьков : Гуманит. центр, 2004. – 336 с.
13. The Second Clinton-Bush-Perot Presidential Debate. October 15, 1992 [Electronic resource] / Speeches and other Media Uses by William J. Clinton, 42nd President of the United States, 1/20/1993-1/20/2001 – Mode of access : http://cstl-cla.semo.edu/Renka/Modern_Presidents/clinton_speeches.htm#Speeches_presidential. – Date of access : 11.07.10.
14. Виноградов, В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1972. – 614 с.

The article covers basic means of communicative influence at lexical and grammatical levels: the use of emotive vocabulary, lexical repetition, mood and modality, passive voice, figurative meaning of verb forms and specific functioning of pronouns in manipulative contexts.

Поступила в редакцию 16.07.10

А.У. Таболіч, Дз.А. Чарток

БЕЛАРУСКАЯ ГАСТРАНАМІЧНАЯ ЛЕКСІКА Ў МІЖМОЎНАЙ КАМУНІКАЦЫІ

У артыкуле праводзіцца параўнанне гастронамічнай лексікі англійскай, беларускай і рускай моў і разглядаюцца праблемы яе перакладу з адной мовы на іншую. Аналізуюцца назвы рэстаранаў, кафэ і да т.п., а таксама найменні страў і напояў, якія сустракаюцца

ў слоўніках, кнігах, часопісах, турыстычных даведніках і меню. Асаблівая ўвага звяртаецца на пераклад беларускіх рэалій на англійскую мову. Выяўляюцца цяжкасці і недахопы пры перадачы гастронамічнай лексікі з адной мовы на іншую.

Назвы рэстаранаў, кафэ і г.д., а таксама страў і напояў – частка побытавай культуры, якая мае нацыянальную спецыфіку і стварае пэўныя цяжкасці пры перакладзе з адной мовы на іншыя. Праглядаючы літаратуру беларускага турыстычнага бізнесу, мы прыйшлі да высновы, што амаль ніводная кніга не абыходзіцца без побытавай лексікі, часткай якой з’яўляецца беларуская кухня.

Як адзначае аўтар шматлікіх публікацый, прысвечаных гісторыі традыцыйных літвінскіх і беларускіх страў і прадуктаў, Алесь Белы, сёння беларуская кухня не аформленая як канон. Акрамя дранікаў сучасны гараджанін не можа назваць нічога... Каб захаваць сваё адметнае аблічча, кожная нацыя робіць унёсак у сусветны кірмаш. Што можа прапанаваць беларуская кухня? Больш няма смаргонскіх абаранкаў, дубровенскіх пернікаў, дзісенскага масла, вязанскага портэру... І таму задача стварэння паўнаwartаснай беларускай нацыянальнай кулінарнай і гастронамічнай культуры на падставе як “народных”, так і “высокіх” традыцый дагэтуль актуальная [1, с. 7–9].

Склад і структура семантычнага поля “Ежа”, набор яго адзінак, іх канататыўны патэнцыял у вялікай ступені вызначаюцца асаблівасцямі адпаведнага сегмента карціны свету, якую пакрывае гэтае семантычнае поле. Характэрныя пэўнаму моўнаму калектыву адносіны да тых ці іншых відаў прадуктаў харчавання, а таксама рытуалаў падчас ежы знайшлі сваё выражэнне ў асобых аксеалагічных характарыстыках нацыянальных культур, якія экспліцытна ці імпліцытна прысутнічаюць у значэнні гэтых адзінак.

У сярэдзіне XIX ст. В.Г. Бялінскі пісаў, што ў рускую мову па неабходнасці ўвайшло многа замежных слоў, таму што ў рускае жыццё ўвайшло многа замежных паняццяў і ідэй... Усе народы мяняюцца словамі і пазычаюць іх адзін у другога [2, с. 125].

Паміж Расіяй і Францыяй, напрыклад, існавалі доўгія гістарычныя сувязі. Пачатак быў зроблены Яраславам Мудрым, які выдаў сваю дачку замуж за Генрыху I, караля Францыі.

У рускай мове пазычаныя з французскай мовы словы пачалі з’яўляцца ў дапятроўскія часы, але асабліва моцна гэты працэс стаў адбывацца ў канцы XVIII ст., калі руская эліта ўвяла французскія кулінарныя традыцыі і масава ўвозіла замежных кухараў.

Што датычыцца беларусаў, то Радзівілы і іншыя беларускія знатныя людзі шмат падарожнічалі па свеце і, вядома, пазычалі розныя прысмакі, як напрыклад, бульбу ў XVIII ст., кулябякі ў XIX ст., калдуны ў XV ст. і г.д. Штогодна на Анненскі кірмаш, у маленькую Зэльву прывозілі стравы са Швецыі, Турцыі, Вугоршчыны. Таму і цяпер можна паспрабаваць “кашу са

шведамі” у некаторых вёсках Гарадзеншчыны [3, с. 193]. А як былі справы з алкагольнымі напоямі? Паводле аўтараў кнігі “Наша страва”, з віном наш люд паспаліты пазнаёміўся пасля хрышчэння Русі ў 988 г. дзякуючы прычасцю. У XIV ст. беларуская знаць пакаштавала венгерскае віно. Пазней прывезлі партугальскія мадэры, іспанскую малагу, чырвоныя малдаўскія віны і белыя рэйнскія віны; каралі Аўгусты II і III прывозілі віны з гальскіх лозаў. Падчас прыёму ў 1631 г. серваваны стол у рэзідэнцыі Сапегаў у Дзярэчыне выглядаў так: “... што да напояў, дык былі 4 кубкі па ліку пораў году з віном часоў Караля Баторыя, парамі стаялі 12 срэбных збаноў з віном часоў Жыгімонта Вазы – яны сімвалізавалі 12 месяцаў, таксама парамі стаялі 52 срэбныя барылкі, якія адпавядалі колькасці тыдняў у годзе і напоўнены яны былі кіпрскім, іспанскім і італьянскім віном. А далей – 365 бутэлек з вугорскім віном, столькі колькі дзён у годзе [4, с. 126]. Гарэлка прыйшла ў ВКЛ на мяжы XV–XVI стст. з Германіі, пра што сведчыць і яе пачатковая назва – “віно гарэлае” (*Gebrant Wein*). У кельцкіх народаў скарачаны пераклад з лацінскай мовы *acqua vitae* (вада жыцця) – *uisce beatha* – стаў назваю нацыянальнага моцнага напою з ячменнага соладу – *viski* (*whiskey*) [1, с. 255].

Гістарычна назвы прадуктаў харчавання прысутнічаюць сярод тых тэрмінаў, якія запазычваліся паводле новых гастронамічных тэндэнцый, прэстыжу, а таксама моды на гэтыя прадукты. Заваяванне Англіі нарманамі, напрыклад, зрабіла ўжывальнымі такія словы як *pork* (свініна) і *beef* (ялавічына). Яны выціснулі адпаведныя словы германскага паходжання. Многія запазычаныя словы асіміляваліся настолькі, што носбіты сучаснай англійскай мовы зусім не адчуваюць іх замежнага паходжання. Так, значэнне слова *hamburger* (ад нямецкага кілбаса з Гамбурга) атрымала пераасэнсаванне як спалучэнне слоў *ham* (вяндліна) і *burger*. Пазней з’явіліся іншыя вытворныя – *fishburger*, *cheeseburger*, *chickenburger*.

Цяпер мы не задумваемся аб паходжанні назвы якой-небудзь стравы і амаль усе ведаем, што такое *безэ*, *суфле*, *соус*, *крэм*, *спагеці*, *паста*, *стэйк*, *кактэйль* і г.д. Але некаторыя наведнікі рэстаранаў і кафэ баяцца заказаць *крушон* (фр. *збаночак*), халодны алкагольны напой, які ўяўляе сабой сумесь віна, лікёра або сіропа і розных фруктовых сокаў або цэлых фруктаў з дабаўленнем шампанскага, сідру, мінеральнай вады і іншых газіраваных напояў, або *галеты* (фр. *галыш*), печыва вялікіх памераў, праснак. Ёсць таксама і іншыя кулінарныя запазычанні, якія выклікаюць цяжкасці ў разуменні іх значэнняў. Так, не заўжды кліенты ведаюць, што такое *льезон*, *равіёлі*, *б’ен кюі*, *бланыраваць*, *фламбіраваць* і г.д.

Паходжанне некаторых кулінарных назваў, іх этымалогія і спосабы іх перадачы на англійскую мову – надзвычай цікавая справа. Вось некалькі прыкладаў.

- *Vinegrэт* (*vinaigrette*) – недакладны пераклад на англійскую мову, бо французскае слова *vinaigrette* азначае на самай справе ‘прыправа да салата’ (*salad dressing*), якую гатуюць з гарчыцы, алею і воцата; *Russian salad* таксама няправільна, таму што на захадзе пад ім разумеюць *салат Аліўе*;

слова *hodgepodge* – не вельмі ўдалая версія, таму што *hodgepodge is a confused or disorderly mass or collection of things; a mass or a jumble*. Рускі вінегрэт гатуюць з вараных буракоў, бульбы, салёных або марынаваных гуркоў і запраўляюць алеем (і ўксусам). Салат, падобны на рускі вінегрэт, у французаў мае назву *Macedonian salad*.

- *Кампот* (ням. *Kompott – sauce, stewed fruit*) – пюрэ з вараных яблыкаў, грушаў, абрыкосаў, але не салодкі напой з вараных на вадзе фруктаў, часта сушаных.

- *Равіёлі* маюць квадратную або прамавугольную форму. А рускія *пельмені* больш нагадваюць італьянскія *тартэліні* (*tortellini*). Але *пельмені* гатуюць з круглага кавалачка цеста, а *тартэліні* – з прамавугольнага, які згортваюць “касыначкаю” і сціскаюць краі. Ёсць яшчэ адна розніца: *тартэліні* заўжды суправаджаюцца словам, якое азначае начынку, а яна бывае рознай. Калі яна з мяснога фаршу, то ён павінен быць звараным або тушаным. Многія выбіраюць па-англійску варыянт *pelmeni*, у дужках даюць тлумачэнне (*similar to Italian tortellini*). У італьянскім этымалагічным слоўніку адзначана, што слова паходзіць з *torta*(*цеста*). Са словам *ravioli* зусім іншая справа: адныя лічаць, што гэта скажэнне слова *rabiola*(*маленькая рэпа*), іншыя – што слова паходзіць ад *groviglio*(*клубок, спляценне*), а яно ў сваю чаргу паходзіць ад слова *ervilia* (*віка палявая, сцеблі якой моцна пераплецены паміж сабой*).

Чытаючы пераклады беларускіх твораў на англійскую мову, мы заўважылі недакладнасці і нават памылкі. Напрыклад, *лапуны*, якія гатуюцца з бульбы, перадаюцца як звычайныя *pancakes* [5], старажытная страва *смажаныя губы лася* перакладаецца як *salmon lips* (*губы ласося*) [6, с. 109].

Прагляд назваў розных устаноў, дзе можна паесці і папіць, паказаў, што рэстараны, пабы, бары і г.д. у наш час маюць розныя назвы – ад чыста беларускіх (*Стары Мінск, Камяніца, Журавінка, Бульбяная*) да назваў, пазычаных у краінах блізкага і далёкага замежжа (*Гостинный двор, Русские сезоны, Джомолунгма, Bella Rosa, Dolce Vita*). Пераклад іх з адной мовы на іншую адбываецца пры дапамозе транслітарацыі (*Камуаніца, Zhuravinka*) або спосабам транспазіцыі (*Déjà vu, Casa Agustin Lopez*). Мы лічым, што назвы, якія маюць інтэрнацыянальны варыянт, маглі б быць перакладзены пры яго дапамозе (*Гурман – Gourmand, а не Gurman; Агат – Agate, а не Agat; Джомолунгма – Chomolungma, а не Jomalungma*). Так патрабуюць правілы перакладу назваў замежнага паходжання [7].

Аналізуючы часопіс «Where in Minsk», мы заўважылі і іншыя недахопы. Напрыклад, кафэ *Товарищ* транслітаруецца як *Tovarisch* (адваротны пераклад – *Товарисч*), *Градский Паб* – як *Gradski Pab*, а не *Pub*. Кактэйль *Джэймса Бонда Марціні* гучала б лепш, чым змешаны пераклад *Джэймса Бонда Martini*. *Настойкі і наліўкі* перадаюцца як *special drinks*, хаця ёсць словы *nastoyka, tincture, fruit liqueur* [8].

У рэстаранах і некаторых кафэ меню зрэдку падаецца на беларускай мове, часцей на рускай і англійскай мовах.

Спынімся на эквівалентах рускай і беларускай моў. Па-першае, трэба адзначыць, што беларускія стравы і па-руску пішуцца амаль аднолькава (*дранікі – драники, калдуны – колдуны*). Некаторым рускім словазлучэнням у беларускай мове адпавядаюць асобныя словы (*растительное масло – алей, сладкий перец – папрыка, тыквенные семечки – гарбузікі, перловый суп – крупнік*). *Цветная капуста* па-беларуску гучыць правільна – *кветкавая капуста* (галоўка капусты складаецца з кветчак). Па-руску было б правільна сказаць *цветковая*, а не *цветная*.

Часта даводзіцца ўдакладняць адценні слова: *ветчина – вяндліна* ці *шынка* (окорок); *оладьи – малыя* ці вялікія, *аладкі і бліны; сковородка – малая* ці вялікая, *скавародка і патэльня*). Некаторыя словы маюць два ці тры сінонімы. Мы раім выбіраць тыя, якія гучаць больш адметна па-беларуску і адпавядаюць правілам беларускага словаўтварэння (*адвараны/адварны, грэцкі/валоскі, струковы/струкавы, вяндліна/вэнджаніна, кілбаса/каўбаса кіслая/квашаная, заправа/закраса/подкалатка*). З двух варыянтаў – нейтральнага і гутарковага, агульнабеларускага і дыялектнага – раім выбіраць першы (*хатняя кілбаса/ піханка, кмен/ кмін, слойнік/ слойка, трускалкі/ клубніцы, узбітыя вяршкі/ смятанка*).

Найбольш цяжкасцей ствараюць назвы напояў. Таму ў іх падачы назіраюцца значныя разыходжанні і амаль поўная адсутнасць паслядоўнасці. Гэта датычыцца назваў напояў, якія прывозяцца з-за мяжы – Чэхіі, Вялікабрытаніі, Іспаніі, Італіі, краін Лацінскай Амерыкі, Літвы і да т.п. Найперш трэба ўдакладніць гучанне назваў па-англійску, таму што некаторыя запазычаныя зроблены памылкова (*Парадайз, правільна Пэрадайз; Голд, правільна Гоўлд; Світ, правільна Суіт*).

Згодна з правіламі практычнай транскрыпцыі англамоўныя назвы перадаюцца, па-першае, з першага варыянта вымаўлення, а, па-другое, павінны адпавядаць алгарытму, распрацаванаму ў Цэнтры «Слоўнік» пры МДЛУ [9, с. 130–131]. Таму назву напоя *Long Island* трэба перадаваць як *Лонг Айленд*, а не *Лонг Айленд, Mountain* – як *Маўнтын*, а не *Маўнцін*. Выключэнне складаюць назвы, запазычаныя даўно (*брэндзі, глінтвейн*).

Літоўскія назвы перадаюцца з літоўскай (*Svituryus Baltas – Світурыс Балтас*), чэшскія – з чэшскай (*Krušovice – Крушавіцэ*), італьянскія – з італьянскай (*Ramazotti – Рамазоці*), іспанскія і аргенцінскія – з іспанскай (*Sarmentos – Сармэнтас*), французскія – з французскай (*Chardonnay – Шарданэ*).

Прааналізаваўшы выдадзеную ў 1979 г. кнігу «Беларуская кухня» [10], мы выявілі наступныя асаблівасці:

- кніга перакладалася праз рускую мову, пра што сведчыць транслітацыя (*локшыны – lokshiny, холодник – kholodnik, верещака – vereshchaka*);

- літара у перадавалася праз *ou* (*крупнік – kroupnik*), а літара *e* праз *ye* (*Белавежская – Byelovezhskaya, Беларускі – Byelorussian*) – так было прынята ў той час;

- літара *ы* у фінальнай пазіцыі па невядомай прычыне перадавалася праз *i* (*колдуны – kolduni, вразы – zrazi*);

- у дужках часта прыводзілася тлумачэнне (*shchavelnik – sorrel soup, fish galki – fish balls*). Толькі невядома, чаму давалася дзіўнае тлумачэнне грыбу шампін'ён (*champignon – meadow mushroom*), бо расце гэты грыб не толькі на лузе;

- зрэдку прыводзіўся тагачасны аналаг беларускай стравы (*бабка – potato pudding, кіслае малако – yoghourt*);

- не назіралася паслядоўнасці ў перакладзе акалічнасці з прэфіксам *no* з рускай мовы (*но-борисовски – in Borisov manner, но-могилевски – Mogilev sausages*).

У слоўніку В.У. Кабакчы “The Dictionary of Russia” таксама прысутнічаюць назвы некаторых агульнаславянскіх страў і напояў, якія перадаюцца спосабам транслітарацыі і, як адзначае аўтар, іх можна знайсці ў англійскіх слоўніках (*квас – kvas, самогон – samogon*) [11].

Вельмі добра руская кухня (уключаючы і беларускія стравы) апісана ў кнігах Л. Чэймберліна і К. Крэйга [12; 13], а таксама ў кнізе “Russia and Belarus”, дзе апісваюцца славытыя мясціны, але не абыходзіцца і без “eateries” (месцаў, дзе можна паесці) [14]. У кнізе падаюцца галоўныя рэстараны, кафэ і бары беларускіх гарадоў. Усе назвы транслітаруюцца з рускай мовы (*Café Traktir na Marxa, Pechki-Lavochki, Rakovski Brovar*). Узгадваюцца беларускія стравы *draniki, kolduni, pork sausages*. Прысутнічаюць і назвы замежнага паходжання (*Grünwald, Astara, Patio Pizza, El Rincon Espanol, Casa Agustin Lopez*) з іх нацыянальнымі стравамі і напоямі (*paella, kebab, sushi, gelato*).

“Навуковыя экскурсіі-аналізы” па мінскіх кафэ і рэстаранах не дазваляюць супакойвацца лінгвістам. Жаданне прыцягнуць замежнікаў прыводзіць да шматлікіх памылак, аўтары якіх трымаюцца ў сакрэце. Усе памылкі і недакладнасці можна звесці да наступнага:

- пераклад робіцца то з рускай, то з беларускай мовы ў адным і тым жа меню;

- беларускім словам падбіраюцца няўдалыя англійскія аналагі (*шынок – pub, restaurant; пельмені – dumplings*, што значыць *галушкі*);

- няма паслядоўнасці ў спосабах перадачы назваў напояў: у адным і тым жа спісе – транскрыпцыя, транслітарацыя, транспазіцыя (*Джэин Бифітэр, десерт Black Forest, Дэніелс*);

- геаграфічныя назвы, знакамітыя імёны, якія з’яўляюцца часткай найменняў, перадаюцца не з традыцыйнага варыянта, а з рускай мовы, што не дапускаецца ў сучасных перакладах (*Cesar – трэба Caesar, Hawai – трэба Hawaii, Kariby – трэба Caribbians*);

- блытаюцца назвы французскага і іспанскага паходжання (ісп. *Chamiza – Чаміза*), таму перакладаць як *Шаміза* не выпадае;

- некаторыя назвы і тэрміны наогул перакладаюцца няправільна (соус *Tartar – Tar Tar* замест *Tartar, цукіні – cucini* замест *zucchini, complements – кампліменты*, а не *дадатковыя стравы*).

Праглядаючы розныя турыстычныя даведнікі, мы пераканаліся ў тым, што ніводзін з іх не абыходзіцца без раздзела “Eating and Drinking”.

Напрыклад, у даведніку “The Scottish Borders” разам з рэкламаю месцаў для адпачынку падаюцца назвы і адрасы рэстаранаў, пабаў, кафэ і г.д., а таксама ўзгадваюцца галоўныя стравы. Напрыклад, рэклама: “Селкірк і наваколле: Тэйст оф Спайс. Лепшая індыйская кухня. Вялікі выбар з 99 страў усіх куткоў Індыі” [15].

У турыстычным часопісе “Lancaster County” адным з раздзелаў з’яўляецца “Dining”, дзе пішацца: “Падарожжа і агляд славутых мясцін наганяе апетыт. Стравы пенсільванскіх галандцаў задаволяць кожнага, хто іх паспрабуе” [14]. А рэстараны маюць вельмі маляўнічыя назвы: (*The Amish Barn – Жытніца Аманітаў*, галоўная страва – *галушкі з яблыкамі*; *Bird-in-Hand – Птушка ў руцэ*; *Miller’s Smorgasbord – Сняданак у Мілера*, шведскі стол). Рэстаран “The Fish House Express” у г. Сент-Луі (ЗША) прапануе *батат (yams)*, *пірог з салодкай бульбы (sweet potato pie)*, *негрыцянскія стравы (soul)* [16].

Не адстаюць ад іх Латвія, Літва і Чэхія. У Латгальскім турыстычным даведніку прапануецца раздзел “Гастранамічны турызм і сельскія асалоды”, дзе прадстаўлены лепшыя гатэлі, гасцявыя дамы, аграфермы і г.д. Кулінарная спадчына рэгіёнаў Латгаліі і Утэны, што ў Прыбалтыцы, інтрыгуе турыстаў сваімі стравамі – *klotskas (клёцкі)*, *cepelins (цэпеліны)*, *gulbishniks (гульбішнікі)*, *potato pancakes with cracklings (аладкі са шкваркамі)*. Назвы ўстаноў не перакладаюцца ні на рускую, ні на англійскую мовы (*Latgales piens, Eglaine, Daugava, Baravika*) [17, с. 68].

Што датычыцца Прагі, тут таксама прысутнічае раздзел “Eating + Drinking, Essen + Trinken”, дзе прапануюцца розныя ядальні (*Buffalo Bill’s, James Joyce, Pivnice u Sv. Tomase, Russkij Samovar*). Галоўнае з рэкламы – багемскія стравы і чэшскае піва [18].

Такім чынам, наша “навуковая экскурсія” па гарадах і весях Беларусі, блізкага і далёкага замежжа паказала, што неад’емнай часткай культуры народа з’яўляецца кухня, якая найлепей прадстаўлена ў меню. Другое, што кінулася ў вочы, – беларусам яшчэ трэба вучыцца рэкламаваць свой тавар і сваю самабытнасць. У тым, якое мы пакідаем уражанне на замежніка, зусім не малую ролю адыгрывае адукаванасць перакладчыкаў і ўменне пазычаць назвы ў іншых народаў.

ЛІТАРАТУРА

1. Наша страва. Сапраўдная беларуская кухня / А. Белы [і інш.]; уклад. А. Белы. – Мінск : І.П. Логвінаў, 2010. – 288 с.
2. Панов, Д.А. Лингвистические взгляды В.Г. Белинского / Д.А. Панов. – Саратов : Кн. изд-во, 1959. – 200 с.
3. Катлярчук А. Швэды ў гісторыі і культуры Беларусі / А. Катлярчук. – Менск : Энцыклапедыкс, 2002. – 272 с.
4. Скобла, М. Дзярэчынскі дыярыюш. Гістарычны нарыс, артыкулы, эсэ / М. Скобла. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1999. – 272 с.

5. *Bykov, V.* Portent of Disaster / V. Bykov; transl. N.T. Coey. – Minsk : Mastatskaya Litaratura, 1989. – 415 p.
6. *Karatkevich, U.* King Stakh's Wild Hunt / U. Karatkevich; transl. M. Mints. – Minsk : Yunatstva Publishers, 1989. – 272 p.
7. *Ермолович, Д.И.* Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи: учеб. пособие для вузов / Д.И. Ермолович. – М. : Валент, 2005. – 416 с.
8. Where. Minsk. – Минск : СПН-РЕМАТИС, 2009 – № 9. – 56 с.
9. *Таболіч, А.У.* Таямніцы мастацкага перакладу: English – Belarusian / А. Таболіч. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 2004. – 148 с.
10. Byelorussian Cuisine / V.A. Bolotnikova [et al.]; transl. by A.A. Weise, B.V. Sokolov. – Minsk : Uradzhai Publishers, 1979. – 120 p.
11. *Kabakchi, V.V.* The Dictionary of Russia / V.V. Kabakchi. – СПб. : Изд-во «Союз», 2002. – 576 p.
12. *Chamberlain, L.* The Food and Cooking of Russia. Reprints / L. Chamberlain. – Lincoln : Univ. of Nebraska Press, 2006. – 330 p.
13. *Craig, K.* The Cooking of Russia / K. Craig, S. Novgorodtsev. – L. : Sainsbury Cookbook, 1990. – 96 p.
14. Russia & Belarus. – London: Lonely Planet Publications, 2005. – 280 p.
15. The Scottish Borders. – Sil Kirk: Scottish Borders Tourist Board, 2004. – 67 p.
16. Lancaster County and Pennsylvania Dutch Country. – Lancaster: Pennsylvania Dutch Convention and Visitors Bureau, 1996. – 41 p.
17. Your Best Holidays in Latgale and Aukštaitija. – Utena: Latgales Drukos, Ltd, 2009. – 200 p.
18. Official Guide. Prague: This Month. – Praha : Foreign Exchange Service, 1999. – 80 p.

The article deals with the problem of translating names of different dishes and products they are made of. Special attention is paid to naming eateries in Belarus. The analysis is based on the materials from various books, tourist booklets and menus borrowed from Minsk restaurants, cafes, etc. Belarusian culture-bound words are in the centre of attention. The results of the research will be useful for tourist business as well as for comparative linguistic studies.

Поступила в редакцию 15.09.10

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Е.И. Будникова

**К МЕТОДИКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗНАЧИМОСТИ
СЕМАНТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ
(на материале наименований животных английского языка)**

В статье обосновывается методика определения степени значимости семантических компонентов словозначения на основании частотности их актуализации в контексте. В результате применения предложенной методики к материалу английских наименований животных установлено, что наибольшей значимостью в структуре их значений обладают материально-вещественный и пространственный классы семантических признаков. Это обусловлено, по всей вероятности, как принадлежностью соответствующих денотатов к категории физических тел, так и тенденцией ассоциировать с именами естественных родов, прежде всего, внешние, чувственно воспринимаемые признаки объектов. Корреляция полученных данных с уже имеющимися семантическими моделями, выведенными разными методами на материале разных групп лексики, свидетельствует о значительной объективности результатов исследования.

Тезис о потенциальной разложимости лексического значения на более мелкие единицы (фигуры плана содержания (Л. Ельмслев), семантические компоненты (Э. Бендикс), семы (А.-Ж. Греймас, Б. Потье), семантические признаки (У. Вайнрайх и др.), атомарные предикаты (П. Постал) и т.д.) вызвал исследовательский интерес к проблеме структурной организации лексического значения. В связи с этим одной из главных задач многих семантических изысканий (прежде всего, А. Вежбицкой, Дж. Пустейовского, Е.В. Рахилиной, М.И. Олейник, О.Ю. Гавриловой, О.Л. Зозули и др.), выполненных на материале конкретных имен разных языков, явилось установление набора семантических признаков, составляющих значения лексических единиц. Полученные сведения о типах знания, зафиксированных в виде компонентов лексических значений, равно как и изучение принципов категоризации в языке, проблем соотношения значения и концепта, лингвистического и экстралингвистического знания и др. подвели исследователей к необходимости решения еще одной сложной задачи – установления степени структурной значимости компонентов значения. В настоящей работе предпринимается попытка рассмотрения лексического значения в указанном ракурсе.

Как показывает богатый опыт исследований лексического значения с точки зрения его структуры (работы М.В. Никитина, Э.Э. Смита, А. Ортони, И.А. Стернина, А. Вежбицкой и др.), определить единые критерии отнесения семантических признаков лексического значения к разряду значимых или факультативных представляется сложной задачей, в особенности для значений слов, принадлежащих к классу денотатной лексики. Наследием объективистского подхода в современных концепциях внутреннего устрой-

ства значения является признание ведущей роли родового признака (архисемы (А.-Ж. Греймас, Б. Потье), идентифицирующей семы (Л.М. Васильев), таксономического классификатора (Дж. Лакофф), гиперсемы интенционала (М.В. Никитин), критериального признака (Д.А. Круз) и др.), который обуславливает принадлежность имени к определенному лексико-семантическому классу. Нерешенным, однако, остается вопрос о различной значимости других, дифференцирующих признаков значения.

В соответствии с принятыми семантическими теориями, в структуре значения можно выделить несколько «измерений». Прежде всего, следует отметить классификацию признаков по их необходимости и вероятности для денотата. Так, на данном основании признаки в концепции М.В. Никитина относятся к сильной, слабой или отрицательной зонам импликационала значения [1, с. 25], а в теории Д.А. Круза разделяются на ожидаемые (expected), возможные (possible), неожиданные (unexpected) и невозможные (excluded) [2, p. 16].

Близка к указанному критерию и степень «концептуальной центральности»¹ признака, которая определяется в зависимости от возможности/невозможности его отсутствия у денотатов при отнесении к данной категории, а также на основании его способности детерминировать наличие других признаков [4, p. 189]. Например, центральным для концепта “robin” ‘малиновка’ является признак ‘наличие костей’, поскольку представить себе малиновку без костей чрезвычайно сложно и от данного признака зависят многие внешние характеристики птицы (способность летать, внешний вид и др.) [Там же, p. 192].

С точки зрения способности признаков различать данный класс денотатов от других выделяются признаки, более и менее центральные для категории (category centrality [4], category validity [5], etc.). Так, признак ‘наличие костей’, хотя и принадлежит всем членам категории *robin*, не является категориально центральным, поскольку он присущ и другим классам животных.

Наконец, признаки значения могут рассматриваться как более и менее салиентные, т.е. когнитивно выделенные на фоне других [6, p. 46–47]. Как показали результаты психолингвистических экспериментов, салиентными зачастую являются перцептивные признаки, выделяющиеся своей яркостью на фоне других, признаки, центральные для той или иной категории или же принадлежащие всем ее членам [3, p. 30–33]. При этом салиентность признака не всегда коррелирует с его концептуальной центральностью, например, признак ‘наличие волос на теле’ является салиентным, но не центральным для концепта “gorilla” ‘горилла’ [Там же, p. 33].

Как отмечает Р. Лангакер, салиентный признак (или вообще любой «узел когнитивной структуры») характеризуется легкостью активации

---

¹ Термин «conceptual centrality» был введен А. Ортони для определения степени значимости признака в структуре человеческого представления о соответствующем денотате [цит. по: 3, p. 31–32].

вследствие своей закреплённости (entrenchment) в сознании, которая связана с частотностью его предыдущих активаций [7, р. 3, 7, 161; 3, р. 36]. В нашем исследовании, которое направлено на установление степени значимости семантических компонентов¹ лексического значения, именно данное положение становится исходным. Предполагается, что высокая частотность контекстной актуализации семантического признака свидетельствует о высокой степени его структурной значимости. Соответственно, учет частотности актуализации признаков в контексте становится одним из способов установления их значимости в структуре значения, который основан на достаточно объективных данных языкового употребления².

Важность обращения к контекстному окружению лексической единицы в семантических исследованиях не раз подчеркивалась многими лингвистами и лексикографами. В настоящее время доступность богатой базы эмпирического материала и автоматизированных средств ее обработки позволяет проводить «количественное» изучение семантики лексических единиц (“quantitative” semantics [9, р. 280]), т.е. широко использовать такой немаловажный показатель, как частотность употребления, для целей семантического моделирования. В качестве материала исследования выбраны наименования животных английского языка³, составляющие один из классов денотатных имен, значения которых характеризуются полипризнаковостью [11, с. 335]. Наряду с собственной выборкой, источником употреблений единиц стал Британский национальный корпус текстов современного английского языка (БНК) [12], содержащий тексты разнообразной тематики и жанров, что позволяет избежать влияния особенностей определенного типа контекста на результаты исследования⁴. Реестр контекстов составил 15 902 словосочетания разных типов (именных, глагольных, предикативных) с анализируемыми единицами.

В рамках данной статьи не все контексты включались в рассмотрение. Например, такие, безусловно, важные контексты, в которых значения исследуемых имен реализуются во всей совокупности своих признаков, считались нами нерелевантными для целей исследования. Так, в предложениях типа *I shall begin with the dog* (A0D 524)⁵ ‘Я начну с собаки’ (подробнее о пропозитивном объекте см. [10, с. 127–128]) или в примерах таксономической предикации типа *Bombay Duck is a fish* (C96 1653) ‘Бомбиль – это рыба’ соответствующие значения слов *dog* и *fish* реализованы во

---

¹ В рамках данной статьи термины «семантический признак» и «семантический компонент» используются как синонимичные.

² При всех достоинствах психолингвистических методов для установления прототипичности, центральности и салиентности признаков их главным недостатком является значительная субъективность по сравнению с анализом языковых фактов [8].

³ 11 наименований животных, отобранных по принципу частотности из словаря Longman Dictionary of Contemporary English [10]: *bird, cat, cow, dog, fish, horse, mouse, pig, rabbit, sheep, snake*.

⁴ Из рассмотрения были исключены «сказочные» контексты, а также тексты узкой технической специализации, где исследуемые слова реализуются в иных значениях.

⁵ Буквенно-цифровой код соответствует коду текстового источника в БНК и номеру предложения в нем.

всей полноте своих составляющих. Аналогично, в позиции определяющего слова в именных словосочетаниях типа *a dog whistle* (AOT 902) ‘свисток для команд собаке’ или *bird books* ‘книги о птицах’ (CCB 440) говорить о вычленимости отдельных признаков значений слов *dog* и *bird* также представляется неправомерным. Напротив, в словосочетаниях *the flight of a bird* (A12 673) ‘полет птицы’, *sheep wool* (BOG 886) ‘овечья шерсть’ или *a snake pit* (H8H 774) ‘змеиная яма’ имеет место профилирование отдельных признаков исследуемых значений (‘перемещение в пространстве’, ‘наличие шерсти’ и ‘нахождение в пространстве’ соответственно). Подобные контексты и составили эмпирическую базу исследования.

Как известно, актуализаторами тех или иных семантических признаков лексической единицы являются не только значения сочетающихся с ней слов (см. правила семантического согласования слов (В.Г. Гак), лексические солидарности (Э. Косериу и др.), но и специфика ее синтаксической позиции в словосочетаниях. В позиции определяемого слова денотатам исследуемых имен приписываются признаки, выраженные в значениях атрибутов и предикатов. Например, в именном словосочетании *the tallest horse* (АНУ 1534) ‘самая высокая лошадь’ профилируемым признаком в значении *horse* является ‘размер’, а в предложении ... *his horse shied suddenly* ... (ASW 1165) ‘его лошадь внезапно отпрянула’ – ‘физическое действие’. Зачастую реализуемые в контексте признаки значений исследуемых имен выражены лишь в виде пресуппозиционного компонента семантики контекстного окружения, как, например, в позиции объекта действия (состояния) в глагольных словосочетаниях. Выявление данных признаков проводилось с опорой на словарные дефиниции глаголов, а также экстралингвистические знания. Так, в контексте *Will somebody please feed that cat* ... (ED3 53) ‘Пожалуйста, кто-нибудь, покормите кошку’ актуализируемым признаком в значении слова *cat* является ‘потребность в пище’, который входит в биологический класс признаков¹, характерных для всех живых существ (ср. дефиницию *feed* ‘to give food to a person or animal’ [10]).

Контекстное окружение лексической единицы может выдвигать на первый план в ее значении не один, а несколько признаков, которые рассматривались нами как комбинации компонентов. Например, в сочетании с предикатом *limp* ‘хромать’ (*limp* ‘to walk slowly and with difficulty because one leg is hurt or injured’ [10]) в значении ‘dog’ в контексте *the dog limped into the village* ‘собака пошла, прихрамывая, в деревню’ (ABV 1686) профилируется комбинация признаков ‘перемещение в пространстве’ + ‘физиологическое состояние’. Кроме того, сложные признаки типа ‘оценка + внешние особенности строения’ (e.g. *that beautiful bird* (FRS 2992) ‘та красивая птица’) или ‘утилитарная оценка’ (e.g. *a pleasant horse to ride* (ADF 1598) ‘лошадь, на которой приятно ездить’), при условии однозначного установления основания оценки, являются комбинациями качественного и оценочного компонентов в значениях исследуемых имен.

---

¹ Об объединении признаков в классы и их именовании см. ниже.

Богатая практика описания семантического состава значений различных групп наименований (см., например, обзоры в [9, р. 75–80, 124–156; 13, с. 63–68], а также [14, л. 4]) позволяет сопоставить имеющиеся классификации семантических признаков с данными, полученными в результате предпринятого исследования. Прежде всего, следует отметить значительную идентичность выявленных компонентов значений наименований животных в работах А. Вежбицкой [15] и О.Ю. Гавриловой [14] с полученным нами набором признаков. Так, «семантический стержень» значений наименований животных, выделенный А. Вежбицкой методом интроспекции ('размер', 'внешний вид', 'среда обитания', 'поведение', 'отношение к человеку' [15, р. 164, 332]), а также многие признаки, отмеченные в словарных дефинициях английских зоонимов в исследовании О.Ю. Гавриловой, характерны и для набора признаков, выведенных с помощью предпринятого контекстуального анализа. Корреляция семантических признаков значений наименований животных, выявленных с помощью разных методов исследования, свидетельствует о значительной степени объективности полученных данных.

Привлекает внимание и общность основных признаков, отмеченных в работах Дж. Пустейовского [16] и М.И. Олейник [17] для значений других групп наименований, с полученными данными. Например, признаки 'положение', 'ориентация', 'размер', 'форма', 'измерения', 'цвет', а также «телическая» и «конститутивная» роли в *qualia*-структуре существительных у Дж. Пустейовского [16, р. 426–427] во многом идентичны перцептивным, локативным, конструктивным и утилитарным классам семантических признаков, выделенным нами для наименований животных.

При этом семантические признаки наименований животных, установленные в ходе данного исследования, характеризуются большим разнообразием по сравнению с другими моделями, поскольку контекстная реализация слова предполагает актуализацию широкого спектра признаков, принадлежащих как его «ближайшему», так и «дальнейшему» значению. В то же время становится очевидным отличие исследуемого класса имен от класса артефактов, которое проявляется в отсутствии в значениях наименований животных значительного количества функциональных признаков (ср. признаки 'условия применения', 'сфера применения' и 'происхождение объекта', отмеченные в значениях наименований английских артефактов в работе М.И. Олейник [17]).

Следуя сложившейся практике объединения семантических признаков значения в более крупные блоки (классы) на основании общности обозначаемой ими стороны существования соответствующего денотата, все многообразие выявленных признаков значений исследуемых имен было сведено к девяти основным классам (таблица).

Состав классов семантических признаков значений
исследуемых наименований животных
и частотность их контекстной актуализации

Класс семантических признаков значений наименований животных	Семантические признаки	Частотность актуализации класса, %
Материально-вещественный	Физическое тело, внешние особенности строения, размер, форма, цветовые характеристики, оценка внешних особенностей и др.	31,7
Пространственный	Перемещение в пространстве, нахождение в пространстве, среда обитания	20,2
Биологический	Потребность в пище, физиологическое состояние, пол, смертность и др.	15,2
Утилитарный	Цель использования, прирученность, утилитарная оценка и др.	11,4
Функционально-деятельностный	Физические, умственные, социальные действия, оценка поведения и др.	9
Социально-психологический	Умственные способности, характер, эмоциональное состояние и др.	6,3
Временной	Возраст, продолжительность жизни, время активности и др.	2,6
Конструктивный	Внутренние особенности строения	2,2
Общественно-значимостный	Отношение общества, породистость, популярность	1,4

Границы указанных классов признаков (как и любой категории) не являются четкими: отнесенность реализованных признаков к тому или иному классу часто может быть неоднозначной. Например, признак ‘звуковые характеристики’ может быть в некоторых контекстах интерпретирован как часть материально-вещественного или же функционально-деятельностного класса (e.g. *The horse may also snort ... (ASH 1091)* ‘Лошадь может еще и фыркать’).

Выявленный набор классов признаков, как явствует из таблицы, характеризуется плавностью перехода по шкале частотности, что затрудняет установление четких границ между высоко- и низкочастотными признаками. Вследствие этого все классы условно разделены нами на три группы, отражающие различную частотность их актуализации в контексте: высокую (более 20 % от всех признаков), среднюю (от 10 % до 19 %) и низкую

(9 % и менее). В соответствии с данной шкалой, высокочастотными являются материально-вещественный и пространственный классы признаков наименований животных, что объясняется, прежде всего, принадлежностью соответствующих денотатов к категории физических тел. Физические тела, имеющие материальные границы, в речи часто описываются относительно некоторого пространства (как занимающие его, перемещающиеся в нем, как ориентиры для других объектов и т.д.). Следовательно, в контексте часто профилируются такие признаки как 'физическое тело', 'нахождение в пространстве', 'перемещение в пространстве' и пр., принадлежащие к указанным классам. Другими словами, высокая значимость данных классов признаков в полученной семантической модели детерминирована концептуальной центральностью признака 'физическое тело' для значений наименований животных. Кроме того, высокая частотность актуализации перцептивных признаков наименований животных в составе материально-вещественного класса объясняется и тенденцией ассоциировать с именами естественных родов, для которых наиболее характерна идентифицирующая функция, прежде всего внешние, чувственно воспринимаемые признаки объектов [11, с. 284].

Среднечастотными в контекстных употреблениях являются такие классы семантических признаков наименований животных, как биологический и утилитарный, а низкочастотными – функционально-деятельностный, социально-психологический, временной, конструктивный и общественно-значимостный, что свидетельствует, на наш взгляд, об их меньшей значимости в структуре значений исследуемых имен.

Сопоставление полученных данных о степени значимости компонентов значений наименований животных с частотностью их фиксации в словарных дефинициях, приведенной в вышеуказанной работе О.Ю. Гавриловой, выявляет как совпадения, так и различия в статусе компонентов. Так, перцептивные и локативные (пространственные) признаки в значениях зоонимов, отмеченные автором как высокочастотные по степени их распространенности в соответствующей семантической модели, отличаются высокой частотностью и в контексте. Это свидетельствует, на наш взгляд, об объективности сделанных нами выводов относительно наиболее значимых признаков в структуре значений наименований животных. Признаки 'связь с человеком' и 'поведение' характеризуются меньшей частотностью как в дефинициях наименований животных, так и в их контекстных употреблениях (утилитарный и функционально-деятельностный класс признаков соответственно). Однако данные о частотности фиксации в дефинициях и актуализации в контексте таких признаков, как 'пол', 'возраст' и 'особенности питания' не совпадают: в словарных дефинициях зоонимов эти признаки представлены единично, а в контексте профилируются со средней частотностью.

Таким образом, становится очевидным плодотворность обращения к показателю частотности актуализации в контексте как одному из способов

определения степени структурной значимости семантических признаков лексического значения. Сделанные выводы на уровне семантической модели для класса наименований животных могут быть дополнены наблюдениями над особенностями актуализации отдельных признаков значений лексических единиц внутри данного класса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Никитин, М.В.* Лексическое значение слова: Структура и комбинаторика : учеб. пособие / М.В. Никитин. – М. : Высш. шк., 1983. – 127 с.
2. *Cruse, D.A.* Lexical Semantics / D.A. Cruse. – Cambridge ; London ; N.Y. ; New Melbourne ; Sydney : Cambridge Univ. Press, 1986. – 310 p.
3. *Pattabhiraman, T.* Aspects of Saliency in Natural Language Generation : a thesis ... doctor of philosophy in the school of computing science / T. Pattabhiraman. – Vancouver, 1992. – 205 p.
4. *Sloman, S.A.* Feature Centrality and Conceptual Coherence / S.A. Sloman, B.C. Love, W.-K. Ahn // Cognitive Science. – 1998. – Vol. 22, Issue 2. – P. 189–228.
5. *Ahn, W.-K.* Causal Status as a Determinant of Feature Centrality / W.-K. Ahn [et al.] // Cognitive Psychology. – 2000. – № 41. – P. 361–416.
6. *Croft, W.* Cognitive Linguistics / W. Croft, D.A. Cruse. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. – 356 p.
7. *Langacker, R.W.* Foundations of Cognitive Grammar / R.W. Langacker. – Stanford : Stanford Univ. Press, 1991. – Vol. 2 : Descriptive Application. – 628 p.
8. *Grondelaers, S.* Constructional Near-synonymy, Individual Variation, and Grammaticality Judgments. Can Careful Design and Participant Ignorance Overcome the Ill Reputation of Questionnaires? / S. Grondelaers, D. Speelman [Electronic resource]. – 2007. – Mode of access : http://www.ling.helsinki.fi/sky/tapahtumat/qitl/Abstracts/Grondelaers_et_al.pdf. – Date of access : 05.07.2010.
9. *Geeraerts, D.* Theories of Lexical Semantics / D. Geeraerts. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2010. – 341 p.
10. Longman Dictionary of Contemporary English / ed. director : A. Gadsby. – Harlow : Pearson Education Ltd., 2003. – 1949 p.
11. *Арутюнова, Н.Д.* Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 384 с.
12. The British National Corpus (BNC XML Edition) [Electronic resource]. – Electronic data (9 GB). – Oxford : Oxford Univ. Computing Services on behalf of the BNC Consortium, 2007. – 2 CD-ROM : corpus files – 1 CD ; index files – 1 CD.
13. *Кобозева, И.М.* Лингвистическая семантика : учеб. пособие / И.М. Кобозева. – Изд. 2-е. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 350 с.
14. *Гаврилова, О.Ю.* Корреляция семантических и мотивировочных признаков лексических единиц как способ языковой репрезентации знаний (на материале наименований животных в современном английском языке) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О.Ю. Гаврилова. – Минск, 2008. – 143 л.

15. *Wierzbicka, A. Lexicography and Conceptual Analysis / A. Wierzbicka. – Ann Arbor : Karoma Publ., 1985. – 368 p.*

16. *Pustejovsky, J. The Generative Lexicon / J. Pustejovsky // Computational Linguistics. – 1991. – Vol. 17, № 4. – P. 409–441.*

17. *Олейник, М.И. Семантика предметных имен (на материале современного английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М.И. Олейник. – Минск, 2001. – 126 л.*

It is suggested to relate the degree of salience of semantic features in a word meaning with the frequency of their contextual activation. The idea is verified by a corpus-based study of English animal names. The results show that the most salient in the semantic model of English animal names are the physical and locative features of their meanings.

Поступила в редакцию 21.07.10

Т.В. Внук

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ПРАГМАТИЗАЦИИ КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ (на материале немецкой фразеологии)

Для прагматизации рекламных текстов широко используется *языковая игра* на основе фразеологических единиц. Она во многом обусловлена языковыми характеристиками данных единиц, заложена в их семантике и наиболее ярко проявляется в широком контексте. Все приемы языковой игры можно разделить на игру слов в узком понимании, т.е. игру со смыслами, и игру слов в широком понимании, т.е. игру с формой. К последней группе относятся многочисленные окказиональные модификации фразеологических единиц. Однако любая игра с формой влияет на значение фразеологизма и несет в себе игру со смыслами. Наиболее глубоким проникновением в семантику фразеологизма характеризуются приемы *дефразеологизации* и *аллюзии*.

Во все времена реклама была важнейшим компонентом рыночной деятельности общества. Ее задача – всеми доступными средствами выигрышно подать рекламируемый объект, поставить его на особое, привилегированное место и заставить читателя сосредоточить все когнитивные и коммуникативные усилия на выделении этого предмета в массе других, на его опознании, идентификации [1, с. 131]. Именно поэтому автор текста предпочитает те ресурсы языка, которые могут наиболее точно воплотить его интенцию. Среди них можно выделить фразеологические единицы/фразеологизмы. Они априори имеют высокий выразительный потенциал, что чрезвычайно важно для реализации тех задач, которые стоят перед коммерческой рекламой. Исходя из этого, объектом данного исследования определены фразеологические единицы современного немец-

кого языка, участвующие в *языковой игре*. Материалом для анализа послужили тексты коммерческой рекламы, отобранные из газет и журналов ФРГ с различной тематикой. Языковая игра рассматривается нами в комплексе: игра со смыслами и игра с формой, сопоставляются системно-языковые (конвенциональные) и речевые (оказионально модифицированные) фразеологизмы. Это представляется особенно значимым для того, чтобы судить о потенциале прагматических возможностей, который имплицитно фразеология любого языка.

Исследования языковой игры охватывают множество ее сфер. Ученые считают, что существует особый тип коммуникации – игровая коммуникация, и в любом коммуникативном акте присутствует установка на ту или иную разновидность языковой игры [2, с. 359]. Функциями языковой игры являются экспрессивная, манипулятивная, карнавальная (по М.М. Бахтину) [2, с. 353]; эмотивная, когнитивная, гедонистическая, экспрессивная, прагматическая (по В.И. Шаховскому) [2, с. 371]; обучающая, маскировочная, развлекательная, психотерапевтическая при доминировании развлекательной функции («развлечь и привлечь внимание, ошарашить») (по В.З. Санникову) [3, с. 9]. При этом используются различные приемы – гиперболизация, цитация, аллюзия, паронимия и др.

Названные приемы лежат в основе многих фразеологизмов. Так, примерами гиперболизации в «плюсовой» или «минусовой» плоскости являются идиомы *die Augen sind größer als der Magen* ‘глазами бы все съел’, *an einem Haar hängen* ‘висеть на волоске’. В основе фразеологизмов *wo sich die Füchse gute Nacht sagen* ‘у черта на куличках’, *Das passt wie die Faust aufs Auge* ‘Это подходит как корове седло’ лежит каламбур, а в основе выражений *nicht von den schlechten Eltern sein* ‘быть неплохим’, *Krokodilstränen weinen* ‘плакать крокодильими слезами’, *Da ist Holland in Not* ‘Дела обстоят плохо’ – ирония. Фразеологический фонд немецкого языка богат алогичными конструкциями (*Hals über Kopf rennen* ‘мчаться сломя голову’, *blaues Blut* ‘голубая кровь’, *dummer als es die Polizei erlaubt* ‘быть глупее дозволенного’, *seine Felle fortschwimmen sehen* ‘распрощаться со своими надеждами’), искажениями, аллюзивными конструкциями (*Fisimatenten machen* ‘увиливать, дурачиться, создавать искусственные сложности’ ← *Visitez ma tente* ‘Посети мою палатку’ (фр.); *O Jemine!* ‘О Боже Всемогущий!’ ← *O Jesu Domine!* (лат.); *potadig sein* ‘быть хилым’ ← *potalus* (пол.) [4].

Как показывают данные примеры, фразеологизмы способны демонстрировать языковую игру и вне контекста. Это обусловлено двумя причинами: первая из них заключается в том, что фразеологизмы имеют форму словосочетания или предложения и, вбирая в себя образ, уже сами отражают ситуацию, выступают как микротекст, т.е. являются вещью в себе, готовым контекстом. Вторая причина кроется в неоднородности, «многослойности» семантической структуры данных единиц. В основе ее формирования лежит слияние *поверхностной* и *глубинной* семантики. Поверхностная семантика фразеологизма выступает как реальное фразеологическое значение единицы,

которое принято в языке, зафиксировано в словарях и известно носителям данного языка. Глубинная семантика фразеологизма является результатом абстрагирующей деятельности мышления по переработке образов, ассоциаций и ситуаций, положенных в основу единицы, ее тропеической внутренней формой, специфической ментальной моделью [5, л. 25]. «Многослойность» семантической структуры позволяет выводить на первый план то фразеологическое значение единицы, то смысл, скрытый в ее глубинной семантике, что может быть использовано для решения определенной коммуникативной задачи через игру слов.

Несмотря на самодостаточность фразеологических единиц как готовых контекстов, наиболее выпукло языковая игра проявляется при функционировании фразеологических единиц в тексте, особенно в прагматически маркированном типе текста, каким является текст коммерческой рекламы. Фразеологизмам здесь отводится особая роль: они являются той «изюминкой», которая делает из просто хорошего рекламного сообщения запоминающийся, неповторимый, близкий каждому адресату текст.

Тексты коммерческой рекламы, как правило, рассчитаны на широкую аудиторию, поэтому в них в основном используются наиболее простые, понятные и хорошо знакомые каждому адресату образно мотивированные фразеологизмы современного немецкого языка, прежде всего идиомы и паремии [5, л. 52]. Многие из них демонстрируют яркую игру слов в рекламных текстах.

В узком понимании игра слов – это стилистическое средство, задачей которого является контекстуально обусловленная актуализация асимметрии языкового знака с целью создания, как правило, комического эффекта за счет самой формы речи: столкновения двух значений, объединенных лишь общностью фонетической оболочки, двоякого значения одного из компонентов, омонимичной замены одного из компонентов, двусмысленности действительных или вымышленных собственных имен и названий [6, с. 238]. Приводимый ниже пример иллюстрирует столкновение двух разных значений на фоне внешней схожести лексем:

*Die einen drucken laserscharf auf Normalpapier, den anderen **drücken** wir die Daumen. Fantastisch drucken mit bis zu 5.760 optimierten dpi und der einzigartigen DURABrite-Tinte... KYOCERA MITA (Spiegel. 2003. № 10).* Игра слов в приведенном контексте создается сопоставлением внешне похожих глаголов *drücken* и *drucken*. Элемент неожиданности обуславливается отнесенностью этих паронимов к разным сферам значения. В одном случае содержание отражается фразеологизмом *j-m den/die Daumen drücken* ‘желать кому-либо удачи’, в другом случае оно реализуется через значение глагола *drucken* ‘печатать’ с самой высокой оценкой результата действия (*laserscharf* ‘четко как лазером’) благодаря современной технологии (*mit bis zu 5.760 optimierten dpi*) и особым чернилам (*einzigartige DURABrite-Tinte*). Комический эффект, создаваемый игрой слов, и весь текст с легким элементом юмора рассчитаны на положительную реакцию адресата на рекламируемый объект – принтер Kyocera Mita.

Каламбур в сочетании с тонкой иронией лежит в основе следующего текста, рекламирующего услуги оператора мобильной связи Debitel и представляющего собой диалог дочери и отца:

– *Sag mal, du und Mama, wie habt ihr euch eigentlich gefunden?*

– *Früher ganz gut.*

*Finderlohn bei Debitel. Osterangebote zum Gutfinden. T-Mobile, Vodafone, D2, E-Plus. Debitel hat Auswahl und für Sie das Passende. **Früher oder später**. DEBITEL (AutoMotoSport. 2003. № 8).* Параформула *früher oder später* ‘раньше или позже’ участвует в обыгрывании двух значений полисемного глагола *finden* (‘находить кого/что-либо’ и ‘находить, считать кого/что-либо каким-либо’). В вопросе дочери реализуется первое значение глагола (‘Скажи-ка, ты и мама, как вы, собственно, друг друга нашли?’), в ответе отца – его второе значение (‘Раньше мы находили друга друга абсолютно нормальными’). Многократный повтор лексем *früher* ‘раньше’ и *gut* ‘хорошо’ также можно рассматривать как игру слов, направленную на обеспечение связности текста.

Нарушение стилистической дистрибуции (характеристика объекта, которая ему не свойственна, нарушение типичного окружения [7, с. 233]) – довольно распространенное явление в коммерческой рекламе, поскольку в данном типе текста на первый план выходит персуазивное намерение автора:

*„sie war heiß. Ich meine, richtig heiß. Dann ist sie durchgeknallt. So läuft’ s mit jeder“. Glühlampe ist nicht gleich Glühlampe. Klar, es gibt jede Menge heißer Teile. Aber die **machen auf Dauer meist keine gute Figur**. Eine Energiesparlampe dagegen ist ein verdammt **helles Köpfchen** mit angenehmer Ausstrahlung: sie sorgt für so viel Licht wie möglich und verbraucht so wenig Energie wie nötig. Machen Sie das nächste Mal die Richtige an. Schließlich kann jeder wissen, dass Sie was **in der Birne haben*** (Focus. 2003. № 9). Данный текст, рекламирующий энергосберегающую лампочку, привлекает внимание уже с первого предложения: оно оформлено как внутренний монолог, и все слова в нем написаны с маленькой буквы. Весь текст рекламы построен так, чтобы создавалось впечатление, что речь идет не о энергосберегающей лампочке, а о женщине. Этому способствует персонификация (*helles Köpfchen* ‘светлая голова’, *keine gute Figur machen* ‘производить неблагоприятное впечатление’, *sorgt* ‘заботится’), а также двусмысленность, возникающая при использовании полисемного глагола *anmachen* ‘1) завлекать, соблазнять; 2) включать’ и выражения *was in der Birne haben* ‘иметь что-либо в башке’ (букв. ‘в груше/лампочке’).

Узкое понимание игры слов априори предполагает рассмотрение только узуальных единиц. Однако под воздействием определенных актуализаторов может иметь место двойная актуализация или дефразеологизация единицы. Это зависит от того, насколько единица по своей семантике, структуре, тематике, логико-предметной соотнесенности согласуется с рекламируемым объектом.

Двойная актуализация фразеологизма – это стилистический прием, основанный на двойном восприятии: на обыгрывании значения фразеологизма и буквального значения его переменного прототипа или обыгрывании значения фразеологической единицы и буквального значения одного, двух или трех ее компонентов (термин Л.М. Болдыревой) [7, с. 60]. Примером двойной актуализации является следующий текст (реклама средства от насморка):

Nase voll? SINUPRET löst zuverlässig den zähen Schleim. ‘Заложен нос/надоело? Sinupret надежно защитит от вязкой слизи’ (Brigitte. 2001. № 11). В данном тексте реализуются фразеологическое значение идиомы *Nase voll* [*haben*] ‘хватит, надоело’ и прямое значение ее компонентов ‘заложенный нос’.

Дефразеологизация фразеологизма (распад на в большей или в меньшей степени дефразеологизированные компоненты) возможна в результате многих приемов окказиональной модификации. Однако в нашем материале встречаются случаи, когда дефразеологизация является отдельным приемом и представляет собой целенаправленное, прагматически маркированное противопоставление фразеологического значения единицы и буквального значения ее компонентов, т.е. игру со смыслами. При этом фразеологическое значение либо оказывается полностью вытесненным, либо оно отодвигается на второй план, становясь лишь фоном для прямого значения выражения. И в том, и в другом случае можно говорить о глубоком вторжении в семантику единицы, поскольку априори во фразеологизме должно актуализироваться только фразеологическое значение. Так, в следующем тексте «очеловечивание» рекламируемого продукта приводит к нарушению стилистической дистрибуции и дефразеологизации:

Vor 38 Jahren verlor die „Kleine Meerfrau“ zum ersten Mal ihren Kopf. *Der feine Akvavit aus Dänemark* ‘38 лет назад «Русалочка» впервые потеряла голову/влюбилась. Изысканный Akvavit из Дании’ (Stern. 2002. № 38). Потерять голову может влюбившийся человек. Но в данном случае речь идет о воде «Русалочка» датской фирмы Aalborg, произведенной впервые 38 лет назад. Персонафикация здесь основана на обыгрывании лексемы *Kopf* ‘голова’: когда открывают бутылку, она таким образом теряет голову.

При функционировании в тексте фразеологизмы часто претерпевают окказиональные изменения. Многие исследователи (В.З. Санников, В.И. Шаховский, В. Флейшер, Н. Яних, Г. Шмале и др.) относят **все** окказиональные модификации фразеологизмов к игре слов. Это широкое понимание языковой игры, поскольку в таком случае это игра с формой [8, с. 116]: меняется компонентный состав и/или синтаксическая структура фразеологизма. К игре с формой можно отнести следующие окказиональные модификации: замену компонентов, редукцию компонентов, добавление окказиональных компонентов, перестановку компонентов, контаминацию двух и более фразеологизмов, парцелляцию и другие преобразования

[5, л. 77–97]. Данную группу конституируют также графические изменения, являющиеся искажениями орфографической нормы:

Die All good things are drei. BOX. Drei Programme, ein Server... (Computer. 2002. № 5) < *All(e) gute Dinge sind drei*. Использование английского варианта интернациональной пословицы *Бог троицу любит* подчеркивает международное положение рекламируемого товара, а также тот факт, что в сфере точных технологий англицизмы давно и прочно укоренились, о чем свидетельствуют и лексемы *box, server*.

Графические изменения редко используются как самостоятельный прием; чаще всего они сопровождают другие окказиональные преобразования, таким образом можно говорить о *фразеологической конвергенции* (термин А.С. Начисчионе):

Manches ist nur halb so wert, wenn man es aus dem Laden trägt. Nicht alles i m L e b e n i s t e b e n GOLF. Ein Golf ist nicht nur für den Moment gebaut. Sondern für viele, viele Jahre ‘Некоторые вещи наполовину обесцениваются, когда их выносишь из магазина. Не все в жизни как Golf. Golf построен не для одного момента. А на много, много лет’ (Stern. 2001. № 39) < *Nicht alles ist Gold, was glänzt*. Соединение окказиональных приемов (двойное вклинивание + усечение) с графическим изменением достигает цели: за счет этих приемов, а также благодаря фонетическому и орфографическому подобию существительных *Gold* и *GOLF* эффектно вводится название рекламируемого автомобиля. Однако фразеологическую конвергенцию в данном примере можно рассматривать и как аллюзию (намеки) на известную скороговорку *Man muss das Leben eben nehmen, wie das Leben eben ist* ‘Нужно принимать жизнь такой, какая она есть’, и как контаминацию этой скороговорки и пословицы *Nicht alles ist Gold, was glänzt* ‘Не все то золото, что блестит’. В любом случае внимание адресата направляется на рекламируемый объект.

Много споров возникает по поводу *аллюзии*, которая занимает как бы промежуточное положение между игрой со смыслами и игрой с формой. Мы понимаем под аллюзией выражение-намеки, возникающее посредством сходно звучащего слова или упоминания общеизвестного реального факта, исторического события, литературного произведения. В таком случае фразеологизма как целостной языковой единицы, собственно, уже не существует, и его восстановление происходит по образу, ментальной модели, а также по синтаксической структуре и/или по сохранившимся компонентам узуальной единицы, т.е. по подобию исходных единиц. Аллюзия, как и дефразеологизация, характеризуется максимальным вторжением в семантику фразеологизма.

Анализ исследуемого корпуса единиц позволяет отнести аллюзию к игре с формой, поскольку в текстах немецкой коммерческой рекламы преобладает аллюзия, основанная на значительных изменениях формы фразеологизмов. В экстремальных случаях аллюзии не сохраняется ни один из узуальных

компонентов фразеологизма (как в рекламе мебели Hülsta), либо полностью преобразовывается синтаксическая структура (как в рекламе страховой компании Allianz):

Du bist, wie du wohnst. Hülsta-Möbel ‘Ты есть то, как ты живешь. Мебель Hülsta’ (Stern. 2002. № 17) < *Der Mensch ist, was er isst* (Л. Фейербах). В данном примере не сохранен ни один из узуальных компонентов крылатого выражения *Der Mensch ist, was er isst* ‘Человек есть то, что он ест’, но остались неизменными синтаксическая структура и глубинная семантика фразеологизма. Это позволяет через цепочку мыслительных операций прийти к конвенциональному крылатому выражению.

В следующем тексте, в отличие от приведенного выше примера, сохранился один из компонентов узуального крылатого выражения *Lieber weniger, aber besser* ‘Лучше меньше, да лучше’, но его синтаксическая структура претерпела значительные изменения:

Ich will nicht ständig an meine Gesundheit denken. Lieber nur einmal und dann richtig... ALLIANZ. Private Krankenversicherung ‘Я не хочу постоянно думать о своем здоровье. Лучше один раз, но уж как следует... Allianz. Частная страховая компания’ (WirtschaftsWoche. 2003. № 7) < *Lieber weniger, aber besser* (В. Ленин). Благодаря узуальному компоненту *lieber* ‘лучше’ и сохраненному противопоставлению двух частей высказывания в аллюзивном крылатом выражении все еще ощущается узуальная синтаксическая модель. Аллюзия придает высказыванию оригинальность, экспрессивность.

Каждое окказиональное изменение фразеологических единиц выполняет в рассматриваемых текстах свою прагмастилистическую задачу. Например, замена компонентов осуществляет более тесную связь семантики фразеологизма с тематикой рекламного текста, называет и характеризует рекламируемый объект; редукция приводит к концентрации значения всего фразеологизма в его оставшейся части; добавление компонентов способствует уточнению, сужению или расширению значения узуальной фразеологической единицы, смягчая или усиливая ее категоричность [5, л. 98–100].

Однако в конечном счете любая игра с формой приводит к игре смыслов. Сказанное иллюстрируют примеры двух способов преобразования пословицы *Stille Wasser sind tief* ‘В тихом омуте черти водятся’ (букв. ‘Тихие воды глубоки’). Два именных предложения, образовавшиеся в обоих текстах в результате редукции и парцелляции пословицы, в рамках одной рекламной кампании создают образ Австрии как идеального места отдыха:

Stille Wasser. Tief. Nur sanftes Plätschern ist zu hören. Alltag raus, Österreich rein (Spiegel. 2002. № 13) < *Stille Wasser sind tief*.

Stille. Wasser. Alltag raus, Österreich rein (Focus. 2003. № 11) < *Stille Wasser sind tief*. В первом примере парцеллированное словосочетание *stille Wasser* и парцеллированное прилагательное *tief* воспринимаются как два самостоятельных предложения (‘Тихие воды. Глубоко’), но легко вызывают

ассоциацию с конвенциональной пословицей *Stille Wasser sind tief*. Во втором примере половина узуальной пословицы усекается, а оставшиеся два компонента *Stille* 'тишина' и *Wasser* 'вода' разделяются на два самостоятельных предложения. В обоих примерах окказиональность продиктована нуждами контекста (показать привлекательные атрибуты отдыха в Австрии) и приводит к дефразеологизации пословицы.

Таким образом, в коммерческой рекламе одним из средств воздействия на адресата являются фразеологизмы, а одним из способов оживления их глубинной семантики – игра слов. Фразеологические единицы становятся основой для игры слов в силу своих языковых особенностей, а также под воздействием контекста. При этом следует различать игру со смыслами и игру с формой, однако любая игра с формой приводит к изменению значения узуальной единицы. Наиболее кардинально значение меняется при дефразеологизации и аллюзии. Поскольку при языковой игре происходит трансформация и денотата, и сигнификата, и коннотата, и когнитивных структур, то знаки получают новую синергетику от ее продуцента, которую реципиент должен адекватно для себя означить и тем самым оживить. Для декодирования языковой игры требуются интеллектуальные усилия и оживление определенных фреймов личностного когнитивного типа, что зависит от когнитивной и коммуникативной компетентности адресата. Только в случае активизации и восстановления фразеологических единиц при помощи кодовых знаков происходит двусторонняя реализация гедонистической функции языковой игры [2, с. 368], что напрямую влияет на эффективность данного приема.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учеб. пособие / В.Е. Чернявская. – М. : ЛИБРИКОМ, 2009. – 248 с.
2. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций / В.И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 418 с.
3. Санников, В.З. Об истории и современном состоянии русской языковой игры / В.З. Санников // Вопр. языкознания. – 2005. – № 4. – С. 3–20.
4. Krüger-Lorenzen, K. Deutsche Redensarten und was dahinter steckt / K. Krüger-Lorenzen. – München : Wilhelm Heyne Verl., 2002. – 860 S.
5. Внук, Т.В. Прагмастилистический аспект функционирования фразеологических единиц в рекламных текстах (на материале немецкой коммерческой рекламы) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т.В. Внук ; Минск. гос. лингв. ун-т. – Минск, 2009. – 131 л.
6. Назарян, А.Г. Фразеология современного французского языка : учеб. / А.Г. Назарян. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Высш. шк., 1987. – 288 с.

7. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / А.В. Кунин. – 3-е изд., стер. – М. : Высш. шк. ; Дубна : Издат. центр «Феникс+», 2005. – 488 с.

8. Родина, О.В. Прагматические пресуппозиции как фактор эффективности воздействия рекламного текста : На материале немецкоязычной и русскоязычной журнальной рекламы / О.В. Родина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 4. – С. 108–118.

The article analyses a *language game* based on German phraseological units. All techniques of the language game can be divided into a word-play in its narrow understanding, that is a play with the meanings, and a word-play in its broad understanding, that is a play with the form. However, any play with the form influences the meaning of a phraseological unit and contains a play with meanings.

Поступила в редакцию 15.09.10

Е.В. Зуевская

К ПРОБЛЕМЕ СТАТУСА ГРАММАТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ФУТУРУМ В АСПЕКТЕ ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Статья затрагивает вопрос статуса грамматической формы футурум в немецком языке, освещая его в историческом аспекте. Данная темпоральная форма современного немецкого языка отличается от аналогичных форм в других германских языках как по форме, так и по выполняемым ею функциям. Именно с позиций диахронического исследования объясняется спорный статус формы футурум в немецком языке. Наряду с этим в статье также поднимается вопрос о сосуществовании в немецком языке целого ряда синонимичных средств выражения будущего времени, проводится исторический анализ причин данной конкуренции и факторов, способствовавших закреплению в немецком языке такой нетипичной для германских языков формы как футурум.

Современная система временных форм немецкого глагола является результатом длительного исторического развития. Ее наиболее поздним звеном явился футурум, отсутствовавший в прагерманском и древневерхненемецком языке и сформировавшийся как грамматическая форма лишь в средневерхненемецкий период (≈ 1550) [1, с. 85]. На ранних же этапах соответствующие сочетания были в состоянии выразить будущее, однако особой грамматической формы будущего времени не существовало. Будущее время могло выражаться презенсом, а также сочетаниями модальных глаголов *sculan* ‘sollen’, *wellan* ‘wollen’ или *muozzan* ‘müssen’ с инфинитивом.

Однако в древневерхненемецкий период при переводе греческих и латинских текстов возникла потребность в средствах адекватной передачи латинского и греческого футура [2, с. 25; 3, с. 31]. И наряду с упомянутыми

средствами в языке стали использоваться бивербальные сочетания с глаголом *werden*¹, из которых и развилась современная форма футурума. Вокруг нее изначально стала складываться дискуссия, не прекращающаяся в теории немецкого языка вплоть до сегодняшнего дня, когда форма футурума по-прежнему вызывает споры и разногласия. Уже один тот факт, что для ее образования используется нетипичный для германских языков глагол *werden*, служил стимулом к разногласиям на фоне того, что в остальных германских языках для выражения будущего традиционно использовались и используются конструкции с модальными глаголами. В частности, сравнительно недавно в связи с возросшим интересом к типологическим исследованиям различных языков на этот факт указали Дж. Бэйби и др. [4, с. 275–278], подчеркивая одну важную особенность функционирования футурума: глаголы с перфективной семантикой крайне редко используются в качестве исходных при образовании форм будущего времени. А глагол *werden* признается глаголом с перфективной семантикой.

Нетипичному применению глагола *werden* в качестве вспомогательного для образования будущего времени способствовало, по мнению Я. Гримма [5, с. 182], его изначальное употребление при образовании форм страдательного залога. Спустя много времени Г. Дивальд и М. Хаберманн [6, с. 236] также указывают на широкий диапазон использования глагола *werden* в немецком языке, который сделал возможным в том числе и его употребление в качестве вспомогательного для образования формы футурума. Вместе с тем, по другой трактовке, данный феномен следует объяснять как результат языковых контактов между славянскими (а именно чешским) и германскими языками. Даже утверждается, что конструкция с глаголом *werden* возникла в немецком языке по аналогии со славянскими языками в результате немецко-чешских языковых контактов [7, с. 251], о чем свидетельствует направление распространения конструкции, которое шло на территории Германии с юго-востока на северо-запад [7, с. 265; 8, с. 26; 9, с. 84]. Этим подкрепляется точка зрения о большем распространении конструкции “*werden* + инфинитив” на юго-востоке Германии, т.е. в областях, имевших наибольшее значение в период становления литературного языка, что сыграло свою роль в закреплении данной конструкции как грамматической формы. История же языка показывает, что тенденция к образованию бивербальных конструкций как средств выражения будущего времени существовала уже в готском и староцерковнославянском языках, о чем писал еще А. Шлейхер [10, с. 195]. А на более позднем этапе развития германских языков, согласно К. Реслеру [11, с. 141] и Г. Бирнбауму [12, с. 272], уже существовала схожесть в образовании немецкой формы “*werden* + инфинитив” и славянской “*bodo + инфинитив”.

---

¹ Данный глагол возник на основе индоевропейского корня *uert-*, первоначально обозначавшего ‘поворачивать, вертеть’, и аналогичен по своему возникновению глаголам других индоевропейских языков: ср. напр., санскр. *vartatē*, лат. *vertere*, гот. *wairþan*, рус. *вертеть*, лит. *versti*. Наиболее общее значение данного глагола в немецком языке можно определить как начинательное, с акцентом мутативности/инхоативности.

Нельзя, естественно, не учитывать достаточно обоснованные доводы цитированных лингвистов (К. Реслера, Г. Бирнбаума, Э. Лейс) в пользу их теории, но правомернее, думается, сконцентрировать внимание на внутриязыковых факторах, а именно многофункциональности глагола *werden* в немецком языке с давних пор, что, несомненно, помогло ему со временем закрепиться и в качестве вспомогательного для образования формы футурум.

Современные же споры среди лингвистов касаются не столько самого факта участия глагола *werden* в образовании формы футурум, сколько развития этой формы, корни которого пытаются усматривать в изначальном ее появлении. Существуют две точки зрения: согласно одной, форма футурум возникла из конструкции “*werden* + причастие настоящего времени”; по другому мнению, конструкции “*werden* + причастие настоящего времени” и “*werden* + инфинитив” явились параллельными языковыми образованиями, хотя им присущи свои особенности. Попытаемся проанализировать эти точки зрения с учетом данных об историческом развитии формы до настоящего времени.

Первая точка зрения весьма широко распространена в теории немецкого языка (О. Бегахель, Ф. Бех, В.М. Жирмунский, В. Вильманс, В. Шмидт, О. Эрдман, П. Визингер, М. Клейнер, Т.В. Строева-Сокольская, А. Е. Карлинский). Пути развития при этом называются разные. О. Бегахель [13, с. 262], как и Р. Тиль [14, с. 183], считает решающим фактором для возникновения конструкции “*werden* + инфинитив” фонетическое изменение причастия настоящего времени, а именно превращение в результате ассимиляции *-ende* в *-enne*, с дальнейшими изменениями в *-ene* ⇒ *-en* [13, с. 262]. Фонетические изменения вызвало смешение форм инфинитива и причастия настоящего времени, и затем последовало вытеснение причастия, на чем настаивают, в частности, историки немецкого языка В.М. Жирмунский [15, с. 295], О. Эрдман [16, с. 98], Е. Хенчель, Г. Вейдт [17, с. 103], как и создатели грамматики средневерхненемецкого Г. Пауль, Х. Мозер, И. Шреблер [18, с. 298] и др.

Согласно мнению М. Клейнер, процесс развивался таким образом, что происходило смешение склоняемых форм причастия и инфинитива по причине присутствия причастного окончания *-de* в косвенных падежах инфинитива. Но косвенные падежи инфинитива могли употребляться и без окончания, а потому аналогично и причастие могло утратить окончание *-de* [16, с. 58]. Однако в этой связи справедливо поднимается вопрос [19, с. 7], на который названными выше авторами не было дано ясного ответа: почему в склоняемом причастии окончание *-de* сохранилось, а в сочетании “*werden* + причастие настоящего времени” оно было утрачено?

И все же этот ответ со временем появился: по мнению А.Е. Карлинского, в основе развития формы футурум из сочетания “*werden* + причастие настоящего времени” лежали семантические изменения, повлекшие за собой и соответствующие фонетические изменения. Сравнивая значение

длительности у сочетания “*werden* + причастие настоящего времени” со значением результативности у сочетания “*wesan* + причастие настоящего времени”, он делает вывод, что разрушение вида как благоприятное условие влияло на восприятие причастия как выражение некой отвлеченной идеи действия. “В этом случае его собственный формальный признак (окончание *-ende*) является вообще излишним” [20, л. 102]. И вполне логично предположить, что окончание, лишенное смысловой нагрузки, могло отпасть просто по закону редукции неударного окончания.

В рамках этой общей концепции свое мнение четко формулирует Т.В. Строева-Сокольская: на поставленный выше вопрос о мотивации замещения причастия настоящего времени инфинитивом правильное отвечать с функциональной точки зрения: в конструкции “*werden* + причастие настоящего времени” с разрушением видового значения все более четко стало выступать на первый план значение будущего времени. Вполне естественно, что конструкцию причастия настоящего времени с *werden*, имевшую инхоативное видовое значение, заменила конструкция *werden* с инфинитивом как наиболее абстрактным выражением глагольной идеи действия [21, с. 178].

Свою точку зрения на проблему развернуто формулирует и Э. Лейс: считая первоначальной конструкцией “*werden* + причастие”, она полагает, что спонтанное возникновение конструкции “*werden* + инфинитив” для выражения будущего было невозможным из-за видовой отмеченности глагола *werden* [7, с. 265]. Тем самым форма “*werden* + инфинитив” не подвергалась влиянию формы “*werden* + причастие настоящего времени”, она заменила ее в ходе эволюции по причине своей однозначности, позволив исключить видовые оттенки значения [7, с. 263]. По этой причине лучшего для грамматикализации варианта, нежели конструкция “*werden* + инфинитив”, не могло быть.

О замене говорит также Е. Оубоцар, указывая на то, что только грамматикализация формы “*werden* + инфинитив” привела к постепенной изоляции и исчезновению конструкции с причастием [1, с. 85–87].

Но на этом дискуссия вокруг проблемы футурума не прекратилась: исследователи стали привлекать материал немецких диалектов. Так, Л. Сальтвейт, изучив богатый диалектный материал, говорит, что конструкция “*werden* + инфинитив” начинает употребляться одновременно с конструкцией “*werden* + причастие настоящего времени”, а подтверждается это примерами из Отфрида и Ноткера, датируемыми XI–XII веками [22, с. 185, 187]. Говорить же о редукции окончания причастия для того времени еще рано, это были параллельные структуры, относящиеся к одному и тому же периоду. Аналогичного мнения придерживаются также и Л.Д. Напетваридзе, М.Л. Котин, А. Арон, Г. Курельмайер. Г. Курельмайер, например, цитирует в своей книге [23, с. 36] пример использования конструкции “*werden* + инфинитив”, датируемый XI веком, а А. Арон приводит дальнейшие примеры из XII века [8, с. 29]. Даже О. Бехагель,

несмотря на совершенно иную точку зрения, приводит два примера XI века [13, с. 261]. Но, развивая свою точку зрения, Л. Сальтвейт настаивает на критерии функциональной дифференциации конструкций, считая основным значением для конструкции “*werden* + причастие настоящего времени” инхоативность, а для “*werden* + инфинитив” – модальность предположения [22, с. 249]. А это означает, что основой употребления стал модальный характер футурума, чем объясняется примарность модального значения данной формы в современном языке.

Правда, и эта достаточно твердая позиция не приводит к прекращению дискуссий. В частности, согласно результатам исследования Л.Д. Напетваридзе, сочетания глагола *werden* с инфинитивом и с причастием настоящего времени все же различаются сутью своей семантики: конструкция “*werden* + инфинитив” обозначает действие, которое реализуется в будущем, а конструкция “*werden* + причастие настоящего времени” передает наступление состояния субъекта в будущем [24, с. 47]. Что же касается модальности предположения, то данное значение не реализовывалось конструкцией “*werden* + инфинитив” на раннем этапе ее существования, скорее наоборот, она употреблялась для выражения значения, близкого пророческому будущему, т.е. значения полной уверенности, не допускающей никаких сомнений или предположений [24, с. 50]. На эту же особенность конструкции “*werden* + инфинитив” указывают и другие грамматисты: Я. Гримм [5, с. 182], В. Вильманс [25, с. 178], Ф. Чирх [26, с. 45].

Другой исследователь, М.Л. Котин, видя в конструкциях “*werden* + инфинитив” и “*werden* + причастие настоящего времени” одновременные образования, вместе с тем отмечает и их основное различие в синтаксическом статусе, отчетливо представляемое оппозицией “вербальный признак/номинальный признак” [27, с. 160]. Если причастие настоящего времени, по его мнению, наиболее точно можно охарактеризовать как адъективированный инфинитив (*adjektivischer Infinitiv*), сохраняющий в сочетании с глаголом *werden* номинальный признак предикатива (см. также [3, с. 32]), то обычный инфинитив глагола, развившись из глагольного имени, потерял именные функции и превратился форму, в семантике которой на первый план однозначно выходит признак глагольности. При этом глагол *werden* в сочетании с причастием настоящего времени выполняет функцию глагола-связки и сохраняет видовое значение инхоативности [28, с. 494], а в сочетании с инфинитивом глагол *werden* постепенно образует единую форму, встречаясь даже в тех случаях, где сочетание “*werden* + причастие настоящего времени” использоваться не могло [27, с. 161]. Достаточно привести пример:

Es wirt auf gen ein ftären / den man wirt fēhen wündern gēren [29, с. 183].

Данное употребление свидетельствует о более высокой степени грамматикализации конструкции “*werden* + инфинитив” еще в период параллельного существования двух конструкций в языке.

Заключая обзорный анализ проблемы, возможно кратко суммировать его итог. Если учитывать, что при отсутствии специальной формы в языке для выражения определенного значения, в данном случае грамматического значения будущего времени, язык пытается заполнить лакуну, “пробуя” различные средства выражения данного значения, то будет справедливо принять за исходную точку зрения, что обе конструкции, как отвечающие цели поиска, – “*werden* + инфинитив” и “*werden* + причастие настоящего времени” – возникли приблизительно одновременно и сосуществовали в языке как бивербальные сочетания. Первоначально в значении обеих форм на первый план выступала семантика глагола *werden*, т.е. видовое значение инхотативности. Но с течением времени, благодаря более обобщенному значению инфинитива конструкция “*werden* + инфинитив” становилась более подходящей для грамматикализации, что и способствовало именно ее закреплению в языке как грамматической формы выражения будущего времени. И хотя на раннем этапе своего развития эта форма использовалась в ряду других форм выражения будущего времени (презенса, сочетаний модальных глаголов *wollen/sollen/müssen* + инфинитив, сочетания “*werden* + причастие настоящего времени”) значительно реже, она уже тогда отличалась более отвлеченным характером. Так, презенс использовался в футуральном значении лишь при наличии лексических уточнителей, сочетания “*wollen/sollen* + инфинитив” сохраняли ослабленное значение данных модальных глаголов – значение внутреннего побуждения для *wollen* и оттенок внешней необходимости или неизбежности для *sollen* [26, с. 45; 13, с. 263 и др.]. При такой ситуации можно считать закономерным, что в парадигматике грамматической категории времени закрепились именно эта форма, которая была способна выражать абстрактное по своей сути грамматическое значение, без выступающих на первый план “примесей”, как это присуще другим указанным формам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Oubouzar, E.* Über die Ausbildung der zusammengesetzten Verbformen im deutschen Verbalsystem / E. Oubouzar // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. – 1974. – Bd. 95. – S. 3–96.
2. *Kleiner, M.* Zur Entwicklung der Futur-Umschreibung werden mit dem Infinitiv / M. Kleiner. – Berkeley : The Univ. of California Press, 1925. – 101 S.
3. *Walther, C.* Untersuchungen zu Häufigkeit und Funktionen des deutschen Futurs (*werden* + Inf.) in hochdeutschen Texten zwischen 1450 und 1750 (mit einem Ausblick ins Niederdeutsche): Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades doctor philosophiae vorgelegt der gesellschaftswissenschaftlichen Fakultät des Wissenschaftlichen Rates der Humboldt-Universität zu Berlin / C. Walther. – Berlin, 1980. – 193 S.

4. *Bybee, J.L.* The evolution of Grammar: tense, aspect, and modality in the languages of the world / J.L. Bybee, R.D. Perkins, W. Pagliuca. – Chicago ; London : Univ. of Chicago Press, 1994. – 398 p.
5. *Grimm, J.* Deutsche Grammatik : in 4 T. / J. Grimm. – Göttingen : Dieterichsche Buchh., 1837. – T. 4. – 965 S.
6. *Diewald, G.* Die Entwicklung von werden + Infinitiv als Futurgrammem. Ein Beispiel für das Zusammenwirken von Grammatikalisierung, Sprachkontakt und soziokulturellen Faktoren / G. Diewald, M. Habermann // Grammatikalisierung im Deutschen ; hrsg. von T. Leuschner. – Berlin, 2005. – S. 229–250.
7. *Leiss, E.* Zur Entstehung des neuhochdeutschen analytischen Futurs / E. Leiss // Sprachwissenschaft. – 1985. – Bd. 10. – S. 250–273.
8. *Aron, A.W.* Die "progressiven" Formen im Mittelhochdeutschen und Frühneuhochdeutschen / A.W. Aron. – Frankfurt a.M. : Joseph Baer & Co, 1914. – 112 S.
9. *Bogner, I.* Zur Entwicklung der periphrastischen Futurformen im Frühneuhochdeutschen / I. Bogner // Ztschr. für deutsche Philologie. – 1989. – Bd. 108. – S. 56–85.
10. *Schleicher, A.* Das Futurum im Deutschen und Slawischen / A. Schleicher // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen. – 1855. – Bd. 4. – S. 187–197.
11. *Rösler, K.* Beobachtungen und Gedanken über das analytische Futurum im Slavischen / K. Rösler // Wiener slavistisches Jahrbuch. – 1952. – Bd. 2. – S. 103–149.
12. *Birnbaum, H.* Untersuchungen zu den Zukunftsumschreibungen mit dem Infinitiv im Altkirchenslavischen. Ein Beitrag zur historischen Verbalsyntax des Slavischen / H. Birnbaum. – Stockholm : Almqvist & Wiksell, 1958. – 326 S.
13. *Behaghel, O.* Deutsche Syntax : in 4 Bd. / O. Behaghel. – Heidelberg : Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1924. – Bd. 2 : Die Wortklassen und Wortformen. – 444 S.
14. *Thiel, R.* Über die grammatische Funktion des Verbs werden / R. Thiel // Muttersprache. Zeitschrift zur Pflege und Erforschung der deutschen Sprache. – 1957. – Jg. 67. – S. 182–185.
15. *Жирмунский, В.М.* История немецкого языка / В.М. Жирмунский. – М. : Высш. шк., 1965. – 408 с.
16. *Erdmann, O.* Untersuchungen über die Syntax der Sprache Otfrids. Gekrönte Preisschrift der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien / O. Erdmann. – Halle : Verl. der Buchh. des Waisenhauses. – 1874. – 272 S.
17. *Hentschel, E.* Handbuch der deutschen Grammatik / E. Hentschel, H. Weydt. – Berlin [u.a.] : de Gruyter, 2003. – 524 S.
18. *Paul, H.* Mittelhochdeutsche Grammatik / H. Paul, H. Moser, I. Schröbler. – Tübingen : Niemeyer, 1998. – 638 S.
19. *Schmid, H.U.* Die Ausbildung des "werden"-Futurs. Überlegungen auf der Grundlage mittelalterlicher Endzeitprophezeiungen. – Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik / H.U. Schmid. – 2000. – Jg. 67. – S. 6–27.

20. *Карлинский, А.Е.* Очерк немецко-славянских языковых контактов (IX–XI вв.): дис. ... канд. филол. наук: 662 – славянские языки / А.Е. Карлинский. – Минск, 1967. – 234 л.
21. *Строева-Сокольская, Т.В.* Развитие будущего времени в немецком языке / Т.В. Строева-Сокольская // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. – 1941. – № 58. – Вып. 5. – С. 166–197.
22. *Saltveit, L.* Studien zum deutschen Futur / L. Saltveit. – Bergen ; Oslo : Norw. Univ. Press, 1962. – 282 S.
23. *Kurrelmeyer, H.* The Historical Development of the Forms of the Future Tense in Middle High German: a Dissertation Submitted to the Philosophical Faculty of the Johns Hopkins University for the Degree of Doctor of Philosophy / H. Kurrelmeyer. – Strassburg : Karl J. Trübner, 1904. – 95 p.
24. *Напетваридзе, Л.Д.* Становление норм употребления форм будущего времени в немецком литературном языке / Л.Д. Напетваридзе. – Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1987. – 172 с.
25. *Wilmanns, W.* Deutsche Grammatik von W. Wilmanns. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch : in 3 Bd. / W. Wilmanns. – Strassburg : Verl. von Karl J. Trübner, 1906. – Bd. 3 : Verbum. – 772 S.
26. *Tschirch, F.* Geschichte der deutschen Sprache. Entwicklung und Wandlungen der deutschen Sprachgestalt vom Hochmittelalter bis zur Gegenwart / F. Tschirch. – Berlin : Erich Schmidt, 1989. – 304 S.
27. *Kotin, M.L.* Die werden-Perspektive und die werden-Preriphrasen im Deutschen. Historische Entwicklung und Funktionen in der Gegenwartssprache / M.L. Kotin. – Frankfurt a.M. : Peter Lang GmbH, 2003. – 279 S.
28. *Kotin, M.L.* Die analytischen Formen und Fügungen im deutschen Verbalsystem: Herausbildung und Status (unter Berücksichtigung des Gotischen) / M.L. Kotin // Sprachwissenschaft. – 1997. – Bd. 22. – S. 479–500.
29. *Wiesinger, P.* Zum frühneuhochdeutschen Ausdruck der Aktionsart im Präteritum beim steirischen Dichtermönch Andreas Kurzmann um 1400 / P. Wiesinger // Zur Verbmorphologie germanischer Sprachen ; hrsg. von S. Watts. – Tübingen, 2001. – S. 175–188.

The article discusses the problem of the origin of the grammatical form Futurum in German language. It can be used in the language in order to express future reference. In the Old High German there was no special form with this meaning. In modern German this form differs considerably from the grammatical forms in other Germanic languages. It can be accounted for by the historical development of this form in German.

Поступила в редакцию 21.09.10

И.А. Кацнельсон

СПЕЦИФИКА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ УРОВНЕ

В статье рассматриваются вопросы лексико-семантической организации учебных и научных англоязычных экономических текстов. Конкретизируются основные понятия семантического анализа лексики. Затрагиваются два основных подхода к семантической классификации лексических единиц (чисто *лингвистический* и *тематический*). Разрабатывается лексико-семантическая классификация имен существительных, глаголов и имен прилагательных английских экономических текстов (кредитно-денежная политика, налогово-бюджетная политика и социальная политика). Выделяются наиболее употребительные лексико-семантические группы существительных, глаголов и прилагательных, приводится их относительная частота употребления в исследуемых текстах. Конкретизируется *специфика англоязычных экономических текстов* вышеуказанных подтем на *лексико-семантическом уровне*.

Несмотря на то, что в последние годы у нас и за рубежом появился ряд работ, в которых ставятся и решаются важные лексикологические проблемы, методика исследования словарного состава языка остается во многом спорной и неоднозначной [1]. В частности, ученые расходятся во мнении, какой подход, 1) чисто *лингвистический* [2] или 2) *тематический* [1; 3; 4;], следует положить в основу лексико-семантической классификации лексики.

Так, З.Н. Вердиева предлагает классификацию лексических единиц по *лексико-семантическим парадигмам (полям)* (ЛСП) и *лексико-семантическим группам* (ЛСГ) на основе наличия общих сем в смысловой структуре ЛЕ. ЛСП определяется как «совокупность лексических единиц, объединенных тождеством семантических признаков одного ранга и отличающихся друг от друга индивидуальными, уточняющими признаками». Таким образом, части речи являются ЛСП. Следующий уровень лексико-семантической парадигматики представлен семантическими подклассами частей речи, которые далее подразделяются на ЛСГ. В работе З.Н. Вердиевой приводится детальная *лингвистическая* классификация английских имен прилагательных [2, с. 11–65] и существительных [2, с. 65–110].

Однако «непосредственная обращенность лексики к внеязыковой действительности является ее существенной особенностью по сравнению со всеми другими слоями языка, и всестороннее исследование лексики вряд ли возможно без учета этой особенности» [1, с. 15]. *Второй* способ опирается на классификацию самих предметов и явлений, обозначенных данными словами, т.е. *тематическую* классификацию. При этом ЛЕ объединяются в *классы ЛЕ, тематические поля* (ТП) и *тематические группы* (ТГ). *Класс ЛЕ* – частеречное упорядочение ЛЕ. Классы ЛЕ подразделяются на ТП – «семантические объединения, описывающие наиболее общие сегменты реальной действительности». ТП, в свою очередь, подразделяются на ТГ – «семантические объединения, обозначающие

конкретные процессы, предметы, признаки реальной действительности». Основой интеграции тематической группы служат связи предметов реального мира, являющихся денотатами словесных знаков, составляющих тематическую группу. Тематические группы фиксируют не столько связи слов, сколько связи номинируемых ими экстралингвистических предметов и явлений [1; 3; 4].

Изучив литературу по семантической организации ЛЕ, в данном исследовании мы опираемся как на собственно языковую, так и на тематическую классификацию лексики. В общепринятом понимании лексико-семантическая группа – это семантическое объединение, обозначающее предметы, процессы и признаки, опирающееся на морфологическую классификацию частей речи и внеязыковую действительность.

Для проведения исследования по определению лексико-семантической организации английских экономических учебных текстов было отобрано 60 учебных текстов по предметным областям «Кредитно-денежная политика», «Налогово-бюджетная политика» и «Социальная политика». Объем каждого текста составил от одной до четырех страниц, количество абзацев в текстах варьировалось от четырех до восемнадцати. Общий объем учебных текстов составил 31408 словоупотреблений и 523 абзаца. Источником материала исследования послужили учебники английского языка Mc. Kenzie «English for Economists», «Market Leader», Jim Corbett «English for International Banking and Finance» и др.

Было также отобрано по 10 научных текстов каждой из вышеуказанных подтем (всего 30 текстов). Объем каждого текста составил от двух до восьми страниц. Общий объем научных текстов составил 65012 словоупотреблений и 406 абзацев. Источником материала исследования послужили журналы “Economica”, “The American Economic Review” за 2006–2008 гг.

Общий объем исследованных экономических текстов составил 96420 словоупотреблений и 929 абзацев.

Так, было выделено 36 ЛСГ существительных, 23 ЛСГ глаголов и 16 ЛСГ прилагательных.

Классификация имен существительных, глаголов и имен прилагательных английских экономических текстов представлена в табл. 1, 2, 3.

Т а б л и ц а 1

Классификация имен существительных экономических текстов

№ п/п	Лексико-семантическая группа (ЛСГ)	Код ЛСГ
1	Имена, фамилии людей	N01
2	Наименования постов и должностей	N02
3	Названия участника финансовых отношений	N03
4	Названия участника социальных отношений	N04
5	Наименования финансовых организаций	N05

6	Наименования государственных и политических организаций	N06
7	Наименования социальных организаций	N07
8	Собственные названия финансовых организаций	N08
9	Собственные названия политических и социальных организаций	N09
10	Наименования финансовых действий, операций	N10
11	Наименования налоговых действий, операций	N11
12	Наименования социальных действий, операций	N12
13	Общенаучные понятия	N13
14	Абстрактные понятия	N14
15	Общеэкономические понятия	N15
16	Понятия, связанные с банковской деятельностью	N16
17	Понятия налогообложения	N17
18	Социальные понятия	N18
19	Понятия информатики и вычислительной техники	N19
20	Названия фазисных понятий	N20
21	Медицинские понятия	N21
22	Названия изменений, происходящих с объектами	N22
23	Названия месяцев	N23
24	Названия времени суток	N24
25	Названия меры времени	N25
26	Наименования валют	N26
27	Названия стран, материков	N27
28	Названия населенных пунктов	N28
29	Другие географические понятия	N29
30	Понятия быта	N30
31	Названия предметов вооружения	N31
32	Названия вещества	N32
33	Названия наций, народов	N33
34	Существительные, обозначающие вероятность	N34
35	Существительные, обозначающие количество	N35
36	Существительные, обозначающие связь, взаимодействие	N36

Т а б л и ц а 2

Классификация глаголов экономических текстов

№ п/п	Наименование семантического класса	Код ЛСГ
1	Глаголы существования	V01
2	Посессивные глаголы	V02
3	Глаголы движения	V03
4	Глаголы активных физических действий человека	V04
5	Глаголы вербальной деятельности человека	V05
6	Глаголы умственной (психической) деятельности человека	V06
7	Глаголы финансовой (общеекономической) деятельности человека	V07
8	Глаголы финансовой (общеекономической) деятельности организации	V08
9	Глаголы банковской деятельности человека	V09
10	Глаголы банковской деятельности организации	V10
11	Глаголы налоговой (фискальной) деятельности человека	V11

12	Глаголы налоговой (фискальной) деятельности организации	V12
13	Глаголы социальной деятельности человека	V13
14	Глаголы социальной деятельности организации	V14
15	Глаголы завершения действия	V15
16	Модальные глаголы, выражающие возможность	V16
17	Модальные глаголы, выражающие разрешение	V17
18	Модальные глаголы, выражающие долженствование	V18
19	Модальные глаголы, выражающие приказание	V19
20	Вспомогательный глагол <i>to be (am, is, are, was, were)</i>	V20
21	Вспомогательный глагол <i>to do (does, did)</i>	V21
22	Вспомогательный глагол <i>to have (has, had)</i>	V22
23	Вспомогательный глагол <i>will (would)</i>	V23

Т а б л и ц а 3

Классификация имен прилагательных экономических текстов

№ п/п	Наименование семантического класса	Код ЛСГ
1	Прилагательные, обозначающие признаки, свойственные человеку	A01
2	Прилагательные, обозначающие признаки, используемые для описания предметов	A02
3	Прилагательные, обозначающие признаки, характеризующие объект по отношению к общеэкономическому понятию	A03
4	Прилагательные, обозначающие признаки, характеризующие объект по отношению к понятию банковской сферы	A04
5	Прилагательные, обозначающие признаки, характеризующие объект по отношению к понятию налоговой сферы	A05
6	Прилагательные, обозначающие признаки, характеризующие объект по отношению к социальному понятию	A06
7	Прилагательные, обозначающие признаки, характеризующие объект по важности, масштабу	A07
8	Прилагательные, обозначающие признаки, характеризующие объект по отношению ко времени	A08
9	Прилагательные, обозначающие признаки, характеризующие объект по отношению к количеству	A09
10	Прилагательные, обозначающие признаки, характеризующие объект по принадлежности к определенному государству, нации, национальности	A10
11	Прилагательные, обозначающие признаки, характеризующие объект по порядку (счету)	A11
12	Прилагательные, обозначающие уточнение	A12
13	Прилагательные, обозначающие модальность возможности	A13
14	Прилагательные, обозначающие признаки, характеризующие объект по степени сложности	A14
15	Прилагательные, обозначающие признаки, характеризующие объект по достоверности информации	A15
16	Прилагательные, обозначающие признаки, характеризующие объект по отношению к понятию информатики и вычислительной техники	A16

Распределение относительных частот употребления ЛСГ глаголов, существительных и прилагательных (с наиболее высокой частотой) приведено в табл. 4, 5, 6.

Т а б л и ц а 4

Распределение относительных частот употребления
ЛСГ имен существительных

Код ЛСГ	Учебные тексты			Научные тексты		
	Кредитно-денежная политика	Налогово-бюджетная политика	Социальная политика	Кредитно-денежная политика	Налогово-бюджетная политика	Социальная политика
N01	0,011	0,015	0,018	0,064	0,014	0,015
N05	0,032	0,021	0,024	0,043	0,028	0,021
N06	0,015	0,013	0,012	0,019	0,016	0,018
N08	0,021	0,034	0,014	0,058	0,046	0,031
N13	0,062	0,141	0,124	0,182	0,211	0,240
N14	0,016	0,012	0,022	0,034	0,051	0,026
N15	0,140	0,150	0,163	0,186	0,108	0,055
N16	0,224	0,185	0,119	0,164	0,208	0,111
N17	0,111	0,152	0,039	0,092	0,114	0,032
N18	0,029	0,012	0,131	0,024	0,016	0,149
N25	0,023	0,018	0,016	0,012	0,011	0,014
N26	0,018	0,015	0,012	0,073	0,017	0,021
N27	0,021	0,025	0,028	0,019	0,012	0,022
N28	0,017	0,013	0,022	0,021	0,017	0,019
N33	0,015	0,012	0,009	0,016	0,015	0,011
N36	0,034	0,025	0,038	0,028	0,022	0,026

Анализируя данные табл. 4, можно отметить следующее.

1. Наиболее частотной ЛСГ для учебных текстов предметной области «Кредитно-денежная политика» является N16 ($F=0,224$), в то время как в научных текстах этой тематики эта ЛСГ занимает третью позицию ($F=0,164$). Второй по частоте употребления для учебных текстов является N15 ($F=0,140$), а для научных текстов она является самой частотной ($F=0,186$). N17 ($F=0,111$) занимает третью позицию среди ЛСГ учебных текстов и четвертую для научных ($F=0,094$). Частота употребления N13 ($F=0,062$) в учебных текстах значительно уступает таковой в текстах научных ($F=0,182$).

2. N16 также является наиболее употребительной ЛСГ для учебных текстов предметной области «Налогово-бюджетная политика» ($F=0,185$) и занимает вторую позицию для научных текстов этой тематики ($F=0,208$). Второй по частоте употребления для учебных текстов является N17 ($F=0,152$); эта ЛСГ находится на третьем месте для научных текстов ($F=0,114$). N15 ($F=0,150$) занимает третью позицию среди ЛСГ учебных текстов и четвертую для научных текстов ($F=0,108$).

3. Самой употребительной ЛСГ для учебных текстов предметной области «Социальная политика» оказалась N15 ($F=0,163$), которая находится лишь на четвертом месте для научных текстов ($F=0,055$). N18 находится на второй позиции по частоте употребления среди ЛСГ учебных ($F=0,131$) и научных ($F=0,149$) текстов. N13 занимает третье место для учебных текстов ($F=0,124$) и первое ($F=0,240$) для научных текстов.

Т а б л и ц а 5

Распределение относительных частот употребления ЛСГ глаголов

Код ЛСГ	Учебные тексты			Научные тексты		
	Кредитно-денежная политика	Налогово-бюджетная политика	Социальная политика	Кредитно-денежная политика	Налогово-бюджетная политика	Социальная политика
V01	0,052	0,063	0,049	0,074	0,066	0,054
V05	0,084	0,092	0,123	0,012	0,015	0,012
V07	0,125	0,141	0,124	0,170	0,135	0,146
V09	0,122	0,037	0,060	0,019	0,003	0,005
V10	0,183	0,151	0,114	0,182	0,211	0,240
V11	0,079	0,110	0,015	0,012	0,011	0,010
V20	0,041	0,031	0,038	0,183	0,164	0,152
V21	0,013	0,016	0,021	0,012	0,022	0,005
V22	0,043	0,052	0,048	0,126	0,131	0,112
V23	0,021	0,019	0,016	0,019	0,016	0,042

Проанализировав данные табл. 5, можно сделать некоторые выводы.

1. Наиболее употребительной ЛСГ для учебных текстов предметной области «Кредитно-денежная политика» является V10 ($F=0,183$), частота употребления которой занимает вторую позицию для научных текстов ($F=0,182$). V07 ($F=0,125$) – вторая по употребительности для учебных и третья ($F=0,170$) для научных текстов. Третье место (учебные тексты) занимает V09 ($F=0,122$), в то время как ее частота употребления значительно меньше для научных текстов ($F=0,019$). V05 ($F=0,084$) находится на четвертой позиции для учебных и имеет незначительную частоту употребления для научных текстов ($F=0,012$). Четвертую позицию для научных текстов занимает V22 ($F=0,126$).

2. V10 занимает первое место для учебных ($F=0,151$) и научных ($F=0,211$) текстов предметной области «Налогово-бюджетная политика». Второй по употребительности ЛСГ для учебных текстов является V07 ($F=0,141$), в то время как для научных текстов эту позицию занимает V20 ($F=0,164$). V11 ($F=0,110$) и V05 ($F=0,092$) находятся на третьем и четвертом месте по употребительности для учебных текстов, а их частота употребления для научных текстов значительно ниже – $F=0,011$ и $F=0,015$. Для научных текстов третью и четвертую позицию занимают соответственно V07 ($F=0,135$) и V22 ($F=0,131$).

3. Наиболее употребительной ЛСГ для учебных текстов предметной области «Социальная политика» является V07 ($F=0,124$), которая является третьей по частоте для научных текстов ($F=0,146$). V05 ($F=0,123$) находится на втором месте для учебных текстов, в то время как частота употребления этой ЛСГ в научных текстах значительно ниже ($F=0,012$). Третью позицию для учебных ($F=0,114$) и первую для научных текстов ($F=0,240$) занимает V10.

Т а б л и ц а 6

Распределение относительных частот употребления
ЛСГ имен прилагательных

Код ЛСГ	Учебные тексты			Научные тексты		
	Кредитно-денежная политика	Налогово-бюджетная политика	Социальная политика	Кредитно-денежная политика	Налогово-бюджетная политика	Социальная политика
A03	0,101	0,137	0,034	0,044	0,058	0,060
A04	0,139	0,125	0,051	0,184	0,182	0,163
A05	0,085	0,149	0,106	0,102	0,164	0,074
A07	0,061	0,083	0,158	0,101	0,106	0,082
A08	0,105	0,109	0,093	0,043	0,058	0,029
A10	0,118	0,087	0,102	0,039	0,057	0,047
A11	0,047	0,032	0,012	0,052	0,046	0,074

Анализируя данные табл. 6, можно отметить следующее.

1. Наиболее частотной ЛСГ для учебных и научных текстов предметной области «Кредитно-денежная политика» является A04 – $F=0,139$ и $F=0,184$ соответственно. Второй по частоте употребления для учебных текстов является A10 ($F=0,118$), а для научных текстов ее частота значительно ниже ($F=0,039$). A08 ($F=0,105$) занимает третью позицию среди ЛСГ учебных текстов, в то время как для научных текстов этой ЛСГ $F=0,043$. Второе и третье места для научных текстов занимают соответственно A05 ($F=0,102$), A07 ($F=0,101$).

2. A05 ($F=0,149$) является наиболее употребительной ЛСГ для учебных текстов предметной области «Налогово-бюджетная политика» и занимает вторую позицию для научных текстов этой тематики ($F=0,164$). Второй по частоте употребления для учебных текстов является A03 ($F=0,137$), а для научных текстов – $F=0,058$. A04 ($F=0,125$) находится на третьем месте для учебных текстов и на первом – для научных текстов ($F=0,182$).

3. Самой употребительной ЛСГ для учебных текстов предметной области «Социальная политика» оказалась A07 ($F=0,158$), которая находится на втором месте для научных текстов ($F=0,082$). A05 ($F=0,106$) находится на второй позиции по частоте употребления среди ЛСГ учебных ($F=0,106$) и на третьей для научных текстов ($F=0,074$). A10 занимает третье место для

учебных текстов ($F=0,102$), а для научных текстов – $F=0,047$, A04 ($F=0,163$) является наиболее употребительной для научных текстов.

В результате анализа учебных и научных англоязычных экономических текстов на лексико-семантическом уровне, можно также сделать следующие выводы.

1. В учебных текстах удельный вес глаголов выше, так как ряд учебных текстов более динамичен, чем научные. В научных текстах вместо ряда глаголов используются существительные (N10) – преимущественно, вместо глаголов, обозначающих финансовую деятельность организации (V08) – *to deposit – deposit, to withdraw – withdrawal*. В научных текстах гораздо больше общенаучных понятий (N13) – *purpose, type, feature* и узкоспециализированной лексики (N15) – *buyout, stock, exchange*, в то время как учебные тексты отличаются бóльшим количеством общеэкономических понятий (N14) – *expenses, income, investor, payment* (учебные тексты рассчитаны на менее информированную в данной сфере аудиторию).

2. Количество вспомогательных глаголов (V20, V21, V22) в научных текстах в несколько раз выше, чем в учебных (страдательный залог типичен для научного стиля).

3. В научных текстах преимущественно используются наречия для выражения модальности возможности, вероятности (*likely, probably, apparently, obviously*).

4. В научных текстах гораздо меньше глаголов вербальной деятельности (V09) – *to say, to announce*.

5. Высокая частота понятий, связанных с банковской деятельностью, (N16) – *account, deposit* характерна не только для текстов предметной области «Кредитно-денежная политика», но и для учебных и научных текстов двух других предметных областей, однако в меньшей степени (кредитно-денежная политика является одним из инструментов экономики).

6. Для текстов предметной области «Кредитно-денежная политика» характерна относительно высокая частота употребления понятий фискальной политики (N17) – *excise duty, tax heavens* (налогово-бюджетная политика – второй инструмент экономики).

Данная лексико-семантическая классификация может быть далее использована для анализа логико-семантической и семантико-синтаксической организации экономических текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 280 с.
2. Вердиева, З.Н. Семантические поля в современном английском языке / З.Н. Вердиева. – М. : Высш. шк., 1986. – 120 с.

3. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика / Л.М. Васильев. – М. : Высш. шк., 1990. – 176 с.
4. Щур, Г.С. Теория поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М. : Наука, 1974. – 255 с.

The article deals with the problem of lexico-semantic analysis of English economic texts. The basic notions of semantic analysis of lexical units are particularized. Two main approaches (*linguistic* and *topical*) to classifying lexical units into semantic groups are overviewed. Lexico-semantic groups of nouns, verbs and adjectives typical of English economic texts (monetary policy, tax policy and social policy) are defined. The main lexico-semantic groups of nouns, verbs and adjectives are defined, their relative frequency is presented. Specific *lexico-semantic features of English economic texts* are particularized.

Поступила в редакцию 09.09.10

И.И. Макаревич

ВЗГЛЯД НА КАТЕГОРИЮ *ВРЕМЕННОЙ ОТНЕСЕННОСТИ* АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ШИФТЕРОВ Р.О. ЯКОБСОНА И ТЕОРИЮ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ А.В. БОНДАРКО

В статье предлагается рассматривать категорию *временной отнесенности английского языка* как комплекс функционально-семантических полей, разработанных А.В. Бондарко, которые образуют функционально-семантическое поле перфектности. Такой подход позволяет найти общий знаменатель во всем многообразии значений перфекта английского языка, в особенности перфекта настоящего времени с тем, чтобы изучить спорные вопросы взаимодействия грамматической формы перфекта английского языка и лексической семантики редко употребляемых в этой форме лексико-семантических классов глаголов. Теория *шифтеров* Р.О. Якобсона используется, с одной стороны, как механизм, позволяющий функционально-семантическим полям, участвующим в выражении значения перфекта, реализовывать значение поля перфектности. С другой стороны, использование *шифтеров* как особого рода языковых единиц помогает разрешить спорные вопросы употребления релятивного глагола *to have* в форме перфекта английского языка.

В последнее время лингвистическое знание пришло к необходимости создания интегральной теории, которая вобрала бы в себя наряду со структурным представлением языка как системы систем анализ функционирования различных языковых единиц.

Одним из лингвистических учений, воплощающих эту идею, является теория *функциональной грамматики* (ФГ), целью которой служит изучение функционирования грамматических единиц и взаимодействующих с ними языковых средств в высказывании [1].

Исследования в русле функциональной грамматики, по определению, ставят задачу изучить систему взаимодействия грамматической формы, лексики и контекста. С позиций данной теории определенный интерес представляет перфект английского языка как лексико-грамматическое единство, реализуемое в контексте.

В таком ракурсе анализа мы предполагаем, что перфект английского языка функционирует в речи как шифтер для ряда функционально-семантических полей (ФСП), семантика которых сопряжена с идеей времени: ФСП темпоральности (внешнее время), ФСП аспектуальности (внутреннее время глагольного действия), ФСП временной локализованности (особый тип соотношения внутреннего и внешнего времени) и ФСП таксиса (соотношение действий во времени) [1; 2].

Указанные функционально-семантические поля, принимающие участие в выражении значений английского перфекта, представляют собой жесткие надстройки, и перфект как шифтер “регулирует” глагольные действия, “располагая” их относительно точки отсчета на временной оси. Такой подход, с нашей точки зрения, позволяет объяснить лексико-грамматическое взаимодействие маркированной формы категории временной отнесенности английского языка и глагольной семантики, как например: *Seem Lee, it seemed, had had a sudden run of luck* [М.В., р. 218], где семантика глагола *have* ‘иметь’, ‘обладать’ вступает в тесное лексико-грамматическое взаимодействие с грамматической формой перфекта английского языка, в результате чего наблюдается модификация лексического значения глагола.

Так, шифтер (от англ. *shift* ‘сместать’) путем “смещения” глагольного действия, выраженного формами перфекта английского языка, относительно точки отсчета (ФСП временной локализованности), либо относительно другого действия (ФСП таксиса), а также времени действия (ФСП темпоральности) дает возможность найти закономерности описания модификации грамматического значения английского перфекта и лексического значения глагола, употребленного в форме перфекта, в зависимости от текстовой ситуации.

Исходя из вышесказанного, мы выдвигаем тезис о том, что шифтерная функция является основной для глагольных форм категории временной отнесенности английского языка при изучении лексико-грамматического взаимодействия. Обычная теория не позволяет учесть все случаи модификации и не может свести имеющиеся факты к тому единообразию, к какому стремится любое научное знание.

Задачу нашего исследования мы видим в 1) построении логической теории, в основе которой лежит идея шифтера, позволяющая описать механизм взаимодействия грамматического значения глагольной формы и лексической семантики глагола, и 2) с помощью шифтеров попытаться описать модификацию лексического/грамматического значения (или случаи отсутствия модификации).

1. Общие положения теории шифтеров Р. Якобсона и категория временной отнесенности английского языка. Попытка описать языковые знаки и прежде всего грамматические структуры посредством понятий речевой ситуации и участников речи, подчеркивая при этом прямую связь между устройством языкового знака и экстралингвистическим характером речевой ситуации, явилась основой для создания лингвистической теории, дающей возможность создать четкие грамматические основы для анализа функционирования языковых единиц.

Пытаясь выстроить максимально полную систему глагольных категорий, Р.О. Якобсон положил в ее основу различия между фактом, описываемым в речи, и самим фактом речи (речевым актом). Тем самым было произведено основное разделение между *кодом* – *the code* (C) – способом представления информации в форме, пригодной для ее передачи по каналам связи и *сообщением* – *the message* (M), которым обозначается последовательность сигналов, переданная по каналу. К о д и с о о б щ е н и е, по Р.О. Якобсону, не являются обособленными категориями, скорее, наоборот, они могут употребляться одновременно и быть взаимозаменяемы: код относится к сообщению (C/M); сообщение относится к коду (M/C); сообщение относится к сообщению (M/M), и код относится к коду (C/C).

Корреляция между кодом и сообщением, кодом и кодом происходит посредством шифтеров – кодовых элементов, которые в самом коде (естественном языке) определяются отсылками к речевому сообщению. Исходя из вышесказанного, под шифтером понимается любой языковой элемент, который обозначает связь сообщения с актом речи, связь между автором сообщения и адресатом [3].

Из общей теории шифтеров Р.О. Якобсона следует, что грамматическая система есть система шифтеров (где шифтер – вторичный знак) и одновременно – функция любого языкового знака [3]. Причем сами шифтеры могут и не образовывать своей особой системы, поскольку любая система, по определению, предполагает, с одной стороны – противопоставление элементов, с другой – взаимодействие этих элементов.

Для языковой системы более важным фактом является существование не системы шифтеров как таковой, а функционирование шифтеров как семантических элементов, которые “работают” внутри языковой системы и функционируют внутри кода на уровне ментальных операций. Так, шифтеры определяют соединение необходимых грамматических и лексических значений, существенных для передачи смысла, и употребляются в соответствии с психологической, деятельностной ситуацией, будучи связанными с информационной стороной речевого акта и выражающими его иллокутивную силу.

Шифтер семантичен в том смысле, что имеет определенную отнесенность к значениям. Он регулирует отношения между значениями, поэтому он сам – значение в том смысле, что является выразителем всего

многообразия семантики, выражаемой грамматической формой перфекта английского языка.

Мы рассматриваем шифтеры именно как семантические элементы, которые функционируют внутри языковой системы и приспособлены каждый к своей грамматической категории (в нашем случае, к категории временной отнесенности английского языка), к своему ФСП (к ФСП темпоральности, аспектуальности, временной локализованности и таксиса как полям, принимающим участие в выражении значения перфекта). В этой связи теория шифтеров призвана показать, что формы перфекта выполняют шифтерную функцию как в указанных темпоральных полях (ФСП темпоральности, аспектуальности, временной локализованности, таксиса), в которые попадает заданный предикат; так и в лексическом значении, в котором употреблен глагол-предикат.

Шифтеры указывают на тот элемент кода, который “активизируется”, является существенным при выражении данного конкретного значения. В зависимости от контекста это может быть результативность, темпоральная отнесенность и т.д. Таким образом, шифтер дает нам возможность найти общий знаменатель во всем многообразии значений перфекта английского языка, употребленного с глаголом с определенным лексическим значением.

Вслед за Р.О. Якобсоном мы исходим из того, что любое предложение состоит из элементов кода и является сообщением. Перфект английского языка рассматривается нами как элемент кода, в сообщении он становится шифтером и обеспечивает понимание (но не связь) адресата и адресанта.

2. Основные признаки перфекта английского языка, функционирующего в роли шифтера для ряда функционально-семантических полей, причастных к выражению идеи времени и перфектности. Теория функциональной грамматики, предполагающая принцип от системных средств языка к их реальному функционированию в речи [1], позволяет выявить специфический знаковый характер перфекта английского языка, функционирующего в качестве шифтера. Мы усматриваем шифтерность перфекта в том, что его темпоральные характеристики как времени грамматического изначально являются индексальными: они локализуют все события относительно сферы “сейчас, теперь”. Указанная характеристика предопределяет текстообразующие потенции английского перфекта к образованию ситуации общения. Реализация текстообразующей функции посредством шифтеров становится возможной по причине способности последних выступать универсальным средством референции в качестве “как самостоятельных идентификаторов, так и актуализаторов” [4, с. 6].

Подобную актуализацию мы связываем с основными отличительными признаками шифтеров, отделяющих их от других средств языка [2; 4; 5]. Этими признаками являются 1) основное значение шифтеров, заключающееся в отсылке к конкретному акту речи; 2) предельная обобщенность понятийного содержания шифтеров, в которое входят лишь коммуникативно релевантные признаки обозначаемого ими понятия; 3) относительный

характер смыслового содержания перфекта-шифтера, смысл которого заключается в том, что шифтеры выделяют нужный аспект идентифицируемого ими значения, исходя не из объективного значения данной формы, а по принципу выделения лишь тех признаков, которые являются релевантными в данной конкретной ситуации речевого общения; 4) субъективность значения шифтеров, которая заключается в том, что семантика шифтера всегда определяется относительно говорящего субъекта, позиция которого выступает в качестве точки отсчета в интерпретации значения; 5) наличие индексального отношения между говорящим субъектом и обозначаемым шифтером понятием (объектом в самом широком смысле).

В приводимом ниже примере мы пытаемся показать реализацию признаков шифтерности форм перфекта английского языка:

To my mother he [Robert Haack] wrote:

My dearest, my dear dear wife,

*I know you'll forgive me for not coming back that night. You'll **have seen** the notice, or Lam Fan **will have told** you that I was deported and could do nothing to reach you. I **have waited** this time to write to you, in hopes that we'd find each other again. But I fear, my darling, that all hope of that is gone. I can't change what **has happened** to us. It is best if you try to forget. You could find a new husband – no one need ever know that you were married to Robert Haack, except for the lawyer: and I **have told** no one at all about the years you lived with the lepers on D'Arcy Island. So there is nothing to stand in the way of your chances of happiness.*

*I did love you, and I love you still, more than I can say, but God **has kept** us apart. Please do what the lawyer says: I know it is for the best. I can pay for whatever it costs. <...>*

Don't forget the mountaintop and our short time together. I keep you in my heart forever. Goodbye for now, and no regrets and no regrets from the man who only wished to be

Your husband,

Robert Haack [M.B., p. 325].

Таким образом, шифтерность перфекта английского языка просматривается:

1) в факте включенности как пишущего, так и читающего в коммуникативный акт посредством перфектных форм *will have seen, will have told, have waited, has happened, have told, has kept*, которые осуществляют отсылку к конкретному акту речи – письменному сообщению. Значение формы *has happened* непосредственно сопряжено с семантикой английского перфекта – включенность совершившегося действия в момент речи – и указывает на тот факт, что автор включает конкретное действие, совершившееся к моменту написания письма, в контекст иных действий. Действие *have told no one*, совершившееся до обозначенной нами первой точки отсчета (*to my mother he wrote...*), и является существенным для автора в момент написания письма;

2) в субъективном характере грамматического времени, которое всегда соотносится с моментом речи говорящего/пишущего субъекта;

3) в индексальности перфекта английского языка, функционирующего как шифтер, которая реализуется посредством временной локализации глагольных действий формами *will have seen, will have told, have waited, etc.*

Особо стоит сказать о том, что локализация глагольных форм на условной оси времени осуществляется не только посредством самих грамматических форм перфекта, но и при помощи синтаксических элементов *that night, this time* – своего рода темпоральных “отсылок”, “темпоральных дейктиков” [6, с. 519] на указанный речевой акт, осуществляемых через дополнительную референциальную точку отсчета, через которую и реализуется основное значение перфекта английского языка – соотнесенность перфектного действия с моментом речи.

При рассмотрении значений английского перфекта в его функционировании как шифтера особого внимания заслуживает понятие *ретроспективной точки отсчета* (Г. Рейхенбах, Е.В. Падучева), имеющей ключевое значение для обозначения значения предшествования как одного из значений английского перфекта (О. Есперсен, А.И. Смирницкий, Р. Квирк). Говоря о точке отсчета, мы рассматриваем ее как событие, от которого ведется отсчет, в случаях хронологического измерения, которое напрямую связано с временной *локализацией* – положением глагольного действия относительно момента речи либо другого действия [7].

В приводимом ниже примере автором сообщения изначально задаются две точки отсчета, которые адресант явно “разносит” по разным временным планам: 1) время написания письма – *to my mother he wrote ...* и 2) время прочтения данного письма, на которое указывают формы перфекта будущего времени *will have seen, will have told*. Форма перфекта настоящего времени *have waited*, в свою очередь, соотносит события с моментом написания данного письма (данная корреляция осуществляется при помощи ФСП таксиса); при этом лексико-семантические элементы *this time, that night* подчеркивают соотношение (корреляцию) действий с актом написания письма.

Глагольные действия являются локализованными относительно первой точки отсчета – *to my mother he wrote ...* (семантика ФСП темпоральности), другие дополнительные точки отсчета задают формы перфекта – ‘когда письмо будет прочитано, когда ей скажут’ – *will have seen, will have told, etc.* (семантика ФСП таксиса) – таким образом, реализуется значение ФСП временной локализованности.

Употребление формы *has kept* представляет особый интерес с точки зрения лексико-грамматического взаимодействия, так как в данном случае наблюдается модификация лексического значения глагола *keep* ‘держать’, ‘хранить’, употребленного в Present Perfect в значении результативности, вследствие чего глагол *keep* становится терминативным и приобретает значение ‘разлучать’.

В анализируемых случаях наблюдается функционирование перфекта английского языка как шифтера, который в конкретных примерах указывает на тот аспект значения перфекта, который активизирован в данный момент, на что читающий должен обратить внимание в первую очередь, и как располагаются действия относительно точки отсчета.

Шифтеры, по определению, локализуют все элементы высказывания, устанавливая взаимоотношения и помогают нам понять, что говорящий/пишущий хочет донести до слушающего/читающего. В данном контексте временная локализация является существенной применительно к теории шифтеров. С данных позиций нам представляется возможным трактовать перфект-шифтер английского языка как коррелятор личных (субъективная точка отсчета) и пространственно-временных отношений (собственно грамматическое значение) в процессе общения (английский перфект – текстовое время). Шифтеры локализуют область, в которой этот процесс разворачивается. Локализация дается по отношению к той пространственно-временной области, в которой находятся и говорящий и слушающий (автор сообщения и адресат). В подавляющем большинстве высказываний естественного языка такая локализация необходима, поэтому шифтеры представляют собой важнейшую часть языковой системы, и перфект английского языка, функционирующий как шифтер, локализует глагольное действие относительно точки отсчета на условной оси времени.

Для решения проблем лексико-грамматического взаимодействия мы исходим из того, что перфект-шифтер находится над всеми функционально-семантическими полями, причастными к выражению значения перфектности, и путем взаимодействия семантики английского перфекта и значений ФСП временной локализованности, таксиса, темпоральности и аспектуальности перфект осуществляет корреляцию событий во времени, функционируя как шифтер, как своего рода “переключатель” того, как будут происходить действия относительно точки отсчета. В данном случае шифтеры выступают в роли грамматических элементов, которые локализуют то, что задано ситуацией, контекстом, лексическим значением глагола, грамматической формой. И перфект в данном ракурсе функционирует как “переключатель” определенного порядка временных действий (в переводе с греческого *таксис* означает ‘порядок’), т.е. перфект обозначает порядок совершения действий, указывает на то, что происходило до точки отсчета.

Шифтеры как особого рода грамматические элементы указывают, на что в первую очередь нужно обратить внимание: на лексическое значение глагола, значение грамматической формы, синтаксический элемент в виде того или иного обстоятельства и “работают” над каждым ФСП, опять-таки “помогая” выбирать необходимый для выражения того или иного значения элемент нужного ФСП.

3. Маркированная форма категории временной отнесенности английского языка как шифтер при изучении лексико-грамматического взаимодействия. Семантика грамматической категории временной отнесенности связана с относительной референцией, предполагающей наличие точки отсчета в настоящем, прошедшем и будущем реальном времени (*time*) [8]. Так, грамматические времена (*tenses*) Present Perfect, Past Perfect и Future Perfect принадлежат к временной сфере не по времени события, а по причине наличия характеристики совершенно иного порядка – дополнительной (референциальной) точки отсчета. Отсюда основное значение перфекта английского языка – соотнесенность с моментом речи [9].

Так, если референциальная точка отсчета включена в сферу настоящего, в сферу “сейчас, теперь”, мы имеем Present Perfect (называемое многими прошедшее в настоящем); точка отсчета предшествует моменту речи – Past Perfect (предпрошедшее – Past Past [9]); точка отсчета следует за моментом речи – Future Perfect (предшествующее действие в будущем). Таким образом, Present Perfect показывает, что точка отсчета включена в сферу “теперь”, несмотря на то, что обозначаемое данной формой действие, предшествует моменту “теперь”. В случае Past Perfect точка отсчета включена в сферу прошедшего, но предшествует моменту совершения действия. Future Perfect относит точку отсчета в сферу будущего, до которого будет совершено перфектное (завершенное) действие.

Высказанные выше рассуждения дают нам еще одно основание утверждать, что маркированная форма категории временной отнесенности английского языка функционирует как шифтер по следующим причинам: перфект английского языка, выражая предшествование какому-либо моменту речи, в зависимости от своей реализации в одном из трех грамматических времен, либо 1) включает точку отсчета в сферу настоящего (прошедшего, будущего), либо 2) “отодвигает”, “шифтирует” точку отсчета от сферы настоящего (прошедшего, будущего).

Функционируя подобным образом, английский перфект на первый план выдвигает вторичную характеристику своего значения – аспектуальность, понимаемую как внутреннее время [1; 2]. Благодаря этому вторичному (и даже во многом третьестепенному, с грамматической точки зрения, значению) становится возможным объяснить следующие случаи лексико-грамматического взаимодействия грамматической семантики форм английского перфекта (особенно Present Perfect в силу специфики его значения) с глагольной семантикой.

Перфект, функционирующий как шифтер, “переносит”, “шифтирует”, “отключает” часть основного значения, усиливая при этом роль третичных значений, особенно у многозначных глаголов. В частности, если форма Present Perfect употребляется с глаголами лексико-семантического класса «Отношение», то при этом отмечается влияние грамматического значения на семантику глагола. Так, в примере “*And you,*” says Fan, “*can you not find pity in your heart for her? You who **have had** so much?*” [M.B., p. 206] в результате

лексико-грамматического взаимодействия глагол *have* ('иметь', 'обладать') при употреблении в форме Present Perfect получает признак действия, его лексическое значение здесь не столько 'обладать', сколько 'испытывать'.

В следующем примере *I've had a computer for about, oh, three years now. I'm an Open University student doing a degree in mathematics* [J.C., p. 35] глагол *have* ('иметь', 'обладать') в результате влияния грамматической формы на лексическое значение глагола, во-первых, приобретает дополнительные временные характеристики и, во-вторых, приобретает значение 'использовать'.

Подобную ситуацию мы наблюдаем в примерах:

Angus says he has had some 20 clients a year for the past two years [J.C., p. 83];

Seem Lee, it seemed, had had a sudden run of luck [M.B., p. 218],

где в результате взаимодействия лексической семантики глагола и грамматического значения маркированной формы категории временной отнесенности модифицируется лексическое значение глагола *have* 'иметь', 'обладать' лексико-семантического класса «Отношение». В результате в первом примере лексическое значение *have* 'иметь' модифицируется в сторону значения 'работать', а в более широком контексте – 'предоставлять услуги адвоката'. Во втором примере глагол *have* 'иметь' под воздействием грамматического значения грамматической формы перфекта английского языка приобретает значение 'испытывать'.

Очевидно, что в анализируемых примерах наблюдается изменение лексического значения глагола в силу влияния грамматического значения категории временной отнесенности, и этот факт модификации придает новую интерпретацию всему высказыванию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / под ред. А.В. Бондарко. – 2-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2001. – 347 с.
2. *Богушевич, Д.Г.* К вопросу о систематизации глагольных категорий современного английского языка / Д.Г. Богушевич // Романское и германское языкознание : Респ. межвед. сб. / Минск. гос. пед. ин-т иностр. яз. ; гл. ред. А.И. Киселевский. – Минск : МГИИИЯ, 1979. – С. 8–13.
3. *Jakobson, R.* Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb / R. Jakobson // Selected Writings : in 2 vol. – Hague–Paris : Mouton, 1971. – Vol. 2. – P. 130–147.
4. *Кирвалидзе, Н.Г.* Дейктические средства в системе современного английского языка и их роль в организации текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Н.Г. Кирвалидзе ; Моск. гос. лингв. ун-т. – М. : МГЛУ, 1991. – 49 с.
5. *Grenoble, L.A.* Linking the Code to the Message: the Role of Shifters in Discourse / L.A. Grenoble // Роман Якобсон: Тексты, документы,

исследования : сб. писем, ст., док. ; отв. ред. С.И. Гиндин. – М. : Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 1999. – С. 519–529.

6. *Йокояма, О.* Теория коммуникативной компетенции и проблематика порядка слов в русском языке / О. Йокояма // *Вопр. языкознания.* – 1992. – № 6. – С. 94–101.

7. *Рейхенбах, Г.* Философия пространства и времени / Г. Рейхенбах. – 2-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 322 с.

8. *Падучева, Е.В.* О семантике синтаксиса : материалы к трансформационной грамматике русского языка / Е.В. Падучева. – 2-е изд. – М. : URSS : КомКнига, 2007. – 293 с.

9. *Вовшин, Я.М.* Еще раз об абсолютных и относительных формах времени в современном английском языке / Я.М. Вовшин // *Грамматические исследования : материалы Второй междунар. науч. конф. МГЛУ, Минск, 5–6 нояб. 2003 г. / Минский гос. лингв. ун-т ; отв. ред. Д.Г. Богушевич.* – Минск : МГЛУ, 2004. – С. 10–13.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

M.B. – *Bowering, M.* To All Appearances a Lady / M. Bowering. – London : Hamish Hamilton, 1990. – 336 p.

J.C. – *Colgan, J.* Amanda's Wedding / J. Colgan. – London : Harper Collins Publ., 2000. – 374 p.

The article is an attempt to examine lexical and grammatical interaction within the framework of functional linguistics, to be more specific, within the model of functional grammar proposed by Alexander Bondarko. The research aims to work out sound theoretical grounds for the mechanism of mutual modification of verb semantics and the grammar form of the English Perfect. To this end, the researcher adheres to Roman Jakobson's theory of *shifters* – linguistic entities whose meaning can be determined only with reference to the context in which they are uttered. Thus, *shifters* provide a natural starting point for the study of complex relationships between the language itself and the speaker's message.

Поступила в редакцию 08.09.10

Т.И. Макаревич

ПРОБЛЕМА ПОИСКА ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АКЦИОНАЛЬНЫХ И НЕАКЦИОНАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ С СЕМАНТИКОЙ ДЛИТЕЛЬНОГО ВИДА

В статье рассматривается взаимодействие формы длительного вида с акциональными и неакциональными глаголами, приводятся результаты комплексного исследования лексико-грамматического взаимодействия, которое позволит разрешить спорный вопрос аспектологии в определении закономерностей в вопросе английской

грамматики: почему неакциональные глаголы (*see* 'видеть', *hear* 'слышать', *know* 'знать', *understand* 'понимать', etc.) сочетаются с длительным видом (Continuous). С этой целью анализируется роль наблюдателя или говорящего, которая заключается в том, что говорящий в соответствии со своим замыслом выбирает ту видовременную форму, которая максимально подходит для передачи его замысла в конкретном контексте. В работе также дается обзор семантического деления глагола на акциональные и статальные, проводится анализ, а также высказывается критика существующих акционально-статальных пар глаголов. В заключение излагаются выводы о «правилоисключающих» случаях употребления неакциональных глаголов в форме длительного вида в английском языке.

Грамматическими средствами выражения значения длительности и статальности традиционно признаны видовременные формы длительного и неопределенного вида, за которыми, в большей степени стереотипно, закреплены определенные лексико-семантические группы (ЛСГ) глаголов. Значения длительности и статальности предопределены онтологически и часто в этом усматривалась возможность/невозможность употребления ЛСГ глаголов с формой *длительного вида*. Однако такого умозрения недостаточно, чтобы прийти к достоверным выводам по сочетаемости неакциональных глаголов с английским прогрессивом.

Давно требует разрешения вопрос, сформулированный в подавляющем большинстве грамматик: «Почему некоторые глаголы обычно в длительной форме в каких-то условиях употребляются с особым коннотационным прибавлением к смыслу?» [1, с. 84]. Вопрос относится к употреблению статальных и некоторых акциональных глаголов в форме английского длительного вида (Continuous).

Проблематика лексического и грамматического взаимодействия выражается, с одной стороны, лексико-семантическими средствами ЛСГ глаголов. Вторым необходимым элементом является морфологическое средство выражения категории длительности, которым в английском языке является видовая форма длительного вида (Continuous). При указанном взаимодействии анализируются также наречия времени и образа действия (сирконстанты), которые дублируют категориальное значение длительности.

Нередко в вопросах аспектологии лексическая и грамматическая семантика рассматривается изолированно друг от друга, что не способствует разрешению существующих противоречий. Часто при анализе видовременных соответствий в грамматических исследованиях, компаративистике и других направлениях лингвистических исследований в фокусе внимания находится грамматическая семантика вида. В работах, в частности, по славянскому виду во главу угла поставлена лексическая семантика. Полагаем, что комплексное исследование лексико-грамматического взаимодействия позволит разрешить данный спорный вопрос.

Обратимся к скрытой грамматике, под которой подразумеваются грамматические сигналы, имплицитно содержащиеся в синтаксических

сочетаниях и семантике глаголов. Выделяя *открытую* (явную) категорию (фенотип) и *скрытую* категорию (криптотип), Б.Л. Уорф отмечает, что последняя редко выражается специальной морфемой или особой моделью предложения [2]. Также, будучи однажды выделенной, такая морфема или модель может присутствовать и не во всех предложениях, в которых представлен тот или иной член этой категории. Как правило, *скрытая* категория не имеет регулярного морфологического выражения своего категориального значения, существенного для понимания смысла высказывания. Для ее выявления нужна специальная различительная процедура, называемая скрытой активностью (или реактивностью) [3, л. 16].

Для выявления скрытых категорий предлагаются методы компонентного анализа лексических значений, трансформационного и контекстуального анализа, имеющих своим источником естественные речевые факты и процессы. Несмотря на то, что скрытые категории могут оказывать глубокое влияние на лингвистическое поведение, они часто ускользают из поля зрения исследователя.

Скрытыми категориями признаются «подразумеваемые категориальные признаки, не имеющие самостоятельного, то есть прямого, выражения в языке, а выражаемые окольным путем, посредством слов и словесного контекста, в которых содержатся достаточно четкие и недвусмысленные указания на них» [3, л. 16]. Скрытое категориальное значение может выражаться через дистрибутивные характеристики слова, вторичные функции морфологических категорий и лексических значений и особенности синтагматической структуры целого высказывания. С.Д. Кацнельсон обращает внимание на отсутствие однозначного соответствия между формой и содержанием в грамматике, которую он сравнивает с айсбергом, скрывающим свою большую часть под водой [4].

Наиболее перспективным для характеристики вариативности статальных высказываний представляется учет семантических признаков, содержащихся в семантике частей речи или грамматических форм [5]. В последние годы способы и механизмы выявления скрытых семантических признаков особенно интенсивно исследуются в лексике (А. Вежбицкая, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова и др.).

Объяснение рассматриваемого взаимодействия будет недостаточным без рассмотрения роли наблюдателя или говорящего (Д.Г. Богусевич, Ю.Б. Норман, Е.В. Падучева и др.). Такая идея также известна как инкорпорированный участник, который мыслится как «константа, заданная в толковании с точностью до лексемы» [3, л. 16]. Наши предположения при анализе указанного взаимодействия находят подтверждение в трудах Е.В. Падучевой: «домысливание наблюдателя – это активный семантический процесс. Порождаемые им сдвиги лексического значения глагола дают себя знать не только в употреблении видовых форм, но и форм времени или временных наречий» [6, с. 100].

С точки зрения порождающей семантики, процесс порождения высказывания в грамматике говорящего начинается не с подбора лексем, а с выбора соответствующей замыслу общей схемы, программы высказывания. Следовательно, говорящий по своему замыслу выбирает видовременную форму, фокусирующую в себе в максимально обобщенной форме коммуникативный и когнитивный опыт носителей данного языка [7, с. 117–118]. Присутствие такого мыслимого участника в толковании обнаруживается через анализ словарных дефиниций данных глаголов в толковых англо-английских словарях. Объяснение глагольной лексемы при помощи словарных дефиниций показывает, как глагольная лексема соотносится с типовой ситуацией, называемой глаголом, т.е. семантика глагольной лексемы предопределяет обозначение понятий длительности и стательности в данной типовой ситуации. Подобная процедура не всегда способствует объяснению исследуемой нами сочетаемости ЛСГ и длительного вида, поскольку может лишь в некоторых случаях истолковать рассматриваемую проблему, и, следовательно, не может быть обозначена как искомая закономерность.

В этом смысле для нас интересен динамический, «речедетельностный» подход. Привлекая анализ словарных дефиниций как метод исследования, мы прежде всего надеемся обнаружить у лексемы не только способность актуализации той или иной семы, но и возможность привнесения принципиально «чужой», посторонней для данного взаимодействия семы, которая помогла бы раскрыть суть изучаемой проблемы. Б.Ю. Норман назвал этот явление «процессом наведения семы» [7, с. 35].

В работах по грамматике также наметилась тенденция к выделению наблюдателя при исследовании морфологических категорий. Так, в классификации морфологических категорий по признаку участия в передаче отношения содержания высказывания к действительности, с точки зрения говорящего, А.В. Бондарко выделяет три типа категории, передающие тот или иной аспект отношения содержания высказывания с точки зрения говорящего – 1) актуализационный, 2) неактуализационный и 3) категории с переменной актуализационной значимостью [8, с. 51]. Категория вида принадлежит к третьему типу, к которому относятся другие категории, не заключающие в своем содержании постоянного актуализационного признака, хотя при этом могут участвовать наряду с другими средствами в его выражении. Отдельным вопросом является анализ актуализационных функций, где важно провести различия между речевой (элементом речевой ситуации) и языковой (элемент системы языка, отражающий речевую ситуацию, заключенный в грамматическую форму) исходной позицией актуализации [8, с. 60].

Вопрос о взаимодействии длительного вида с семантикой неакциональных глаголов кроется в наличии семы акциональности в семантике стательных глаголов. И это обстоятельство может быть обозначено как одна

из причин сочетания формы длительного вида с семантикой неакциональных глаголов. При обозначенном подходе становится очевидной актуализация лексического значения неакциональных глаголов при их употреблении в форме прогрессива.

У некоторых глаголов есть сильная детерминированность возможности/невозможности сочетаемости с длительным видом. Грамматисты отмечают такую детерминированность в 50 % случаев [9, p. 471]. Большинство этих глаголов являются акциональными, однако вызывает интерес то, что многие глаголы этого класса практически никогда не употребляются в прогрессиве.

Глаголы лексико-семантической группы физического воздействия наиболее часто встречаются в разговорной речи (около 80 % случаев от общего употребления длительного вида) не испытывая при этом ограничений на сочетаемость с грамматическим значением прогрессива:

It's more ... homely than the hall of residence. But you? Who are you making the film for? [M.D., p. 432].

Среди акциональных глаголов находятся те, которые составляют лишь 2 % сочетаемости с формой длительного вида. К ним относятся *attain* 'достигать, добираться'; *award* 'присуждать что-л., награждать чем-л.'; *dissolve* 'растворяться, исчезать, прекращать деятельность'; *find* 'находить'; *frighten* 'пугать'; *invent* 'изобретать'; *shut* 'закрывать'; *shrug* 'пожимать (плечами)'; *smash* 'разбивать(ся) вдребезги'; *suck* 'сосать'; *suspend* 'вешать, подвешивать'; *swallow* 'глотать'; *throw* 'бросать, кидать'; *trap* 'поймать в ловушку (в капкан), обманывать, вводить в заблуждение, ловить'. Как видно, большинство подобных глаголов составляют фазовые глаголы, имеющие внутренний предел действия:

The gun blasted, shaking his whole body, sparks and bits of flying debris flew from the holes, the bullets were smashing in the casing of the machine [M.B., p. 471].

Основным в исследовании лексико-грамматического взаимодействия для нас является выявить закономерности взаимодействия семантики неакциональных глаголов с грамматическим значением длительного вида. Однако для детальной и полной картины анализа мы считаем необходимым, в определенной мере, рассмотреть и взаимодействие длительного вида с акциональными глаголами. К акциональным глаголам (activity verbs) чаще всего относят глаголы воздействия, которые, как правило, обозначают «действия и события, связанные с выбором» [9, p. 470]. Среди глаголов вышеупомянутой ЛСГ наиболее часто встречающимися во взаимодействии с формой прогрессива, по данным исследований, являются глаголы: *bring* 'приносить, привозить'; *buy* 'покупать, приобретать'; *carry* 'нести, носить; везти, перевозить'; *come* 'подходить, приходить'; *cry* 'кричать'; *do* 'делать'; *drive* 'везти, перевозить, управлять (автомобилем и т.п.)'; *eat* 'есть'; *give* 'давать, передавать'; *go* 'идти, ходить'; *laugh* 'смеяться'; *leave* 'покидать, уезжать'; *make* 'делать, создавать'; *move* 'двигать, передвигать'; *pay*

‘платить’; *play* ‘играть’; *run* ‘бежать’; *take* ‘брать’; *work* ‘работать’; *walk* ‘ходить, гулять’, например:

He bowed over Yuri's hand and told his story as if he was giving a police statement [M.D., p. 97].

На основе анализа частотности употребления формы английского Continuous, в разговорной речи и художественной прозе некоторые акциональные глаголы составляют 50 % от общего количества их сочетаний с этой видовременной формой. Недостаточно описанным представляется также сочетание формы длительного вида с процессуальными глаголами (process verbs): *change* ‘менять(ся)’; *grow* ‘расти’; *mature* ‘достигнуть зрелости, созреть’; *slow* ‘откладывать, отсрочивать, задерживать’; *widen* ‘расширять(ся)’; *deteriorate* ‘ухудшать(ся)’ и т.п.:

Alison was changing, noted Williams. Changing right under his eyes, but gradually so that he had not noticed. She had become quieter [M.D., p. 310].

Названные глаголы выражают градуальность действия, дублируя при этом само грамматическое значение длительного вида, обозначенное как

Life was good and getting better [M.D., p. 268].

Неакциональные глаголы в английском языке составляют значительно меньшее множество, нежели акциональные глаголы. Семантическое деление глагола на акциональные и статальные (Г.А. Золотова, М.У. Blokh, Ю.Д. Апресян, G. Leech, R. Quirk и др.), как любая семантическая классификация, имеет много неясных переходных и промежуточных случаев. Часто эту классификацию принимают как решение вопроса несочетаемости неакциональных глаголов с прогрессивом. В ряде исследований выдвигается постулат о том, что глаголы, не сочетающиеся с прогрессивом, могут быть заменены на глаголы со схожим значением. В самом деле, во многих глагольных семантических сферах можно найти четкие акционально-статальные пары: типа *think:know*; *look:see*; *listen:hear* [1, с. 84]. Однако здесь не стоит говорить о какой бы то ни было закономерности, поскольку выделение таких пар не является системным и мы не можем утверждать, что на каждый акциональный глагол приходится его статальный эквивалент. Также нельзя утверждать, что глаголам *think*, *look*, *listen* будет обязательно отдано предпочтение употребления в прогрессиве, если говорящий будет поставлен перед выбором в рамках вышеперечисленных пар, а глаголы *know*, *see*, *hear* не принимают форму Continuous. Это подтверждается материалом исследования:

And he [a little boy] is right, the dog does know, though he is not knowing like the red parrot, whose motives I doubt. He is calm in his knowledge [V.S., p. 279].

Анализируя подобное сочетание неакциональных глаголов с семантикой длительного вида, можно не согласиться с Я.Г. Биренбаумом, что «грамматическая категория вида, и только она объясняет, почему некоторые глаголы обычно не употребляются в длительной форме» [1, с. 84]. Однако и лексическое значение глагола в данном случае не будет единственным

определяющим фактором, допускающим сочетание с формой длительного вида (Continuous). Как фиксируют грамматические исследования, многие из неакциональных глаголов употребляются в «специальных контекстах». При этом должного определения обозначенным контекстам не приводится, соответственно нет четко обозначенного описания упомянутых контекстов.

Более близкое к объяснению реального положения вещей является указание на наличие у стательного глагола семы акциональности или его принадлежность к нескольким ЛСГ, в результате чего мы можем свидетельствовать о «правилоисключающих» случаях употребления неакциональных глаголов в форме длительного вида.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Биренбаум, Я.Г.* Система английского глагола / Я.Г. Биренбаум. – Киров : Киров. гос. пед. ун-т, 1993. – 155 с.
2. *Уорф, Б.Л.* Грамматические категории / Б.Л. Уорф // Принципы типологического анализа языков разного строя. – М., 1972. – С. 44–60.
3. *Нестер, Н.А.* Семантико-синтаксические основания реализации глагольного значения взаимности в английском предложении : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.А. Нестер. – Минск, 2006. – 117 л.
4. *Кацнельсон, С.Д.* Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972. – 216 с.
5. *Падучева, Е.В.* Глаголы восприятия: Опыт выявления структуры тематического класса // Проблемы функциональной грамматики : Семант. инвариантность/вариативность / Я.Э. Ахапкина [и др.]; Ин-т лингв. исследований РАН. – СПб. : Наука, 2003. – С. 75–96.
6. *Падучева, Е.В.* Семантические исследования (семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива) / Е.В. Падучева. – М. : Школа “Языки рус. культуры”, 1996. – 464 с.
7. *Норман, Б.Ю.* Грамматика говорящего / Б.Ю. Норман. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1994. – 228 с.
8. *Бондарко, А.В.* Теория морфологических категорий и аспектологические исследования / А.В. Бондарко. – Ин-т лингв. исследований РАН. – М. : Языки слав. культур, 2005. – 624 с.
9. Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber [at. al.]; Foreword by R. Quirk. – London : Longman, 2000. – 1203 p.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

M.D. – *Davies, M.* The Samson Option / M. Davies. – London : Harper Collins Publ., 2000. – 432 p.

M.B. – *Banks, M.Iain. Consider Phlebus / Iain M. Banks. – London : Orbit, 1988. – 471 p.*

V.S. – *Seth, V. An Equal Music / V. Seth. – N.Y. : Vintage Book, 2000. – 380 p.*

The given paper is about interaction of verbs of cognition and perception with the Continuous aspect in the English language. The idea of the observer of the context is stressed as far as the activity of the observer is viewed as an active semantic process. Thus, it is for the observer to choose the tense form and means of expression of his thought: in this case, the combination of a cognitive verb or a verb of sense perception in the Continuous tense form.

Поступила в редакцию 08.09.10

Н.И. Мосунова

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА “WORK/ LABOUR” В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена исследованию фразеологических средств обозначения концепта “work/labour” в английском языке. Описывается структура и семантика фразеологического сегмента этого концепта. Во фразеологии этот концепт представлен субстантивными, глагольными и коммуникативными фразеологическими единицами (ФЕ). Рассмотренные классы ФЕ актуализируют сходные, коррелирующие, наборы признаков (степень трудности, скорость и качество выполнения, эффективность работы, усердие, опыт, квалификация, морально-этические качества работника и др.). Внутренняя форма исследованных ФЕ показывает, что понятийное содержание этого концепта основывается на образах мировой культуры древнейших времен – библейских текстах и мифологии, а также на образах национальной культуры, отражающих животный и растительный мир, быт и реалии современной жизни англоговорящего общества.

В современных условиях процесс обучения иностранным языкам ставит своей целью подготовку обучаемого к осуществлению межкультурной коммуникации, т.е. общению языковых личностей, принадлежащих к разным лингвокультурным сообществам. Исходя из этого, в процессе овладения иностранным языком обучающийся должен познакомиться с чужой культурой, проникнуть в иную систему ценностей и жизненных ориентиров и интегрировать ее в свою картину мира.

Осознание глубокой связи языка и культуры, невозможности полноценного пользования языком без знания последней, с одной стороны, и, с другой стороны, невозможности постижения духовной культуры без языка, поскольку язык является инструментом создания и трансляции культуры, а также формой ее манифестации, привело к активизации культурологических исследований в сфере гуманитарных дисциплин. Особый интерес для исследований взаимосвязи языка и культуры представляют собой фразеологизмы, которые в сжатой форме отражают основополагающие

понятия данной культуры, ее систему ценностей, «установки, лежащие в основе ценностных ориентиров жизненной философии и жизнедеятельности личности» [1, с. 8].

Одним из таких фрагментов культурного самосознания любого языкового сообщества, на наш взгляд, является концепт “работа/труд”, поскольку именно в результате трудовой деятельности осуществлялось становление языка, создавалось все то, что относится к материальной и духовной культуре общества. Представленность этого концепта рассматривалась в лексическом составе и паремиологическом фонде русского языка [2; 3], но нет описания его реализации в лексико-фразеологической системе английского языка, которое бы позволило составить представление об осмыслении этого концепта носителями английского языка и в дальнейшем изучать его национально-культурную специфику относительно других языков. Лингвокультурологические и методические выводы таких исследований являются интересными и значимыми, поскольку от особенностей национального менталитета в сфере профессионального взаимодействия зависит успешность сотрудничества представителей русскоязычной и англоязычной культур. Исходя из этого, целью данной статьи является описание отражения концепта “work/labour” во фразеологии английского языка. Для достижения данной цели необходимо:

1) рассмотреть понятие *концепт* в его связи с такими терминами, как *понятие* и *значение слова*;

2) определить методику выявления его языкового обозначения;

3) охарактеризовать фразеологический фрагмент этого концепта.

1. Понятие *концепт* занимает важное место в культурологических, лингвистических и когнитивных исследованиях Ю.С. Степанова [4], З.Д. Поповой [5; 6], И.А. Стернина [6; 7], В.И. Карасика [7; 8; 9], Г.Г. Слышкина [9; 10; 11], А. Вежбицкой [12], В.А. Масловой [13; 14], С.Г. Воркачева [15], В.И. Тхорика, Н.Ю. Фанян [16] и используется в лингвокультурологических и сопоставительных исследованиях фразеологии [1; 17; 18]. Причиной обращения когнитивистов к понятию *концепт* является мысль о том, что наше мышление представляет собой операции с определенными концептами, являющимися средствами категоризации и осмысления мира [19]. Вместе с тем концепты не существуют без языкового воплощения, т.е. они репрезентируются в языковых формах различной степени сложности (от слова до текста), что обуславливает к ним интерес лингвистов. И, наконец, концепт неразрывно связан с культурой, что наглядно демонстрирует определение понятия концепта Ю.С. Степановым: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [4]. Как отмечают В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин, в исследованиях часто прослеживается смешение понятий *когнитивный концепт* и *лингвокультурологический концепт*, однако это, очевидно, не случайно, поскольку, раз взаимодействие языка и культуры осуществляется в сознании, «любое лингвокульту-

рологическое исследование есть одновременно и когнитивное исследование» [9, с. 76]. Определяя лингвокультурный концепт как единицу исследования, В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин выдвигают в качестве принципиального следующее положение: «лингвокультурный концепт – условная ментальная единица, используемая в комплексном изучении языка, сознания и культуры».

Соотнесенность лингвокультурного концепта с тремя сферами: 1) сознанием – областью пребывания концепта (концепт лежит в сознании), 2) культурой, детерминирующей концепт (так как концепт – ментальная проекция культуры), и 3) языком и речью, сферами, которыми концепт опредмечивается, указывает на связи концепта с понятием, словом и его значением и культурной значимостью или ценностью.

Концепт как ментальное образование высшей степени абстрактности связан именно со словом [15, с. 268]. Рассматривая соотношение культурного концепта со значением языкового знака, С.Г. Воркачев указывает, что концепт включает в себя, помимо предметной соотнесенности, всю коммуникативно значимую информацию. Прежде всего, это указание на место, занимаемое этим знаком в лексической системе языка, его 1) парадигматические, 2) синтагматические, 3) словообразовательные связи. В семантический состав концепта входит вся прагматическая информация, связанная с его экспрессивностью, оценочностью, эмоциональной нагрузкой, т.е. смысловые характеристики языкового знака, отражающие его предназначение, национальный менталитет и систему духовных ценностей.

Чаще всего статус имени концепта получает слово, представляющее его наиболее полно, адекватно и обобщенно. На этом соотношении концепта и слова основано составление словарей концептов [4].

2. Что касается методики выявления языковых средств выражения концепта, то принципиально важно указать, что концепт соотносится более чем с одной лексической единицей, с целой совокупностью разнородных синонимических (собственно лексических, фразеологических, афористических) единств, описывающих его в языке [15]. Для лингвокультуролога концепт может и должен реализовываться при помощи целого ряда единиц языка и речи [11]. То есть общепризнанным свойством концепта стала его многомерность [4; 9].

Парадигма слов, ассоциирующихся с концептом “work/labour”, достаточно обширна в английском языке, она включает такие слова, как *work, labour, business, job, trade, occupation, employment, trade, task, travail, drudgery, métier, profession, pursuit, toil, grind, effect, result execution, calling, functioning* и др. Гиперонимом в этой парадигме в английском языке, по-видимому, можно считать слово *work* как наиболее обобщенное, самое активное, учитывая частотность, разветвленную семантическую структуру, словообразовательный и фразеобразовательный потенциал.

В пределах этой группы выделяются синонимические ряды:

work, labor, travail, toil, drudgery, grind, означающие ‘activity involving effort or exertion’;

work, employment, occupation, calling, pursuit, métier, business, означающие ‘a specific sustained activity engaged especially in earning one’s living’;

work может означать ‘any purposeful activity whether remunerative or not’.

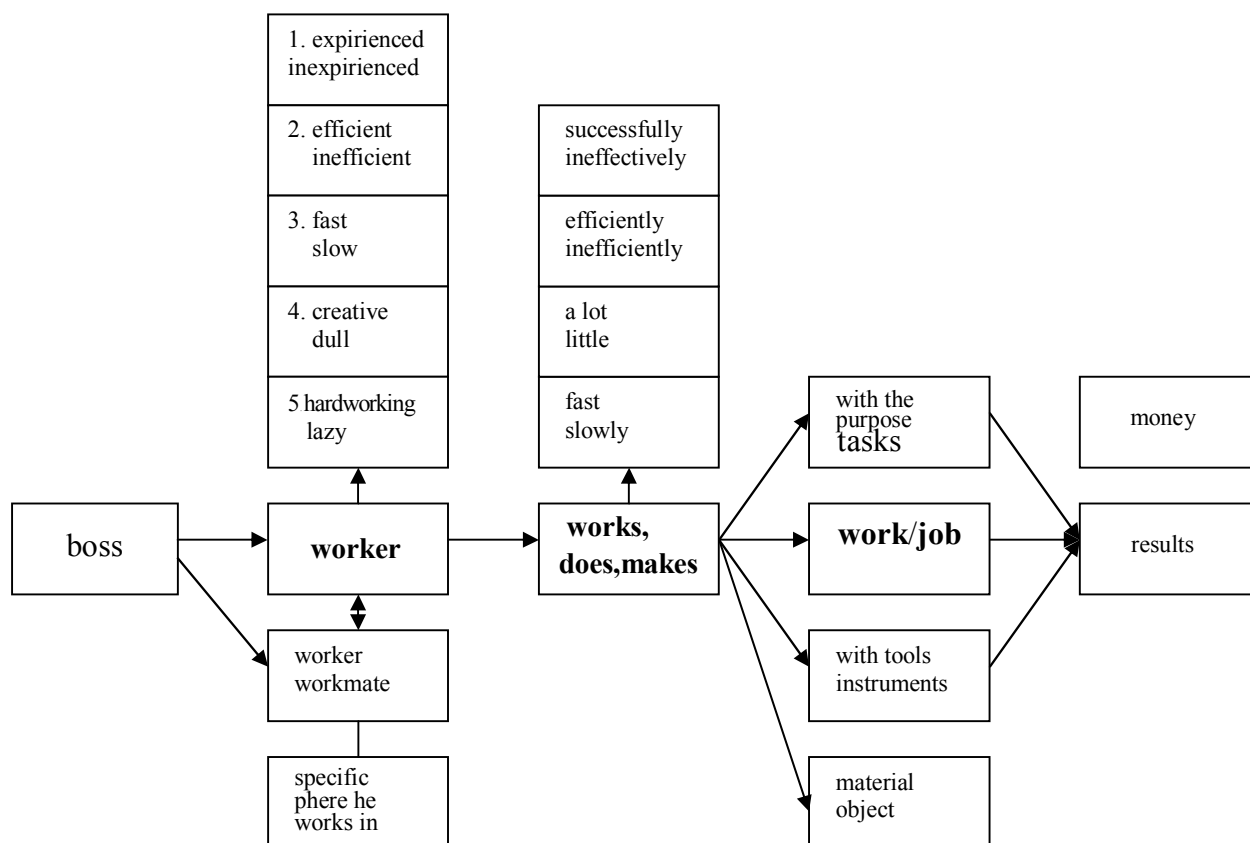
В число лексических единиц, репрезентирующих исследуемый концепт, кроме названных существительных, входят также связанные с ними словообразовательными отношениями слова других частей речи – глаголы, прилагательные и производные существительные (напр., *to work, working, workable, workfare, workaholic*). В итоге, данный концепт формируется множеством лексем, разнообразных по грамматической принадлежности, образующих в своей совокупности лексико-семантическое поле. В семантике лексических единиц, покрывающих данное понятийное пространство, актуализируются различные когнитивно значимые признаки или смыслы, по наличию которых эти лексические единицы объединяются в тематические ряды, а внутри последних – в синонимические и антонимические ряды.

Определение состава и детальной структуры этого поля не является целью данного исследования, а лишь промежуточным этапом процедуры выявления фразеологизмов, соотносимых с концептом “work/labour”. Исходя из вышеизложенного и опираясь на отобранные нами ключевые лексические единицы, обозначающие данную понятийную сферу, соотносимыми с ней фразеологизмами нами рассматривались те, в которых данные лексические единицы присутствовали в компонентном составе и/или в толкованиях ФЕ.

Для целей нашего исследования представляется продуктивной типология концептов в лексике и фразеологии, предложенная А.П. Бабушкиным [20]. Хотя А.П. Бабушкин фактически признает за отдельным словом или фразеологизмом право называться концептом, мы полагаем, что исследуемый нами концепт складывается из семантики всех слов данного лексико-семантического поля, так или иначе соотносимых с ним. Так, по мнению А.П. Бабушкина, концепты, которые выделяются на основе анализа словарных дефиниций, могут представлять собой мыслительные **картинки** (напр., *ромашка*), **концепты-схемы**, если они реализуют пространственную сему (напр., *дорога*), **концепты-фреймы**, если они имплицитно фиксируют комплексную ситуацию (напр., *больница*). Лексикографическая сущность концепта-фрейма фиксируется нашим сознанием в форме объемного видения места, именуемого больницей. Семы развития, движения и динамики репрезентируют **концепт-сценарий**. Концепт “work/labour”, по-видимому, больше соответствует фрейму и сценарию.

Опираясь на *Модель взаимодействующих способов познания* концепта, предложенную В.И. Карасиком, т.е., используя наше повседневное знание, элементы научного знания и общей эрудиции, а также стереотипные структуры и прототипические структуры, можно представить себе этот концепт в виде пропозиции или следующей схемы. Есть некий деятель –

агент/работник (*worker/workman*), который работает/выполняет работу (*works/does a job*). *Работать* – значит выполнять какое-то действие с определенной целью (*purpose, aim, goal*), в первую очередь, заработать средства к существованию, т.е. деньги (*money*), добиться определенных результатов (*results*). На практике труд или работа выступают в виде выполнения определенного задания или задачи (*task, job*).

В реальной ситуации действия деятеля, работника могут быть направлены на некий объект (*to carry the can – ‘to be responsible, to see that the work gets done’*), предполагают использование необходимого инструмента *a bad workman quarrels with/blames his tools*.

3. Материал исследования показывает, что фразеологический фрагмент концепта “work/labour” включает субстантивные, глагольные и коммуникативные ФЕ. Адъективных ФЕ, кроме *as busy as a bee*, и адвербиальных ФЕ не зафиксировано, что, по-видимому, объясняется фактом включения признаков работы или ее исполнителя в состав субстантивных ФЕ, а признаков работы как действия – в состав глагольных фразеологизмов. Отобранные нами фразеологизмы удалось разделить на 5 подгрупп.

Ядро группы составляют ФЕ, обозначающие и характеризующие труд и работу. Они были объединены в подгруппу №1 «ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ». Важное место этой подгруппы проявляется в широком спектре

социально значимых признаков этого явления, реализуемых в субстантивных фразеологизмах и соответственно образующих понятийную структуру данного концепта. Наиболее сильно во фразеологизмах данного разряда оказался выраженным (1) признак степени трудности работы, выступающий в оппозиции ‘**трудная, тяжелая, требующая напряжения/легкая работа**’, что подтверждалось наличием этих слов (*hard, difficult, arduous*, означающих ‘demanding great exertion or effort’/easy) в толкованиях значений фразеологизмов. Этот признак реализуется как в субстантивных фразеологизмах с компонентной мотивацией, так и с целостной мотивацией. Во ФЕ с компонентной мотивацией один из компонентов этих ФЕ является прямым обозначением работы (*labour, work, job, task, toil*) и используется в толковании, а другой компонент – ее характеристикой, выраженной словом в переносном смысле (*spade work* – ‘the hard work that has to be done at the beginning of business activity’. В составе ФЕ с целостной мотивацией эти слова не фигурируют, но используются в их толкованиях (*elbow grease* – ‘hard physical work’).

Названные признаки, как правило, указываются в дефинициях фразеологизмов, а в составе ФЕ передаются в виде других атрибутов, например, имен мифологических героев. Как следует из материала, наиболее древний пласт этой тематической подгруппы составляют фразеологизмы, заимствованные из Библии и мифологии *Egyptian/Arduous labour* – ‘египетский труд’, *Herculean labor* – ‘геркулесов труд’, *Sisyphian labour* – ‘сизифов труд’. В других ФЕ этот признак реализуется с помощью метонимического употребления эпитета ср.: *warm work* – ‘напряженная работа’, *dirty work* – ‘unpleasant tasks, difficult work’ – ‘грязное дело’, *a work of time* – ‘работа, требующая значительной затраты времени, трудоемкая работа’. Во фразеологизмах с целостной мотивацией, в основе которых лежит метафора или метонимия, трудная работа ассоциируется с движением либо по плохой дороге, либо по бушующему морю (*rough going*), с плохим санным путем (*tough sledding*), с битвой, которая ведется на подъеме в гору или просто с подъемом в гору (*uphill battle*), с засаленными локтями (*elbow grease*). Для обозначения легкой работы во фразеологизмах, которые составляют меньшинство, используются образы кусочка торта (*piece of cake*) или чего-то, что можно легко собрать, ощипать (*easy pickings*).

(2) Признак ‘**нескончаемая и бесполезная работа**’ актуализируется в ряде ФЕ, опять-таки восходящих к мифологии (*a Sisyphian task/ toil /labor* – ‘an endless and fruitless task’, *Danaides’ work* – ‘futile and endless work’ – ‘бочка Данаид’) или к классической литературе (Гомер: *Penelope’s web* – ‘work that never progresses’ – ‘пряжа Пенелопы’).

(3) Признак ‘**неприятная работа**’, как правило, по морально-этическим соображениям, реализуется во фразеологизмах *dirty work* – ‘unpleasant or difficult part of work or business’ – ‘грязное дело’, *hatchet job* – ‘the act of saying or writing terrible things usually on behalf of one’s boss or organization’.

(4) Признак **‘бескорыстная или безвозмездная работа, которая доставляет человеку удовольствие’** присутствует в значении фразеологизма, также имеющего библейскую этимологию, *labor of love*.

(5) Признак **‘отлично выполненная работа’** составляет значение фразеологизма *a jim-dandy* и передается образом изысканно одетого человека.

Подгруппу 2 составляют фразеологизмы, обозначающие «ХАРАКТЕРИСТИКУ ИСПОЛНИТЕЛЯ РАБОТЫ». В этом ряду английских фразеологизмов преобладают *положительные* характеристики работника такие, как: (1) **‘желающий работать’** – *eager beaver*; (2) **‘умеющий выполнять определенную работу легко и хорошо’** – *a dab hand*; (3) **‘хороший, напористый, с энтузиазмом относящийся к работе, усердный’** работник – *a go-getter, a gung-ho*; (4) **‘готовый прийти на помощь’** – *a helping hand*. Наряду с краеугольными положительными характеристиками работника, несомненно, входящими в структуру исследуемого концепта и отражающими главные ценностные признаки, во фразеологизмах английского языка запечатлены также и *негативные* характеристики работника. Классификация их включает признаки, служащие напоминанием носителям этого языка и культуры, какие типы работников бывают и/или кого следует избегать в работе. Работник может оказаться (5) **‘неопытным’** – *babes in the woods*, как ‘дитя, заблудившееся в лесу’; (6) **‘способным лишь на кратковременный успех’**. Деятельность последнего сравнивается с осечкой в ружье: *a flash in the pan*. Сотрудник может быть (7) **‘непредсказуемым’**, как ‘пушка, сорвавшаяся с лафета’, т.е. человеком, от которого можно ожидать всего: *a loose cannon*. В этой группе имеются ФЕ, отражающие определенные социальные реальности и, соответственно, социально маркированные признаки, в отличие от физических и психологических, отмеченных выше. Реальность такова, что работник может оказаться (8) **‘занимающим место не по праву’**, а по связям: *the Peter Principle* – ‘people who are promoted to a job they cannot do’. Так, фразеологизм *hatchet man* – ‘the man who does the bad jobs: firing, layoffs’, ‘человек с топором’ актуализирует признак (9) **‘выполняющий грязную работу (увольнение, сокращение, клевета, подтасовка фактов) по поручению вышестоящих’**. ФЕ *Aunt Tom* – (originally from Black English) – ‘a successful professional/businesswoman who due to her success in masculine profession does not care about the women’s liberation movement, обозначает (10) **‘женщину, добившуюся успеха в мужской профессии** и вследствие этого не интересующуюся вопросами равноправия женщин или расового равноправия’. Сюда же относится ряд фразеологизмов, обозначающих (11) **‘важного или влиятельного, богатого’** человека в определенном профессиональном коллективе, ср.: *the big/ top banana, a big fish in a little pond, fat cat*.

Фразеологизмы небольшой, но яркой **подгруппы 3** «ПРОФЕССИИ, РОД ЗАНЯТИЙ», соотносятся с определенными профессиональными сферами,

что проявляется в наличии в их составе и/или дефиниции названий профессий или рода деятельности. В них актуализируются семы – характеристики представителей этих сфер по роду их занятий. Здесь выделяются метафорические парафразы: ‘журналист, ведущий колонку психологической помощи’ – *Agony aunt*; ‘бухгалтер’ – *bean counter* или *number cruncher*; ‘адвокат, специализирующийся на делах пострадавших в автоавариях’ – *ambulance chaser*; ‘интеллектуал, эксперт, который знает не так уж и много’, – *pointy-head*; ‘служащий’ – *white collar worker*; ‘рабочий’ – *blue collar worker*, ‘актер’ – *the one who treads the boards*.

Многочисленные глагольные фразеологизмы, обозначают динамическую характеристику работы как действия – ‘работать/делать что-то КАК’ и составляют подгруппу 4 «ОТНОШЕНИЕ К РАБОТЕ». Фразеологизмы этой группы в известной мере дублируют в понятийном плане группу субстантивных фразеологизмов (*eager beaver – to work like a beaver*), позволяя включение фразеологизмов в предложение в виде глагольных предикатов. В этой группе также актуализируются такие признаки действия «работать», как: (1) ‘напряженно’ – *to work like a horse/slave, to break one’s back, to bust one’s butt, to keep one’s nose to the grind, to work one’s fingers to the bone, to sweat one’s guts out*; (2) ‘охотно’ – *to work like a beaver, to make the feathers fly*; (3) ‘быстро’ – *to make short work of smth*; (4) ‘серьезно’ – *to get down to business*; (5) ‘эффективно, успешно’ – *to work like a maniac*; (6) ‘легко’ – *make light work of*; (7) ‘хорошо’ – *to make good work of smth*; (8) ‘плохо’ – *to make a mess of smth*; (9) ‘лениво’ – *to make light work of smth*; ‘уваливая от работы, симулируя деятельность’ – *to work one’s ticket, to swing the lead* или ‘бездельничая’ – *not to turn one’s hand over, not to stir a finger, not to do a stitch / a stroke of work*.

Многочисленные коммуникативные фразеологизмы, т.е. пословично-поговорочные ФЕ, объединенные в подгруппу 5 «СУЖДЕНИЯ О РАБОТНИКАХ И РАБОТЕ», фиксируют те же признаки трудовой деятельности – усердие, опытность, энергичность, быстроту и др., которые выявляются в номинативных (субстантивных и глагольных) фразеологизмах. Такие ФЕ со структурой предложения представляют собой законченные суждения о том, какой работник хороший (*Handsome is as handsome does – ‘О человеке судят не по словам, а по делам’*), а какой плохой (*A lazy sheep thinks its wool heavy – ‘Ленивой лошади и хвост в тягость’*), или какая работа считается эффективной/успешной (*A stitch in time saves nine*), а какая нет (*A cat in gloves catches no mice*).

Коммуникативные фразеологизмы со структурой повелительного предложения запечатлевают прямые указания, как следует организовывать труд, чтобы он был эффективен и приносил доход, давая представление о менталитете носителей английского языка. Именно этот разряд фразеологизмов дает наиболее объемное представление о том, как мыслится этот концепт носителями английского языка. Носители англоязычной культуры сознают, что только упорный труд дает положительный результат

(No pains no gains. He who would catch a fish must not mind getting wet). Работа характеризует того, кто ее выполнял (*The work shows the workman*). Только тот, кто разбирается в своем деле, работает хорошо (*He works best who knows his trade*). Опыт мастера обеспечивает качество работы (*Practice makes perfect*). По их мнению, терпение и настойчивость – необходимые качества в работе: с их помощью, как бы ни малы были силы, можно достичь значительных результатов (*Little strokes fell great oaks*). Успех дела зависит от быстроты выполнения (*Wolves depend on their legs for living*). В бизнесе важно почувствовать перспективность дела (*Opportunity seldom knocks twice*). Дело надо делать вовремя (*Make hay while the sun shines*), не откладывая на завтра то, что можно сделать сегодня. До завершения дела не следует расслабляться (*Business before pleasure*). А уж когда сделал дело, гуляй смело (*Work done have your fun*). И гуляй обязательно, потому, что если у человека в жизни есть только работа, он становится скучным для окружающих (*All work and no play makes Jack a dull boy*). Однако долго не бездельничай, потому что это до добра не доводит (*The devil makes work for idle hands*). Работают они, как и носителя русского языка, ради денег, чтобы зарабатывать хлеб насущный. Зарабатывая деньги в поте лица своего, считают предосудительным тратить их неразумно (*A fool and his money are soon parted*).

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Рассмотренные классы субстантивных, глагольных и коммуникативных ФЕ демонстрируют сходные наборы понятийных признаков, таких как ‘степень трудности, скорость и качество выполнения, эффективность работы, усердие, опыт, квалификация, морально-этические качества работника’ и др. Внутренняя форма исследованных ФЕ показывает, что понятийное содержание этого концепта основывается на образах мировой культуры древнейших времен – библейских текстах и мифологии, а также на образах национальной культуры, отражающих животный и растительный мир, быт и реалии современной жизни англоговорящего общества. Фразеологический состав постоянно пополняется и обновляется. Фразеологические единицы выражают новые социально значимые смыслы и отражают историческую реальность. Если раньше успех в работе зависел в первую очередь от того, как рано встанет человек (*An early bird catches the worm; Early to bed and early to rise makes a man healthy, wealthy and wise*), потому что это был тяжелый физический труд, зависящий от светового дня, то сейчас успех в деле зависит от квалификации человека, способного уловить перспективность идеи и не упустить возможность (*Opportunity seldom knocks twice*). Акцент в труде переносится с идеи физического труда на труд интеллектуальный, креативный (*Hitch your wagon to the star*), хотя при этом это понятие не лишается своего первоначального признака – ‘трудный’ (*Ninety percent of inspiration is perspiration*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 336 с.
2. *Токарев, Г.В.* Теоретические проблемы вербализации концепта «труд» в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г.В. Токарев ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2003. – 42 с.
3. *Еремина, М.А.* Лексико-семантическое поле отношения человека к труду в русских народных говорах: этнолингвистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.А. Еремина ; Уральский гос. ун-т им. М. Горького. – Екатеринбург, 2003. – 22 с.
4. *Степанов, Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М. : Языки рус. культуры, 1997. – 824 с.
5. *Попова, З.Д.* Понятие *концепт* в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова. – Воронеж, 1999. – 30 с.
6. *Попова, З.Д.* Язык как национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2000. – 59 с.
7. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М. : Гнозис, 2007. – 511 с.
8. *Карасик, В.И.* О категориях лингвокультурологии / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности : сб. науч. тр. – Волгоград, 2001. – С. 3–16.
9. *Карасик, В.И.* Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. тр. / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 75–80.
10. *Слышкин, Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 128 с.
11. *Слышкин, Г.Г.* Лингвокультурный концепт как системное образование / Г.Г. Слышкин // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2001. – № 1. – С. 29–34.
12. *Вежбицка, А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицка. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
13. *Маслова, В.А.* Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
14. *Маслова, В.А.* Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В.А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
15. *Воркачев, С.Г.* Культурный концепт и значение / С.Г. Воркачев // Труды Кубан. гос. технол. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». – Краснодар, 2003. – Т. 17, вып. 2. – С. 268–276.
16. *Тхорик, В.И.* Лингвокультурология и межкультурная коммуникация : учеб. пособ. / В.И. Тхорик, Н.Ю. Фанян. – М. : ГИС, 2006. – 206 с.
17. *Добровольский, Д.О.* Национально-культурная специфика во фразеологии / Д.О. Добровольский // ВЯ. – 1997. – № 6. – С. 37–48.

18. Ковалева, Л.В. Национальное своеобразие языковой объективизации концептов, выраженных фразеосочетаниями, обозначающими реалии окружающей среды / Л.В. Ковалева // Вестн. ВГУ. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – № 1. – С. 54–60.
19. Пименова, М.В. Принципы категоризации и концептуализации мира / М.В. Пименова // Studia Linguistica Cognitiva. – 2006. – № 1. – С. 172–186.
20. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 103 с.

The concept “work/labour” is reflected in phraseology in idiomatic noun phrases, verb phrases and idiomatic sentences (proverbs and sayings). These classes of idioms reveal similar sets of semantic features (degree of difficulty, speed, quality, efficiency of work, willingness, experience, workmanship, morals of worker etc.). The literal meanings of the idiomatic phrases under study show that the content of this concept relies on images from the Bible and ancient mythology belonging to world culture and on images associated with national culture – those of animals, plants, lifestyle, and modern realia of English speaking community.

Поступила в редакцию 07.10.10

С.П. Павловицкий

ДЕРИВАТЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ПОСТРОЕНИЯ ТЕКСТА
В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ:
ПОТЕНЦИАЛ ДЕАДЪЕКТИВНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Рассматриваются функции и механизмы включения производных и сложных слов в построение текстов в современном немецком языке. Обосновывается актуальность изучения словообразовательных процессов в аспекте их обусловленности потребностями организации текста. Анализ построен на исследовании отношения производных и сложных слов к критериям текстуальности. Основой для анализа служат наблюдения над ролью *дериватов*, накопленные в специальной литературе по немецкому языку. Преимущественное внимание уделяется *деадъективным именам существительным*. Раскрывается потенциал *д е р и в а т о в* в проявлении различных феноменов когезии и когерентности, в частности, тема-рематических отношений, анафорических и катафорических отсылок, компрессии текста путем использования номинализаций и сложных слов, создания изотопических цепочек, тематического развития текста. Рассматривается вопрос, способны ли порождать связность в тексте цепочки производных слов, образованных по одинаковой словообразовательной модели от основ с малой степенью семантического родства.

В период интенсивного развития лингвистики текста как самостоятельной дисциплины, начавшийся во второй половине 1960-х годов и продолжающийся до настоящего времени, лингвисты активно изучают вопросы, касающиеся взаимодействия единиц различных уровней языковой

системы в ходе создания речевых произведений и их организации в соответствии с общими закономерностями текстопостроения.

Естественно, что не остались без внимания ученых также механизмы включения в тексты продуктов словообразования, т.е. производных и сложных слов, для обозначения которых далее будем использовать термин *derivat* (он принимается как равнозначный немецкоязычным терминам *Wortbildungsprodukt*, *Wortbildungskonstruktion*, *Wortbildungseinheit*). Это особенно касается материала языков с развитой словообразовательной системой, каким является, в частности, немецкий. С 1990-х годов в ходе исследований по неологии изучается также образование словообразовательных окказионализмов, которое считается обусловленным прагматическими установками автора текста, опосредуемыми, как правило, определенными стилевыми чертами (напр., [1; 2]).

Однако обобщающих исследований, дающих детальный анализ участия производных и сложных слов тех или иных типов в текстопостроении на материале отдельных языков (в том числе немецкого) и в типологическом аспекте, крайне мало¹. Это можно объяснить тем, что лингвистика текста сама еще является развивающимся направлением, в котором гипотез больше, чем устоявшихся теорий, и многие концепции пока не проверены на широком текстовом материале.

В статье рассматриваются функции и механизмы включения немецких производных и сложных слов в текстопостроение в их отношении к критериям текстуальности (в трактовке Р.-А. де Богранда и В. Дреслера [3, с. 7–8; 4, с. 119–132; 5, S. 16]). При этом особое внимание обращается на потенциал дериватов, представляемых деадъективными именами существительными.

Общий обзор системного потенциала дериватов, который обеспечивает их участие в текстопостроении, дает в своей статье известный исследователь немецкого словообразования И. Барц [6]. Важнейшими характеристиками при этом называются:

«- морфосемантическая мотивация дериватов и их связанность в гнездо слов...,

- регулярность образования новых единиц...,

- расхождение между сложным содержанием и менее сложной формой дериватов...,

- разная частеречная принадлежность» производящего и производного слова, если последнее образуется способом аффиксации или конверсии [6, с. 650].

В лингвистике одной из первых к вопросу о функционировании и роли производного и сложного слова в тексте обратилась Е.С. Кубрякова. Исходя

---

¹ Ср. замечание К. Пешель, сделанное в 2002 г.: «... те немногие работы, которые были посвящены отношениям между словообразованием и текстом. За исключением диссертации Матуссек речь идет исключительно о статьях, то есть об относительно небольших работах» [2, с. 67]. (Здесь и далее перевод наш. – С.П.)

из наличия у дериватов, как и у других единиц лексической подсистемы, двух функций – номинативной и коммуникативной, ею было сформулировано следующее положение: «Полнозначной единице языка надлежит выполнять не только собственно номинативную функцию..., но и... выступать в речи в виде определенным образом оформленной единицы в соответствии с ее коммуникативным заданием. <...> ...мощным фактором в развитии системы словообразования является необходимость согласовать форму и содержание вторичных единиц номинации с их будущими синтаксическими ролями, а также, что не менее важно, с их функциями относительно целого текста и рациональной организации последнего» [7, с. 179]. Замечание о рациональной организации текста позволяет считать, что автор исходит из представления о тексте как процессе, предвосхищая концепцию текста в когнитивно-дискурсивной парадигме. В данном случае объектом внимания Е.С. Кубряковой являются, в первую очередь, новые дериваты, т.е. лексические единицы, образуемые по синхронно продуктивным моделям.

Акцент на процессуальном словообразовании делают в аналогичном контексте и немецкие лингвисты И. Барц и М. Шрёдер: «При анализе функций словообразования речь идет об описании того, по каким причинам образуются новые слова и к какому эффекту это приводит» [8, с. 181]. Если Е.С. Кубрякова приходит к необходимости изучать роль дериватов в тексте, отталкиваясь от теоретических соображений о функциях лексических единиц, то для И. Барц и М. Шрёдер импульс к исследованию дает наблюдение над фактическим материалом, а именно разницей между долей новообразований, встречающихся в текстах (публицистических) и зафиксированных в словарях немецкого языка, в соотношении 30 % и 3,2 %. Отсюда следует вывод: «... приходится предположить, что грамматические, а также текстовые функции имеют большую, до сих пор недооцененную значимость в качестве стимула словообразовательных процессов» [Там же, с. 182].

После доводов, подтверждающих важность рассматриваемой проблематики, логично произвести обзор накопленных в специальной литературе по немецкому языку наблюдений над ролью дериватов в текстопостроении. За ориентир для анализа принимаются при этом критерии текстуальности¹, реализации которых дериваты способствуют, как это показано, к примеру, в работе В. Фляйшера и И. Барц [9]. Поскольку первыми в истории лингвистики текста были выделены критерии когезии и когерентности, ставшие общепризнанными, то и результаты исследований в соответствии с этими критериями наиболее многочисленны.

Значительным вкладом в изучение проблематики стал изданный в 1984 г. труд М.Д. Степановой и В. Фляйшера «Теоретические основы словообразования в немецком языке» [10]. Так, что касается когезии, то в разделе, автором которого является В. Фляйшер, указывается на возмож-

---

¹ За пределами рассмотрения в данной статье оставлена проблема соотнесенности включенных в текст дериватов и критерия интертекстуальности.

ности усиления выразительности текста путем «концентрации и варьирования словообразовательных структур», а именно на:

- «скопление словообразовательных конструкций с одинаковым префиксом» или суффиксом,

- возникновение «контрастности... благодаря антонимическим словообразовательным элементам»,

- «варьирование путем повторения одинакового основного слова или корневой морфемы с разными “добавками”...» [10, с. 231–232].

Понятие *выразительности* В. Фляйшер не уточняет, однако его смысл улавливается в следующем: даже если у единиц с повторяющимися морфемами либо квазиморфемами (термин И.А. Мельчука) отсутствуют идентичные семы в соответствии с их словарным значением, повторение формальных элементов заставляет реципиента искать связи между ними. Такая связь основана, как правило, на общем категориальном значении, т.е. архисеме, присущей дериватам одной словообразовательной модели типа, ср. триады терминов у И. Канта: *Möglichkeit – Wirklichkeit – Notwendigkeit* [ОН, S. 156], *Einheit – Vielheit – Allheit* [Там же, S. 130], *Substantialität – Singularität – Identität* [Там же, S. 224].

В разделе «Словообразование в структуре текста», написанном М.Д. Степановой, говорится о т р е х ф у н к ц и я х , которые могут выполнять дериваты:

1) участие в оформлении коммуникативной перспективы текста. Здесь отмечается способность отглагольных и деадъективных существительных служить превращению рематических элементов высказывания в тематические [10, с. 238]. Тема-рематические отношения, как правило, относят к сфере когезии;

2) создание компрессии в тексте, часто за счет использования номинализаций – отглагольных имен, образованных, например, способом словосложения и образования сращений [Там же, с. 245]. Этот механизм служит как когезии, так и когерентности;

3) функционирование в качестве средства когерентности текста.

Автор называет следующие характеристики дериватов, обуславливающие потенциал их использования для оформления семантических отношений в тексте: «повторяемость лексических основ в... структуре», «соотнесенность с синтаксическими конструкциями, наличие внутреннего контекста, внешняя облигаторная валентность (при опоре на актанта)» [Там же, с. 237]. На основе анализа примеров делается вывод, что «словообразовательные структуры» чаще служат созданию когерентности микро-, нежели макротекста. Для немецкого языка использование однокорневых дериватов признается «особенно характерным... благодаря наличию в нем большого числа композитов». Впрочем, связность может устанавливаться не только за счет одинаковых основ, но, хотя и реже, также благодаря «одинаковым словообразовательным моделям. Среди последних наиболее частотны в немецком языке модели детерминативных композитов и субстантивации» [Там же, с. 245].

О таких средствах создания когезии, как названные выше номинализации, подробно пишет Г. Вельманн в своей статье для «Duden Grammatik»: «Композиты с предикатными словами [т.е. номинализациями предиката – девербативами и деадъективами]... часто порождаются стремлением сделать сложное глагольное высказывание темой нового высказывания». Он указывает также на возможность употребления таких дериватов в катафорической функции – как заголовков, в частности, нарративных текстов [11, с. 443].

Рассматривая далее различные виды развития темы, что относится уже к созданию когерентности, Г. Вельманн отмечает особую «приспособленность» композитов с одинаковым вторым компонентом для поддержания разветвления темы, а субстантивных производных – для «линейной прогрессии». Среди последних могут быть обозначения как всей «предшествующей предикации», так и агенса, инструмента, объекта, т.е. самых разных компонентов фрейма/сценария, причем для оформления каждого из типовых обозначений в языке предназначены определенные словообразовательные модели [Там же, с. 555].

И. Онхайзер в своей книге «Wortbildung im Sprachvergleich: russisch-deutsch» проводит контрастивное сопоставление словообразовательных возможностей русского и немецкого языков, в том числе и в аспекте взаимодействия словообразования и текста [12, с. 116–125]. При этом автор основывается на положениях о роли словообразования в создании когерентности (в том числе в поддержке развития темы), которые аналогичны тем, которые уже представлены в нашем проблемном обзоре [Там же, с. 117]. И. Онхайзер отмечает, что в немецком языке для анафорического «подхвата» характерно использование сложных слов – в соответствии с потенциалом словообразовательной системы [Там же, с. 120] и чаще, чем в русском, встречаются неузуальные отглагольные имена деятеля – при схожих системных потенциях языков [Там же, с. 119]. Автор выделяет среди средств когерентности (соглашаясь, таким образом, с приведенными выше соображениями В. Фляйшера) и «особый случай синонимии», заключающийся в «существовании словообразовательной аналогии, которая создается использованием одинаковых формантов при различных корнях и обнаруживается, прежде всего, в беллетристике» [Там же, с. 121].

Исследование Б. Оберле «Das System der Ableitungen auf -heit, -keit und -igkeit...» [13] посвящено дериватам, созданным по ряду моделей с помощью одного словообразовательного средства – суффикса *-heit* (и его вариантов). Эти дериваты в большинстве своем являются номинализациями – деадъективными именами качества. Автор делает следующее наблюдение над их поведением в тексте: предикативное имя прилагательное и имя качества не обязательно имеют идентичную корневую морфему, их корневым морфемам достаточно быть синонимичными. В таких случаях дериваты с суффиксом *-heit* формируют отношение когерентности, но не когезии [13, с. 289–290]. Говоря о направлении «подхвата», исследовательница отмечает, что дериватам с суффиксом *-heit* несвойственно выступать в катафорической позиции [Там же, с. 291].

Далее, исходя из анализа конкретного текстового материала, Б. Оберле склонна, подобно В. Фляйшеру и И. Онхайзер, положительно ответить на уже упоминавшийся вопрос о способности дериватов с одинаковым аффиксом и разными несинонимичными корнями усиливать связность текста благодаря аналогии [13, с. 290].

В работе В. Фляйшера и И. Барц «Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache» [9] немало внимания уделено такому элементу семантической связности текста, как изотопические отношения. Здесь подчеркивается положительная роль наличия у единиц в изотопической (топикальной) цепочке единой корневой морфемы, которая служит «языковым выражением общих семантических признаков». Тем самым члены одного словообразовательного гнезда признаются «идеальным средством топикализации». В качестве доказательства указывается на то, что

- «- общая корневая морфема дает знать об общих элементах значения,
- различное словообразовательное окружение сигнализирует различные виды семантической эквивалентности,
- дериваты с несколькими корневыми морфемами могут выступать узловыми точками нескольких изотопических цепочек,
- все продукты словообразования в тексте на основании наличия общих корневых морфем маркируют языковыми средствами окружение, ориентированное на определенное содержание» [9, с. 76].

Иначе выглядят рассуждения авторов относительно использования словообразования в тексте для удовлетворения критериям информативности (чему, по их мнению, служат окказионализмы), приемлемости и ситуативности [Там же, с. 78–80]. Проблема, очевидно, состоит в том, что эти критерии соотносятся не с языковыми единицами непосредственно, а с участниками акта общения либо с коммуникативной ситуацией в целом [4, с. 123, 129].

Таким образом, в немецком языке дериваты в целом и производные деадъективные существительные, в частности, участвуют в процессе построения текста, прежде всего в проявлении различных феноменов когезии и когерентности, т.е. в поверхностной и семантической связности. К этому относятся, в частности, тема-рематические отношения, анафорические и катафорические отсылки, компрессия текста путем использования номинализаций и сложных слов, создание изотопических цепочек, тематическое развитие текста. Среди требующих дополнительного изучения проблемных вопросов находится, например, вопрос о способности цепочек дериватов с одинаковыми аффиксами, но разными корневыми морфемами порождать связность (естественно, не столько семантическую, сколько формальную). В то же время представляет интерес и точка зрения некоторых авторов, соотносящих употребление дериватов в тексте с удовлетворением критериев информативности, приемлемости и ситуативности, что, однако, нуждается в специально ориентированном исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Matussek, M.* Wortneubildung im Text / M. Matussek. – Hamburg : Buske, 1994. – 156 S. – (Beiträge zur germanistischen Sprachwissenschaft ; Bd. 7.)
2. *Peschel, C.* Zum Zusammenhang von Wortneubildung und Textkonstitution / C. Peschel. – Tübingen : Max Niemeyer Verl., 2002. – VIII. – 315 S. – (Reihe germanistische Linguistik ; 237.)
3. *Глушак, Т.С.* Лингвистика текста современного немецкого языка : учеб.-метод. пособие / Т.С. Глушак, А.А. Мирский ; Минск. гос. лингв. ун-т. – Минск : МГЛУ, 2006. – 76 с.
4. *Филиппов, К.А.* Лингвистика текста : курс лекций / К.А. Филиппов. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. – 336 с.
5. *Fix, U.* Textlinguistik und Stilistik für Einsteiger. Ein Lehr- und Arbeitsbuch / U. Fix, H. Poethe, G. Yos. – 3., durchges. Aufl. – Frankfurt a.M. : Peter Lang, 2003. – 237 S. – (Leipziger Skripten ; Bd. 1.)
6. *Barz, I.* Die Wortbildung / I. Barz // Duden, die Grammatik: unentbehrlich für richtiges Deutsch / hrsg. von der Dudenred. – 7., völlig neu erarb. und erw. Aufl. – Mannheim [u.a.] : Dudenverl., 2005. – S. 641–671.
7. *Кубрякова, Е.С.* Типы языковых значений : Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова ; Ин-т языкознания АН СССР ; отв. ред. Е. А. Земская. – М. : Наука, 1981. – 200 с.
8. Kleine Enzyklopädie – deutsche Sprache / hrsg. von W. Fleischer [u.a.]. – Frankfurt a.M. ; Berlin ; Bern ; Bruxelles ; N.Y. ; Wien : Peter Lang, 2001. – 1032 S.
9. *Barz, I.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / I. Barz, W. Fleischer. – Tübingen : Max Niemeyer Verl., 1992. – XVII. – 375 S.
10. *Степанова, М.Д.* Теоретические основы словообразования в немецком языке : учеб. пособие / М.Д. Степанова, В. Фляйшер. – М. : Высш. шк., 1984. – 264 с.
11. *Wellmann, H.* Die Wortbildung / H. Wellmann // Duden, Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / hrsg. von der Dudenredaktion ; bearb. von Peter Eisenberg. – 6., neu bearb. Aufl. – Mannheim [u.a.] : Dudenverl., 1998. – S. 408–557.
12. *Ohnheiser, I.* Wortbildung im Sprachvergleich : russisch-deutsch / I. Ohnheiser. – Leipzig : Verl. Enzykl., 1987. – 154 S. – (Ling. Studien.)
13. *Oberle, B.* Das System der Ableitungen auf -heit, -keit und -igkeit in der deutschen Gegenwartssprache / B. Oberle. – Heidelberg : Carl Winter Verl., 1990. – 492 S.

ИСТОЧНИК ПРИМЕРОВ

ОН – Höffe, O. Kants Kritik der reinen Vernunft. Die Grundlegung der modernen Philosophie / O. Höffe. – München : C.H. Beck, 2003. – 378 S.

Usage of derivates in modern German texts is treated as a means of text construction. The article describes functions and ways of using derivates in relation to textuality criteria by Beaugrande and Dressler, especially to cohesion and coherence. The focus is on the relevant potential of German *deajectival nouns*.

Поступила в редакцию 21.09.10

Н.В. Сокольчик

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ МЕЖДОМЕТИЙ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ФРАНЦУЗСКИМ ИНТЕРЪЕКТИВАМ

Статья представляет собой обзор имеющихся *классификаций междометий* применительно к французскому языку, их анализ и обоснование наиболее приемлемых вариантов для исследователя. *Междометия* представляют собой сложное языковое явление со спорным статусом и неопределенным составом. В лингвистической традиции данные единицы рассматривались и понимались исследователями по-разному, порой с противоположных точек зрения. Отсутствие единого мнения о качественном составе междометий и обилие различных подходов привело к трудностям в проведении единой и стройной классификации. В данной статье мы сосредоточиваем свое внимание на морфологическом и функциональном подходе в номенклатуре междометий французского языка.

Междометные единицы, в силу своей противоречивой и спорной природы, долгое время не получали должного внимания со стороны ученых. Порой они вовсе были выведены за рамки лингвистической проблематики. Однако работы языковедов последнего десятилетия демонстрируют актуальность и состоятельность исследований периферических единиц языка, доказывая тем самым их бесспорный лингвистический статус (Е.А. Бахмутова, 2006; Е.Ю. Кустова, 2000, 2010; И.А. Шаронов, 2008; А.Е. Чуранов, 2008; Е.В. Середа, 2005].

Предпринимая изучение *междометий*, ученые тотчас же сталкиваются с проблемой определения границ данного класса слов, причиной которой является отсутствие единого критерия, позволяющего определить номенклатуру междометий и отделить их от схожих образований. Из-за морфологической неизменяемости и синтаксической обособленности с ними отождествляются смежные классы слов, такие как звукоподражания, диалогические фразы-реплики, частицы, фатические и этикетные формулы и др., поскольку отдельные типы междометий порой сближаются с другими

классами слов, например, апеллятивное междометие *Coucou!* с этикетной репликой *Bonjour!* В связи с этим классификация междометных единиц имеет большое значение для определения их семантического содержания и для понимания сущности различных сторон данного объекта.

Однако на пути создания стройной и общепринятой классификации возникают определенные проблемы, являющиеся препятствием для исследователя. Во-первых, это наличие в составе междометий единиц различной морфологической структуры, а во-вторых, отсутствие единого мнения о количественном составе самого класса. «Поэтому, любой языковед, предлагающий свою классификацию междометий, прежде всего, должен определить свою позицию по отношению к указанным двум проблемам» [1, с. 173].

В настоящей работе мы придерживаемся точки зрения, согласно которой междометия являются лексико-грамматической категорией слов, относящейся к прагматическим единицам языка. Их сущность – отражение эмоциональных аспектов коммуникативного акта в ситуации речевого взаимодействия, поэтому главным дифференцирующим признаком *интеръективов* является наличие эмоционального компонента в речевой единице коммуникации.

Понимая данный класс слов в рамках узкого подхода, исключаем из его состава звукоподражания, этикетные формулы и слова-реплики, не выражающие эмоций говорящего и являющиеся контактоустанавливающими единицами или представляющие собой условное воспроизведение явлений действительности. Согласно нашей трактовке междометий, инстинктивные выкрики и рефлекторные звуки, сближающиеся с междометиями генетической связью, совпадением фонетического оформления и графического изображения, также не могут быть отнесены к *интеръективам*.

Представляя проблему *классификации междометий* в теории языка, необходимо учитывать тот факт, что ученые по-разному понимали статус данных единиц, а в соответствии с этим различные критерии были положены в основу их группирования по классам. Принцип *логического детерминизма* предполагает наличие в интерпретации междометных единиц нескольких критериев характеристики в силу богатого набора релевантных признаков данного объекта исследования [2, с.11].

В современной литературе междометия традиционно делятся на *первичные* и *вторичные*. Данная классификация учитывает их происхождение в языке: *первичные* междометия возникают в результате транслитерации вокальных жестов, производимых людьми или животными, соответствующими определенному языку звуковыми средствами (*hé! oh! bah! bof!*). В то время как *вторичные* возникают в результате конверсии (*bien! chouette! gare! tonnerre!*).

Полагая, что структурные типы междометий отличаются друг от друга не только интонационно-мелодическими и эмоционально-смысловыми, но и грамматическими особенностями, академик В.В. Виноградов предложил выделение на основе семантического критерия следующих

семантико-грамматических разрядов междометий: 1) первичные, или непродеривные; 2) деривные от имен существительных. Данные две группы выделяются на основании их происхождения в языке и не относятся, на наш взгляд, к семантике; 3) оценочные; 4) междометные императивы; 5) эмоционально-волевые, или аффективные; 6) этикетные; 7) бранные; 8) звукоподражательные восклицания; 9) звательные (вокативные); 10) «междометные глагольные формы» [3, с. 615]. Предложенная классификация имеет ряд спорных моментов и не удовлетворяет интерес современного исследователя. Семантический принцип в ней не всегда соблюдается, поскольку одно и то же междометие может быть одновременно включено в несколько разрядов (*тьфу!* относится к первой и третьей группе), а подобное расширение объема данной спорной части речи оправданно привело к появлению критики. Однако сам В.В. Виноградов ссылается на недостаточную изученность данного класса единиц и очерчивает круг задач для последующих исследований в данной области.

Но в избрании главного принципа систематизации междометий академик был недалек от истины, и сегодня традиционной в лингвистической теории признается классификация междометий по семантическому признаку. Она предполагает их деление на эмоциональные (*ah! allons bon! bah!*) и побудительные (*accouche! alerte!*). А. Вежбицкая, И.А. Шаронов, Н.Р. Добрушина, Б.Л. Иодмин выделяют также и когнитивные междометия (*euréka! oups!*), выражающие знание и мысли в момент произнесения высказывания [4, р. 114]; ментальное состояние, наступающее в момент незапланированного обретения говорящим знания путем либо непосредственного чувственного восприятия, либо не полностью контролируемых ментальных процессов [5, с. 207]. Данная классификация не является полной и не учитывает некоторые междометные единицы, обнаруженные на базе лексикографического материала: апеллятивные, фатические и др. (*hé! holà! ohé!*), кроме того, она рискует стать слишком объемной при большей дивергенции семантических нюансов.

Е.А. Реферовская и А.К. Васильева в вопросе классификации французских междометий исходят из позиции В.В. Виноградова, учитывая ее недостатки. Они предлагают два критерия дифференциации междометий: по происхождению междометия бывают деривными от рефлекторных выкриков и номинативными; а по семантическому признаку выделяют 6 типов: 1) эмотивные, 2) волитивные, 3) интерогативные, 4) ономатописи, 5) имитации криков животных, 6) конвенциональные знаки (приветствия и благодарности). Междометия, которые находятся на границе рефлекторных криков и языковой системы, понимаются как «иррациональный феномен» языка. Они имеют конвенциональное значение и указывают на состояние души (*état d'âme*) говорящего [6, с. 358]. Данная классификация отвечает широкому подходу в понимании междометий и не подразумевает глубинного анализа сущности явления. На сегодняшний день сложно согласиться с такой точкой зрения в силу широкого представления номенклатуры междометия.

Среди современных исследований междометий отметим И.А. Шаронова, который изучает данные единицы в русском языке на формальном, синтаксическом и семантическом уровнях. В результате проведенных исследований он приходит к выводу, что к классу междометий относятся только спонтанные неадресованные звуковые реплики-реакции человека, выражаемые аморфными или десемантизированными, синтаксически обособленными языковыми единицами. Таким образом, получается вполне изоморфная группа эмоциональных междометий [5, с. 82–83], которую ученый классифицирует, руководствуясь критерием эффекта, оказываемого междометием на слушателя. Среди таких он выделяет междометия, фокусирующие внимание на: 1) внутреннее состояние говорящего: *ah! aïe!*; 2) нарушение плана, сценария, хода событий: *crotte! diable!*; 3) классификацию или оценку объекта: *catastrophe! chouette!* Подобный узкий подход в выделении междометий исключает прочие разряды слов: ономотопеи, этикетные формулы, диалогические частицы, сигналы побуждения. Последние, будучи собственно повелительными междометиями, способны все же, на наш взгляд, выражать в рамках повеления эмоциональное состояние говорящего. Сравните степень градации эмоционального напряжения: *du calme! → silence! → chut! → motus! → tais-toi! → ta gueule!*

Французская грамматика M.Grevisse определяет междометие как неизменяемую форму слова, выступающую в роли предложения, именуемую слово-фраза (*mot-phrase*). Авторы сосредоточиваются, главным образом, на семантико-функциональных особенностях языкового явления. Так, с ф у н к ц и о н а л ь н ы х позиций выделяются три основных типа: объективные, субъективные и суггестивные слова-фразы [7, р. 331]. Функциональный тип субъективных слов-фраз, собственно интеръективов, предназначен для выражения произвольных чувств и ощущений говорящего, не направленных на собеседника (*hélas!*). Объективные слова-фразы ориентированы на собеседника (*chut! halte!*), а суггестивные слова-фразы, передающие имитацию шума, движения, используются чаще всего в комиксах (*glou-glou*). Последний тип, по существу – ономотопеи, не может учитываться в качестве междометий, поскольку звукоподражания, на наш взгляд, не выражают эмоционально-волевой реакции субъекта на действительность. В целом такая функциональная классификация охватывает все междометные единицы французского языка и является наиболее полной, но понимание междометий как слов-фраз затрудняет их принятие, поскольку они могут входить в структуру предложения и занимать не только начальные позиции в высказывании: *Je me lève... – ouille! il m'arrive à l'épaule...; – Pourquoi j'ai dit ça, là, oh?!*

А.Е. Чуранов, исследовавший английские междометия, относит к их классу следующие единицы: первичные и вторичные эмоциональные междометия, первичные и вторичные императивные (побудительные) междометия, слова призыва и отгона животных и междометоиды – слова, стоящие на пути перехода в эмоциональные или императивные междометия [1, с. 174]. Ученый предлагает классифицировать междометия по двум

признакам: семантическому и структурному [8, с. 10]. В настоящей работе мы попытаемся применить данную классификацию к французским междометиям с целью выявления ее целесообразности применительно к французскому контексту.

С точки зрения происхождения, междометия традиционно делятся на *первичные* и *вторичные/знаменательные*. А.Е. Чуранов предлагает и третий – *смешанный* тип, куда относит сочетания первичного и знаменательного междометия (*eh bien! oh! la vache!*). Далее данные типы группируются в соответствии с другим критерием – морфологическим или структурным (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Семантическая классификация междометий и междометных выражений французского языка

	Эмоциональные	Повелительные	Когнитивные	Апеллятивные
Первичные	<i>ah! brrrr! eh! fi! hi! hi! hum! oh!</i>	<i>chut! hep! haro! olé!</i>	<i>heu! oh! là là!</i>	<i>bye! hé! hep!</i>
Вторичные	<i>allons bon! banco! catastrophe! n'importe quoi! sapristi!</i>	<i>accouche! action! arrière! assez!</i>	<i>eurêka!</i>	<i>hello! dites donc!</i>
Смешанный тип	<i>eh bien! hé quoi! oh! la vache!</i>	<i>tranquille, hein! ouste là!</i>	<i>oh! la vache!</i>	<i>eh, patate!</i>

Первичные междометия **по форме** могут быть простыми и сложными. Последние подвергаются дифференциации по способу образования, образуя четыре типа: 1) словосложение – соединение простых первичных междометий (*aha! hé, ho!*); 2) редупликация (*ah-ah! tchin-tchin!*), внутри данного типа выделяются подтипы, которые неприменимы к системе французского языка; 3) редупликация + словосложение (*oh! là là!*); 4) линейный повтор (*eu...eu! aïe, aïe!*).

Вторичные междометия классифицируются по структурному принципу: 1) простые; 2) фразового типа (междометные фразеомы); 3) предложеческого типа (междометные пропозеомы); 4) смешанного типа – сочетание простого знаменательного междометия и междометной пропозеомы. Каждый из видов включает подгруппы по способу образования в языке. Простые знаменательные междометия бывают семи типов: 1) субстантивные (*gare! diable!*); 2) адъективные (*chiche! mince!*); 3) адвербиальные (*assez! d'accord!*); 4) глагольные (*tiens! tenez!*); 5) эллипсисные (*c'est la cata = c'est la catastrophe*); 6) интегрированные и 7) линейные (*bon ben*) (табл. 2).

Таблица 2

Структурная классификация междометий и междометных выражений французского языка

	Первичные					Вторичные					
По структуре	простые	сложные				простые	междометные фразеомы			междометные пропозеомы	
		<i>ah! of! aïe! bah!</i>						<i>allons bon! bon sang! ça alors! c'est monstrueux! comment donc! ta gueule! quel culot!</i>			<i>Dieu m'en soit témoin! foutez-moi la paix!</i>
По способу образования		слово- сложение	редуп- ликация	СЛОВО- сложение + редупли- кация	линей- ный повтор	субстан- тивные	адверби- альные	адъектив- ные	глаголь- ные	эллип- сисные	линей- ные
		<i>aha! ahé! hé, ho!</i>	<i>ah-ah! ha, ha!</i>	<i>oh! là là! taratata!</i>	<i>eu...eu! aïe, aïe!</i>	<i>ciel! gare! patience!</i>	<i>assez! comment!</i>	<i>alerte! bon! mince!</i>	<i>écrase! fini! tiens!</i>	<i>c'est la cata</i>	<i>bon ben</i>

Что касается семантического признака, то А.Е. Чуранов традиционно подразделяет междометия на два больших разряда – эмоциональные и волеизъявительные. Мы предлагаем выделять в разряде эмоциональных междометий и междометоидов группы, передающие: 1) положительные эмоции; 2) негативные эмоции, 3) общую оценку ситуации или сказанного собеседником. В свою очередь, данные группы дифференцируются в зависимости от семантического значения, которое они выражают (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Группы эмоциональных междометий и междометоидов, передающие:

положительные эмоции	удовольствие, радость	восхищение, восторг	удивление	облегчение
	<i>ouah! alléluia! bon!</i>	<i>chapeau! excellent!</i>	<i>ça alors! dame! ma parole!</i>	<i>bon débarras! enfin!</i>
негативные эмоции	печаль, грусть	презрение	страх, боль	гнев, ярость
	<i>dommage! hélas!</i>	<i>pardi! fi! bof! nom de Dieu!</i>	<i>brrr! ouille!</i>	<i>bordel! bon vent!</i>
оценку	согласие, одобрение	несогласие, неодобрение	иронию, насмешку	
	<i>ouais! parfait! impeccable!</i>	<i>quel culot!</i>	<i>bye-bye! ciao!</i>	

Для волеизъявительных междометий и междометоидов предлагается несколько семантических подгрупп: 1) междометия-призывы (*alerte! hardi!*), 2) междометия-приказы (*debout! arrière! écrase!*), 3) междометия-пожелания (*gaffe!*) и т.д. Такая классификация является в некоторой степени условной, поскольку одна и та же единица может служить для выражения целой гаммы эмоций: *ah! oh! eh!* etc. В отношении морфологической классификации необходимо отметить ее тщательную разработку, однако в отдельных аспектах она применима лишь к английскому языку.

Актуальным и логичным нам представляется взгляд Е.Ю. Кустовой на проблему французского междометия, которое не может соотноситься со словом как элементом системы, поскольку является продуктом говорящего. Именно поэтому его следует отнести к прагматическим единицам языка. Следует также пересмотреть квалификацию междометия как слова-фразы, поскольку междометие не имеет ни лексического значения в его традиционном понимании, ни грамматической формы, ни прямых синтаксических функций [9].

Прагматическая природа интеръективов и их роль в акте коммуникации отражается в классификации через связь с участниками интеракции.

В функционально-интеракционной типологии выделяются эмотивы, конативы и репрезентативы, соотносящиеся каждый с 1-м, 2-м и 3-м лицом. Данная теория была заимствована у В.Г. Гака и в последующем удачно развита Е.Ю. Кустовой [10, с. 459–460]. Последний тип представляет собой не простую презентацию звуков реальной действительности (т.е. звукоподражания), а в равной мере способен выполнять экспрессивную функцию, воздействовать на собеседника: *Ah! l'eau! la bonne eau! Les premières gouttes qui glissent en serpents minces – zzz...* [11, с. 83]. В конативных междометных единицах, направленных на собеседника, выделяются типы: контактоустанавливающие (*hé! holà! haro! ohé!*); собственно побудительные (*chut! halte! stop! ouste!*) и аргументативно-оценочные (*idiot! pauv'con! salaud!*). Эмотивы выражают эмоциональное состояние говорящего субъекта, т.е. это все эмоциональные междометия (табл. 4). Данная классификация покрывает абсолютно весь спектр единиц, являющихся, на наш взгляд, междометиями, и полностью отражает наше видение данного языкового явления в широком плане. Для составления более детального варианта нам представляется необходимым анализировать междометия по морфологическому признаку, как это было предложено в рамках английских междометий А.Е. Чурановым.

Т а б л и ц а 4

Функционально-интеракционная классификация междометий
и междометных выражений французского языка

Лицо			Не-лицо
1-е лицо	2-е лицо		3-е лицо
Эмотивы	Конативы		Репрезентативы
<i>ah! bah! eh! fi!</i> <i>ha! oh! ouais?</i> <i>peuh! zut!</i>	Контактоустанавливающие	Побудительные	<i>Et toc!</i>
	<i>coucou! haro!</i> <i>hé! hello! hep!</i>	<i>chut!</i> <i>courage!</i> <i>halte! holà!</i>	

Таким образом, в своем исследовании мы пришли к выводу о необходимости разграничения междометий от схожих образований, в том числе и от звукоподражаний. Под междометием понимаем класс слов, отражающих эмоционально-волевые аспекты коммуникации, выраженные в речевых актах говорящего субъекта. В качестве идентификации данного класса слов предлагаем классифицировать междометия по семантическому и морфологическому принципу, предварительно разграничивая их в соот-

ветствии со сложившейся традицией на первичные и вторичные. Классифицируя интеръективы как речевые единицы, сосредоточиваемся на функционально-интеракционном подходе. Практический материал, а также выводы данного исследования представлены в виде таблиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чуранов, А.Е. К проблеме классификации междометий английского языка / А.Е. Чуранов // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2006. – № 11. – С. 172–178.
2. Кустова, Е.С. Французское междометие: Лексико-грамматические аспекты, семиогенез и интеракционные функции : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.05 / Е.С. Кустова ; Пятигор. гос. лингв. ун-т. – Воронеж, 2010. – 42 с.
3. Виноградов, В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов ; под ред. Г.А. Золотовой. – 4-е изд. – М. : Рус. яз., 2001. – 718 с.
4. Атека, F. Interjections: The universal yet neglected part of speech / F. Ateka // J. of Pragmatics. – North-Holland, 1992. – Vol. 18. – P. 101–118.
5. Шаронов, И.А. О междометиях / И.А. Шаронов. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2008. – 292 с.
6. Реферовская, Е.А. Теоретическая грамматика современного французского языка : учебник по курсу теории грамматики фр. яз. для студентов ин-тов и фак-тов иностр. яз. – На фр. яз. / Е.А. Реферовская, А.К. Васильева. – 3-е изд., испр. – М. : Просвещение, 1982. – 400 с.
7. Grévisse, M. Nouvelle grammaire française / M. Grévisse, A. Goose. – 2-e éd. rev. – Paris : Duclot, Louvain-la-Neuve, 1989. – 377 p.
8. Чуранов, А.Е. Адъективная основа в формировании системы английских междометий и междометоидов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.Е. Чуранов ; МПГУ. – М., 2008. – 19 с.
9. Кустова, Е.Ю. Функционально-семантическое поле французских интеръективов / Е.Ю. Кустова // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Сер. Филология. – 2008. – № 5. – С. 164–172.
10. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – Добросвет, 2000. – 831 с.
11. Кустова, Е.Ю. Интеракционная типология французских интеръективов / Е.Ю. Кустова // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 1. – С. 82–87.

The article presents a review of available *interjections classifications* applied to the French language, their analysis and the argumentation of the most applicable variants for the researcher. According to the data received the following classifications were suggested – semantic, structural and functional.

Поступила в редакцию 22.09.10

Т.В. Шлык

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ДИСКУРСИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕРМИНА
(на материале французских текстов по телекоммуникациям)

Статья посвящена изучению синтаксических особенностей реализации семантики технического термина в дискурсе. Организация текстов по телекоммуникациям определяется дискурсивной моделью под влиянием лингвистических факторов, диктующих выбор вербальных и невербальных средств. Выявлены наиболее типичные для данной области знаний образцы синтаксических конструкций. Когезия и когерентность – основные параметры, обуславливающие синтаксическую структуру текстовой основы дискурса, – способствуют логическому строю текстов, адекватной передаче, восприятию и интерпретации информации.

Изучению дискурса, его отношения с основными лингвистическими понятиями *текст* и *речь* посвящены исследования многих зарубежных и отечественных лингвистов (см. труды Д. Шифрин, М. Стабса, Х. Стейнера, П. Серио, В.И. Карасика, Н.Д. Арутюновой, В.Г. Костомарова, М.Л. Макарова, Е.А. Поповой, Е.В. Михайловой, А.Н. Мохоровского и др.).

Для разграничения понятий *дискурс* и *текст* мы придерживаемся точки зрения ученых, утверждающих, что *дискурс* – “связный текст в совокупности с экстралингвистическими: прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами” [1, с. 137], в то время как под *текстом* понимается “независимое, обособленное от ситуации речетворческое произведение” [2, с. 7]. Таким образом, основное отличие дискурса от текста состоит в идее развития и обусловленности экстралингвистическими факторами.

Для понимания сущности дискурса мы следуем концепции следующих *подходов*:

- *структурно-синтаксического*: дискурс как фрагмент текста, т.е. образование, превышающее уровень предложения (сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, абзац) [3, с. 126], либо как развернутый смысл текста в сознании получателя информации [4, с. 10];

- *социально-прагматического*: дискурс как “текст, погруженный в ситуацию общения” [1, с. 136], или социально ограниченный тип высказываний, например, научно-технический дискурс [5, с. 26–27].

В рамках социально-прагматического подхода к дискурсу, принимая во внимание характеристику участников общения, выделяются *два типа дискурса*: *лично ориентированный* и *статусно ориентированный*, представленный ситуативно-ролевой и институциональной разновидностью. *Институциональный дискурс* сводится к образцам вербального поведения, сложившимся в обществе применительно к закрепленным сферам общения [6, с. 190–191]. Выявить наиболее типичные из таких образцов, изучить их

особенности в структурно-синтаксическом и прагматическом аспектах – одна из основных задач анализа текстов исследуемой области знаний.

Итак, каждый дискурс имеет текстовую основу. Организация текстов определяется дискурсивной моделью, т.е. схемой конструирования языковых элементов как аналога реально существующего коммуникативного процесса, в частности, дискурса, имеющего свою структуру, отличную от структуры лингвистических единиц разных уровней [7, с. 25]. Дискурсивную модель можно представить в виде схемы, соответствующей современным теориям коммуникации: “**адресант** (субъект коммуникативного процесса) → **сообщение** (текст/дискурс) → **канал** (типологическая разновидность текста – вербальный/невербальный) → **код** (жанровая разновидность текста) → **адресат** (субъект коммуникативного процесса) → **результат коммуникации** (воспринятая и интерпретированная информация) → **обратная связь**” [8, с. 42].

Внутренняя организация данной модели формируется под влиянием лингвистических параметров, диктующих выбор вербальных и невербальных средств [6, с. 118]:

- конститутивных (относительная оформленность, тематическое, стилистическое, структурное единство и относительная смысловая завершенность);
- жанрово-стилистических (стилевая принадлежность, степень компрессии);
- семантико-прагматических (адресатность, информативность, модальность, интерпретативность);
- формально-структурных (композиция, членимость, когезия).

Таким образом, основополагающим в композиции дискурса является его связность, целостность, единство формы и содержания (*когезия* и *когерентность*) [9, с. 171]. Когезия служит способом формирования линейной, синхронной связности, когерентность – диахронной целостности дискурса, взаимодействия коммуникативных, смысловых и структурных факторов [10, с. 229]. Когезия способствует линейному сцеплению семантически и синтаксически совместимых элементов, реализует смысловую связь между фрагментами дискурса и подготовку реципиента к последующей информации, проведение по пути познания дискурса. “Когезия обеспечивает лексико-семантическую и структурную организацию дискурса, когерентность – логико-семантическую и тематическую” [11, с. 127].

Порождение научно-технических текстов основывается на семантической информации, которую несут общеупотребительные лексические единицы и специальные слова-термины, взаимодействующие в синтаксических структурах, формирующихся в соответствии с нормами и законами сочетаемости слов данного конкретного языка. Термины составляют в текстовой канве ключевую лексику, отражающую специфику знаний. Лексика с общеязыковым статусом обеспечивает нейтральную основу текста.

Лексико-семантический и морфолого-синтаксический аспекты изучения лексики, представленные в их взаимосвязи и взаимодействии [12, с. 16], позволяют раскрыть специфику актуализации терминологического знака в научном тексте, принимая во внимание положение о неразрывном единстве его внешнего строения, внутреннего содержания и функционального назначения. Так как главная задача научной прозы заключается в описании, объяснении, постановке проблем, основными ее качествами являются логичность и четкость изложения [13, с. 26], что связано прежде всего с построением текста, его синтаксисом и предопределяет аранжировку высказываний в дискурсе.

Анализ таких синтаксических характеристик, как соотношение сложных и простых предложений, сложносочиненных и сложноподчиненных структур, синтаксическая структура предложения и его функции дал следующие результаты. Среди предложений, организующих тексты по телекоммуникациям, сложные преобладают над простыми, причем сложноподчиненных больше, чем сложносочиненных. Громоздкая синтаксическая структура сложносочиненных предложений усложняется целым рядом придаточных предложений, а также причастными и инфинитивными оборотами. Последовательная логическая аргументация научных положений обуславливает употребление большого количества вводных слов, оборотов и предложений, членящих высказывание и, следовательно, облегчающих понимание. Этим же объясняется преимущественное использование сложноподчиненных предложений с большим количеством последовательных подчинений. Характерным для анализируемых текстов является и широкое употребление неличных оборотов (инфинитивных, герундиальных и причастных), которые, являясь эквивалентами соответствующих предложений с личной формой глагола, вводятся в качестве определения и обстоятельства в рамки другого предложения и позволяют экономить языковые средства:

*La modulation d'impulsion peut utiliser le codage RZ (retour à zéro) ou le codage NRZ (non retour à zéro). Pour qu'un système NRZ soit synchronisé, **en utilisant seulement l'information émise**, il ne doit pas y avoir de longues séquences de symboles identiques, comme par exemple de longues séquences de 1 ou de 0. Pour les systèmes binaires PCM, la densité de 1 est un critère important (импульсная модуляция может использовать кодирование возврата к нулю или кодирование без возврата к нулю. Чтобы система кодирования без возврата к нулю была синхронизирована, используя только передаваемую информацию, не нужно иметь длинную последовательность идентичных символов, как, например, длинную последовательность 1 и 0. Для двоичных систем ИМК, важным критерием является плотность 1).*

*On contrôle souvent cette densité à l'aide de techniques de pré-codage telles que le codage RLL (Run Length Limited). Le code PCM est étendu en un code légèrement plus long **garantissant une limitation du nombre de 1** avant la modulation du signal et son envoi dans le canal de transmission. Dans d'autres cas, on ajoute des bits supplémentaires (de synchronisation) dans le flux, ce qui*

garantit d'avoir au moins quelques transitions entre les symboles (эту плотность контролируют методом предварительного кодирования, таким как RLL-кодирование (кодирование с ограничением длины записи). Код ИМК вытягивается в код слегка большей длины, гарантируя сокращение количества 1 перед модуляцией сигнала и его отправкой в канал связи. В других случаях добавляют дополнительные биты в поток, что гарантирует наличие, по крайней мере, нескольких переходов между символами).

*Une autre technique employée pour contrôler la densité de 1 est l'utilisation d'un polynôme embrouilleur. Cela a tendance à transformer les données brutes en un flux pseudo-aléatoire. Cependant le flux de départ peut être totalement récupéré en **inversant l'effet du polynôme**. Quand on utilise cette technique, de longues séries de 1 ou de 0 peuvent encore exister, mais sont considérées assez peu probables pour pouvoir être négligées ou à tout le moins tolérées (другим способом, применяемым для контроля плотности 1, является использование полиномиального скремблера. Он имеет тенденцию преобразовывать необработанные данные в псевдоалеаторном потоке. Однако первоначальный поток может быть полностью восстановлен при изменении результата полинома. Использование этого метода, может спровоцировать также длинные последовательности 1 или 0, но, несмотря на то, что они расцениваются маловероятными, их нельзя не принимать в расчет или проигнорировать) [14].*

Приведенный макродискурс, кроме всего прочего, иллюстрирует такую особенность научного описания, как актуальное членение составляющих его высказываний, имеющее цепной характер, т.е. рема предыдущей фразы становится темой последующей. Катафорические и эпифоро-анафорические логические связи обеспечивают его цельность, а когерентность – внутренние связи.

Более кратким по сравнению со своими функциональными синонимами – временными, причинными и условными придаточными предложениями – является абсолютный причастный оборот:

*Tel qu'il a été conçu, le réseau GSM est idéal pour les communications de type 'voix'. **Le réseau étant commuté**, les ressources ne sont allouées que pour la durée de la conversation, comme lors de l'utilisation de lignes téléphoniques fixes (задуманная в таком виде сеть GSM идеальна для голосовых коммуникаций. Так как сеть коммутируемая, ресурсы предоставляются только в течение разговора, как и при использовании стационарных телефонных линий).*

Такой вид синтаксического сжатия делает возможным достижение семантической конденсации, гибкости и компактности речи.

Для текстов по телекоммуникациям, как сферы, находящейся в процессе становления, характерно использование одновременно единиц, из которых одна уточняет другую в силу того, что они кореферентны. В результате образуются конструкции, в основе которых лежит синтаксический процесс расширения по оси неизвестное – известное:

Cet technologie utilisé dans les téléphones mobiles, périphériques informatiques et autres appareils portables comme les assistants personnels (PDA) va voir sa vitesse de transmission augmenter dans les années à venir... (эта технология, используемая в мобильных телефонах, компьютерных периферийных устройствах и других портативных приборах, таких как персональные цифровые секретари (PDA), в ближайшие годы увеличит свою скорость передачи данных) [14].

Чаще всего в качестве дублирующих единств выступают английские варианты терминов, так как они функционируют в языке дольше своих французских эквивалентов и известны большему кругу пользователей, или термины-метафоры в силу того, что они мотивированы и своей ассоциативной природой облегчают понимание незнакомой лексической единицы.

Специфической чертой организации текстов по телекоммуникациям является использование параллельных конструкций, представляющих собой один из стилистических приемов композиции высказывания, в которой отдельные части предложения или ряд предложений в целом построены однотипно [15, с. 64]. Функция параллельной организации суждений заключается в логическом противопоставлении, сопоставлении, уточнении и просто перечислении ряда логических суждений, что иллюстрируется следующими примерами.

1. Отношение противопоставления:

Si l'utilisateur a composé le 37 87 38, alors le commutateur sait qu'il ne pourra gérer l'acheminement de ce numéro. Il va donc confier la gestion de ce numéro à un commutateur qui est centralisé et qui interconnecte de nombreux commutateurs d'abonnés. Ce commutateur qui interconnecte les autres est appelé "commutateur de transit". La façon dont notre commutateur d'abonné confie la gestion de l'appel au commutateur de transit est très simple, il va se comporter comme un simple poste téléphonique vis-à-vis de celui-ci et lui envoyer tous les chiffres du numéro (если пользователь набрал номер 37 87 38, то коммутатор знает, что не сможет управлять маршрутизацией данного номера. Таким образом, он поручает его обслуживание централизованному коммутатору, соединяющему между собой многочисленные абонентские коммутаторы. Такой коммутатор называется транзитным. Способ, которым наш абонентский коммутатор передает управление вызовом на транзитный коммутатор, прост, он действует как обычная телефонная станция, отправляющая на него все цифры номера).

Si l'utilisateur a composé le 35 87 38, alors le commutateur sait qu'il doit gérer ce numéro. Il va donc examiner les chiffres suivants (если пользователь набрал номер 35 87 38, коммутатор понимает, что должен управлять маршрутизацией этого номера. Таким же способом, он проверяет следующие цифры) [14].

2. Отношение сопоставления:

Dans les commutateurs rotatifs les points de connexions sont matérialisés par des myriades de connecteurs électriques assemblés de façon concentrique autour d'un axe (в ротационных коммутаторах точки соединения материализуются мириадами электрических коннекторов, concentрично собранных вокруг оси).

Dans les commutateurs crossbars, les éléments mécaniques sont organisés en tableau à deux entrées comme dans le schéma (в координатных коммутаторах механические элементы координатной системы организованы в таблицу с двумя входами, как в схеме).

Pour les commutateurs spatiaux les éléments mécaniques du crossbar sont remplacés par des éléments électronique ou électromécanique (в пространственных коммутаторах механические элементы координатной системы заменены электронными или электромеханическими элементами).

Pour les commutateurs temporels, les éléments du crossbars sont remplacés par des commutateurs basés sur le multiplexage temporel plutôt que spatial. Le multiplexage temporel est inspiré du MIC (во временных коммутаторах механические элементы координатной системы заменены на коммутаторы, базирующиеся на временном уплотнении каналов, раньше, чем в пространственных. Временное уплотнение каналов спровоцировано импульсно-кодовой модуляцией) [Ibid].

3. Перечисление однородных явлений (фактов):

Le service rendu par la communication de base est apparu assez rapidement comme étant insuffisant, notamment en milieu professionnel. De nombreux services complémentaires ont été développés pour améliorer l'usage du téléphone (услуги, оказываемые стационарной связью, особенно в профессиональной среде, быстро оказались недостаточными. Чтобы усовершенствовать использование телефона были разработаны многочисленные дополнительные услуги).

Quelques exemples 'несколько примеров':

Le transfert permet à une personne appelée de passer son appel à un autre terminal en cours de communication (трансфер позволяет вызываемому абоненту переключить свой вызов на другое оконечное устройство в ходе соединения).

Le renvoi permet à une personne appelée de renvoyer ses appels vers un autre terminal avant d'être en communication. Ce service peut être rendu dans différents cas (non-réponse, occupation, immédiat) (переадресация позволяет вызываемому абоненту переадресовать свои вызовы на другое оконечное устройство до соединения. Эта услуга может быть оказана в различных случаях (неотвеченный вызов, занятость номера, экстренный вызов).

La conférence à trois permet à trois personnes de converser ensemble sur la même ligne (тройная конференцсвязь позволяет трем абонентам общаться на одной линии).

L'Identification de l'appelant (Caller Line Identification Presentation ou CLIP) permet à l'utilisateur appelé d'être informé (par affichage par exemple) du numéro ou du nom de l'appelant avant de répondre à l'appel (определение номера (CLIP) позволяет вызываемому абоненту быть информированным (индикацией на панели, например) о номере или имени вызывающего абонента, прежде чем ответить на вызов) [Ibid].

Параллельные конструкции, представляющие собой синтаксический повтор, как правило, связаны с лексическим повтором. Такая синтаксическая и лексическая симметрия способствует своеобразной ритмической организации высказывания, создаваемой лексическими, грамматическими и синтаксическими средствами языка. Кроме того, параллелизмы образуют синтаксический каркас при построении абзаца.

Специфичные стилевые черты, свойственные научно-техническому языку и отражающие концептуальное содержание соответствующего дискурса обуславливают набор семантико-синтаксических структур. Логический характер изложения определяет:

1) использование высказываний с прямым порядком слов. Допускается инверсия с целью смещения ремы и акцентуации не самого процесса, а явления или понятия, о котором идет речь:

V
S

┌──────────┐ ┌──────────────────────────┐

Puis sont arrivés les commutateurs électroniques:

- E10A, E10B de la société française Alcatel

- AXE10, de la société suédoise Ericsson

- Métaconta 11F des sociétés françaises CGCT et LMT

- E12, MT20 et MT25 de la société française Alcatel (затем появились

электронные коммутаторы: E10A, E10B французской компании Alcatel, AXE10 шведской компании Ericsson, Métaconta 11F французских компаний CGCT и LMT, E12, MT20 и MT25 французской компании Alcatel) [Ibid];

2) выделение пунктов и параграфов, акцентирующих отдельные мысли и целые проблемы;

3) употребление катафорических единств, которые сначала дают обобщенное представление о проблеме, а затем ее конкретизируют.

Данные аспекты обеспечивают цельность дискурса и его закономерное логическое изложение:

La téléphonie repose sur un réseau de télécommunications adapté a la téléphonie (телефония строится по принципу сети телекоммуникаций, адаптированной к телефонии).

Un réseau téléphonique est constitué de trois types d'équipements principaux:

- les terminaux,

- les systèmes centraux,

- et les liaisons entre ces différents équipements (телефонная сеть состоит

из трех главных типов оборудования: окончных устройств, станционных систем и соединений между различным оборудованием).

Les terminaux sont les appareils dont se servent les utilisateurs pour téléphoner, et donc en particulier le téléphone. Le fax ou télécopieur, le minitel, le téléphone logiciel (soft-phone), le répondeur, le modem, le serveur vocal interactif sont d'autres types de terminaux (оконечные устройства – это аппараты, которыми пользуются абоненты, чтобы звонить, в частности, телефон. Факс или телефакс, минител, программфон, автоответчик, модем, интерактивный голосовой сервер – это другие виды оконечных устройств).

Les systèmes centraux (central téléphonique ou Commutateur téléphonique) sont les systèmes qui disposent de l'intelligence pour établir les communications, les facturer et assurer toutes les fonctions nécessaires à la téléphonie et que les terminaux ne fournissent pas. La diffusion d'un message signalant que le numéro composé n'est plus attribué est un exemple des services rendus par un système central (станционные системы (телефонная станция или телефонный коммутатор) – это системы, располагающие умением устанавливать соединения, высчитывать за них стоимость и осуществлять все необходимые для телефонии функции, которые не выполняют оконечные устройства. Сигнальное сообщение о том, что набранный номер больше не существует, является примером услуг, оказываемых станционной системой).

Les liaisons sont les moyens, tels que les câbles de téléphone (cuivre ou fibre optique) ou les antennes de téléphonie mobile, qui permettent le transport de la communication d'un terminal à l'autre (соединения – это такие средства, как телефонные кабели (медный или оптоволоконный) или антенны для мобильной телефонии, которые делают возможной передачу связи от одного оконечного устройства к другому) [14].

Как видно из приведенного макродискурса, его первое высказывание носит обобщающий характер, а последующие микродискурсы, представленные отдельными пунктами, раскрывают предложенную проблему. Каждому из составляющих блоков посвящено целое сверхфразовое единство, организованное и логически выделенное с помощью катафоры, а все они объединены в единое смысловое целое не только посредством общей катафоры, но и анафорических повторов, а также параллельных конструкций.

Номинативный характер научно-технических текстов определяет преобладание существительных и ослабление семантической роли глагола. В этом плане интересной особенностью текстов по телекоммуникациям является употребление усилительных конструкций для большей акцентуации важности объекта:

C'est au niveau de la bande de base que sont définies les adresses matérielles des périphériques... C'est également la bande de base qui gère les différents types de communication entre les appareils (именно на уровне полосы частот передачи определяются адреса периферийных устройств... Именно полоса частоты передачи устанавливает различные типы связи между аппаратами) [Ibid].

Таким образом, семантика терминологических единиц определенной сферы знаний наиболее очевидно реализуется в процессе их актуализации в

составе синтаксических структур. Характер научного изложения: точность, логичность, краткость, определяет набор синтаксического инвентаря наиболее оптимальным способом отвечающего задачам научно-технического дискурса, и организацию этих синтаксических единств в более крупные коммуникативные блоки. Характерные синтаксические особенности реализации телекоммуникационных терминов в дискурсе – употребление сложно-подчиненных предложений, усложненных вводными конструкциями, причастными и инфинитивными оборотами, синонимическими лексическими повторами, аббревиатурными и символными формами, использование параллелизма, независимых причастных оборотов и усилительных конструкций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова, Н.Д.* Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М. : Языки рус. культуры, 1998. – 896 с.
2. *Карасик, В.И.* О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. ст. / Волгогр. гос. пед. ун-т ; под науч. ред. В.И. Карасика. – Волгоград : Изд-во Волгогр. ин-та, 2000. – С. 5–20.
3. *Звегинцев, В.А.* Язык и лингвистическая теория / В.А. Звегинцев. – М. : Едиториал УРСС, 2001. – 246 с.
4. *Костомаров, В.Г.* Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики / В.Г. Костомаров. – М. : Гардарики, 2005. – 287 с.
5. *Карасик, В.И.* Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М. : ИТГДК Гнозис, 2002. – 333 с.
6. *Карасик, В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 331 с.
7. *Лосев, А.Ф.* Введение в общую теорию языковых моделей / А.Ф. Лосев. – М. : Изд-во ЛКИ, 2004. – 267 с.
8. *Олешков, М.Ю.* Системное обоснование дискурсивной модели: лингвопрагматический подход / М.Ю. Олешков // Вопр. филологии. – 2006. – № 1(22). – С. 39–43.
9. *Reboul, A.* De l'interprétation de l'énoncé à l'interprétation du discours / A. Reboul, J. Moeschler // Pragmatique du discours. – Paris : Armand Colin, 1998. – 220 p.
10. *Calais, F.* Cohérence et discours / F. Calais. – Paris : PUPS, 2006. – 436 p.
11. *Сизова, А.М.* От рубрики до подзаголовка: когнитивная и прагмаобразующая функция в комплексной категории французского публицистического дискурса / А.М. Сизова // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2009. – № 3(40). – С. 124–131.
12. *Мишланова, С.Л.* Термин в медицинском дискурсе (образование, функционирование, развитие): автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / С.Л. Мишланова. – М., 2003. – 39 с.

13. Капацинская, Е.В. Функционирование термина и точность научной речи / Е.В. Капацинская // Термины в научной и учебной лит-ре : сб. науч. ст. / Горьк. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского ; под науч. ред. В.Н. Немченко. – Горький. – 1989. – С. 21–30.
14. Wikipédia [Electronic resource]. – 2006. – Mode of access : <http://fr.wikipedia.org>. – Date of access : 15.11.07.
15. Разинкина, Н.М. Об одном из способов синтаксической реализации научной прозы (стилистический прием параллелизма) / Н.М. Разинкина // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков : сб. науч. ст. / МГУ ; под науч. ред. Е.С. Троянской. – М. : Наука, 1976. – С. 59–90.

The article is a study of syntactic peculiarities of discourse realization of technical terms semantics. The structure of texts is determined by a discourse model as affected by some linguistic factors demanding certain verbal and non-verbal means. Patterns of syntactic structures most typical for this field of technology are revealed. Cohesion and coherence are the fundamental characteristics defining the syntactic structure of textual base of discourse that assist a logical text construction as well as adequate transmission, perception and interpretation of information.

Поступила в редакцию 14.09.10

В.В. Яскевич

ТОНАЛЬНО-МЕЛОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ

В статье рассматривается проблема просодических модификаций речи, обусловленных гендерной принадлежностью говорящего. Доказывается нетождественность понятий пола и гендера. Проведенный аудитивный эксперимент позволил установить, лингвистическую природу различий между мужской и женской речью. Определены также конкретные стратегии и тактики, позволяющие говорящим эксплицитно концепты «мужественность» и «женственность». Экспериментально доказано, что гендерные расхождения не ограничиваются смещением среднечастотной частоты основного тона. Мужская и женская речь обнаруживает существенные расхождения в частотности, дистрибуции и характере реализации интонационных моделей. Описанные в исследовании гендерные различия релевантны прежде всего в американской культуре.

Гендерные исследования в лингвистике активно разрабатываются вот уже в течение четырех десятилетий. В рамках новой когнитивной парадигмы, предусматривающей антропоориентированный подход к изучению языка и коммуникации, понятным становится интерес ученых к полу человека, как к одной из его экзистенциальных характеристик. Актуальность гендерных исследований становится очевидной в рамках широко известной теории лингвистического детерминизма Сепира и Уорфа. Согласно этой теории,

язык не только претерпевает изменения благодаря восприятию человеком окружающей действительности, но и сам активно влияет на характер этого восприятия. Человек мыслит в пределах картины мира, созданной родной культурой и родным языком в его сознании [1]. Гендерные особенности, находящие отражение в языке, также составляют часть этой ментальной картины. Таким образом, знание, активизация или, напротив, затушевывание этих особенностей в конкретных ситуациях общения, в конкретной культуре может способствовать эффективности процесса коммуникации или вести к коммуникативным неудачам.

На первый взгляд может показаться, что различия в речи мужчин и женщин имеют физиологическую природу. Действительно, ряд исследований подтверждает не только очевидные расхождения в размерах речевого тракта, но и в особенностях строения головного мозга у мужчин и женщин. Известно, что размеры участка коры височной доли, связанного с зоной Вернике в правом полушарии, у женщин могут быть больше, чем у мужчин [2]. В ходе экспериментов по изучению электрической активности мозга при запоминании было выдвинуто предположение, что мозг мужчин более асимметричен, а у женщин речевые функции распределены в обоих полушариях. В связи с этим выдвигается предположение о том, что женщины используют вербально-аналитические стратегии даже в решении невербальных задач. Также исследователи выявили различия в специализации правого полушария у мужчин и женщин. Данные С. Спрингер говорят о различиях в распределении вербальных и пространственных функций между полушариями. Результаты исследований свидетельствуют о том, что женщины легче справляются с языковыми задачами, в то время как мужчины превосходят их в решении задач пространственного характера. Эти различия начинают проявляться уже в детском возрасте [3].

Несмотря на все исследования о различиях в анатомии мозга мужчин и женщин, влияющих на речевую деятельность, вышеизложенные факты едва ли можно считать абсолютно достоверными, так как средние различия, связанные с асимметрией мозга у мужчин и женщин, не являются значительными. Более того, большое количество индивидуальных особенностей как женщин, так и мужчин затрудняет систематизацию описания. В конечном счете, биологический фактор нельзя считать определяющим при выявлении гендерной дифференциации в языке и речи.

В литературе справедливо отмечается, что гендерные различия в языке не столько биологически детерминированы, сколько социально и культурно обусловлены [4; 5]. Понятия пола и гендера не идентичны, что обусловлено неразрывной связью между культурой и пониманием гендера. В различных культурах *гендер* трактуется по-разному и во многом зависит от того, какие социальные роли мужчины и женщины выполняют в обществе и семье. Следовательно, речь идет не только о мужском и женском поле, но и о социально-культурных концептах мужественности и женственности [6]. Внешняя манифестация этих концептов происходит через типичные поведенческие модели женщин и мужчин в одинаковых жизненных

ситуациях, через предпочтения в цветах, прическах, одежде. В качестве одного из важнейших гендерных маркеров выступает также манера говорить. В процессе социализации дети усваивают типичные для гендерных групп речевые практики, речевой этикет, дискурсивные стратегии и тактики [7; 8]. Гендер является компонентом как коллективного, так и индивидуального сознания, поскольку в процессе речевого общения индивид осознает себя лицом определенного пола и одновременно испытывает давление извне и чувствует необходимость соответствовать коллективному видению гендера.

Проведенные исследования свидетельствуют о том, что гендерная специфика пронизывает все уровни языка. Известно, например, что в англосаксонской культуре женщины гораздо чаще, чем мужчины пользуются разделительными вопросами, что часто придает запросу об информации оттенок неуверенности и некатегоричности – чертами, в большей степени ассоциируемыми с женственностью [9; 10]. Женская речь, в отличие от мужской, изобилует вводными конструкциями, особенно в выражениях просьбы и требования. Употребление многочисленных вводных слов позволяет выразить требование в несколько смягченной, непрямой форме и избежать потенциального конфликта и агрессии, главным образом ассоциируемых с мужественностью [11]. На лексическом уровне наблюдается асимметрия в тематических областях – женщины способны детально дифференцировать лексику, касающуюся моды, способов приготовления пищи, ухода за детьми, в то время как мужчины тонко дифференцируют лексику в семантических полях, связанных с техникой и спортом. В речи женщин частотны слова типа *sweet, lovely, cute*, а также уменьшительно-ласкательные формы, подчеркивающие одновременно красоту и хрупкость, что не характерно для речи мужчин [12].

Фонетический уровень в гендерных исследованиях фигурирует значительно реже. Анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что сфера голоса и просодии демонстрирует переплетение культурного и природного. Одной из явных причин различия мужских и женских голосов, безусловно, выступает анатомия. Женская гортань в среднем меньше, чем мужская, а, следовательно, женские голосовые связки короче мужских. Длина речевого тракта у среднестатистического мужчины также на 20% длиннее, чем у женщин. Отсюда следует, что мужчины, как правило, обладают более низким голосом. Оба пола, однако, могут владеть всем спектром регистров, но не использовать все его возможности [5].

Большой интерес представляет собой спектральный анализ мужских и женских голосов. Экспериментально доказано, что формантные частоты мужских и женских голосов во многих культурах различаются больше, чем можно было бы предположить исходя из подсчетов, основанных на биологических предпосылках. Благодаря устойчивым гендерным конвенциям анатомические различия закрепляются говорящими еще прочнее. Исследователи обращают внимание на преднамеренное занижение голоса мужчинами и завышение голоса женщинами [13]. Высокий голос женщин

расценивается как привлекательный, нежный и спокойный, а низкий мужской – как сильный, мужественный, характерный. Таким образом, качество голоса и манера говорить определяют не только идиолект, но и так называемый гендерлект говорящего [13].

В отношении интонации Дэвид Кристалл пишет, что интуитивные представления о женственности состоят в расширении диапазона голоса с эффектами глиссандо между ударными слогами. Мужчины, в свою очередь, избегают частых скачков тона, поскольку такой голос представляется им «жеманным» и не вписывается в концепт мужественности [14]. Таким образом, в сфере голоса и интонации мужественность и женственность также ритуализируются. Этот факт легко доказуем. Достаточно привести пример традиции озвучивания мультипликационных фильмов в Великобритании. Многие популярные английские мультсериалы (“Fireman Sam”, “Postman Pat” и др.) озвучиваются одним человеком – мужчиной или женщиной. При этом диктор успешно справляется с озвучиванием не только героев своего пола, но и удачно передает манеру речи противоположного пола.

Цель настоящего исследования состояла в более детальном изучении тонально-мелодических особенностей в речи англоговорящих женщин и мужчин. Аудиозаписи, составившие экспериментальный материал, были получены с участием восьми испытуемых – четырех мужчин и четырех женщин. Все участники эксперимента явились носителями стандартного американского варианта английского языка. Испытуемым было предложено рассказать случай из жизни или поделиться впечатлениями от посещения Минска. Для психологического комфорта и естественности коммуникации в студии помимо говорящего всегда присутствовал собеседник. В результате был получен корпус спонтанных устных текстов, реализованных мужскими и женскими голосами. Спонтанность речевого производства была одним из условий данного эксперимента. Представляется, что именно в спонтанной речи идиолект, а, следовательно, и гендерлект говорящего проявляется наиболее ярко, поскольку в данном случае свобода в отборе средств языкового выражения практически ничем не ограничена.

На следующем этапе группе специалистов в области фонетики английского языка было предложено выполнить просодическую транскрипцию устных высказываний в соответствии с принятой системой условных обозначений. Обработанный таким образом экспериментальный материал анализировался на предмет частотности и дистрибуции различных видов реализации предъядерных и ядерных частей интонационных контуров.

Изучение полученной разметки текстов подтверждает известный в литературе факт большей изрезанности мелодических контуров в речи женщин по сравнению с речью мужчин. Статистическая обработка экспериментальных данных позволила установить конкретные черты интонационных моделей, способствующие этому впечатлению (таблица). В частности, высокая предшкала в женской речи была произнесена в 13 % интонационных групп, что, по крайней мере, в три раза больше, чем в мужской речи.

Распределение различных видов шкал в мужской и женской речи, %

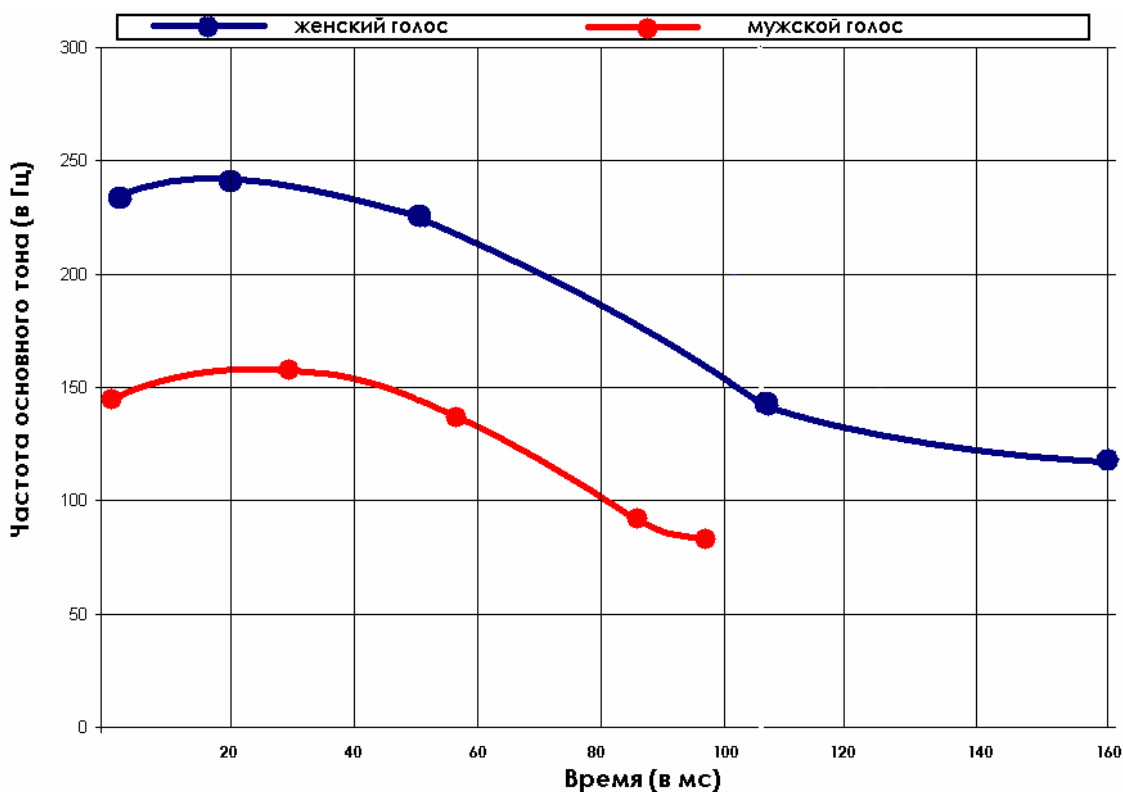
Тип речи	Типы шкал						
	m m	m · m	↘ m ↘ m	m m	m m	↗ m ↗ m	m m m
Женская	18	53	12	1	4	6	6
Мужская	14	69	16	0	0	1	0

Среднедикторская частота основного тона в женском голосе выше, чем в мужском почти на 100 Гц. При этом нельзя сказать, что все варьирование высоты голоса в речи женщин просто смещается в более высокую зону ч.о.т. Тонально-мелодические перепады в женской речи также более контрастны. В частности, как показывают полученные данные, отношение уровня высоты голоса на первом полноударном слоге фразы к среднему уровню в женской речи составило 1,8, а в речи мужчин – только 1,4.

Анализ показателей ч.о.т. наиболее частотного нисходящего типа мелодического завершения как в речи женщин, так и в речи мужчин проводился путем фиксирования значений ч.о.т. через каждые 10 мс. Обобщение полученных данных свидетельствует о наличии в кривой ч.о.т. нисходящего тонального контура нескольких стадий реализации. Первая стадия представляет собой восхождение к мелодическому максимуму. Как правило, эта часть контура незначительна по своей протяженности и характеризуется небольшой скоростью изменения ч.о.т. Вторая часть контура – это начало нисходящего движения, которое имеет довольно пологую форму. Отличительным признаком третьей части, позволяющим выделить ее как отдельную стадию, является крутое падение со скоростью изменения ч.о.т. около 10Гц/мс. Наконец, четвертая часть контура представляет собой завершение нисходящего движения с резким спадом крутизны падения ч.о.т. Далее нами были вычислены средние длительности каждой из стадий, а также начальные и конечные точки изменения ч.о.т. в каждой из них. Полученные усредненные значения нанесены на график (рисунок).

Как видно из графика, при одинаковом темпе речи реализации нисходящего тона в речи женщин и мужчин имеют практически одинаковую конфигурацию. Как и ожидалось, нисходящий контур, произнесенный мужским голосом, реализуется параллельно женскому варианту в зоне на 100 Гц ниже. Заметное различие заключается только в сокращении временной протяженности третьей и, особенно, четвертой части тонального контура. В речи мужчин они значительно короче. Таким образом, для женского голоса характерно некоторое затягивание терминального тона.

Описанные в исследовании гендерные различия релевантны прежде всего в американской культуре. Вопрос о степени их универсальности можно решить лишь посредством межъязыкового сопоставительного анализа. Подобный анализ позволил бы выделить ядро константных гендерных признаков, являющихся универсально-типологическими явлениями. За границами ядра находятся периферийные признаки, составляющие конкретно-языковые особенности лингвистического выражения гендера.

Реализация нисходящего тона в мужской и женской речи

В процессе коммуникации гендер играет такую же роль, как и другие экстралингвистические факторы, а именно, возраст, этническая и социальная принадлежность, уровень образования, профессия и т.д. В большинстве случаев все эти факторы взаимодействуют, а в ряде случаев пол коммуникантов не имеет никакого значения. Изучение взаимодействия гендера с другими экстралингвистическими факторами, на наш взгляд, составит перспективу будущих исследований в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Whorf, B.L.* Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf / B.L. Whorf; ed. J.V. Carroll. – Cambridge : MIT Press, 1964. – 290 с.
2. *Воронин, Л.Г.* О функциональной асимметрии головного мозга детей и объеме их кратковременной памяти / Л.Г. Воронин, В.Ф. Коновалов, Ж.И. Бурковецкая // Функциональная асимметрия и адаптация человека : сб. науч. ст. ; под ред. В.П. Казначеева [и др.]. – М. : Наука, 1976. – С. 103–105.
3. *Springer, P.S.* Left Brain, Right Brain: Perspectives From Cognitive Neuroscience (Series of Books in Psychology) / P.S. Springer, G. Deutsch. – 5th ed. – N.Y. : W.H. Freeman and Company ; Worth Publ. – 2001. – 406 p.
4. Гендерная лингвистика : учеб.-метод. комплекс / Полоц. гос. ун-т ; сост. М.Д. Пугрова. – Новополоцк : ПГУ, 2005. – 128 с.

5. Гендер и язык / Моск. гос. лингв. ун-т ; науч. ред. и сост. А.В. Кирилина. – М. : Языки слав. культуры, 2005. – 624 с.
6. *Потапова, Р.К.* Язык, речь, личность / Р.К. Потапова, В.В. Потапов. – М. : Языки слав. культуры, 2006. – 496 с.
7. *Казанчян, Н.П.* Комплексный подход к изучению стратегий речевого поведения гендеров / Н.П. Казанчян // Интегративные тенденции в современном социально-гуманитарном знании : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 16–17 нояб. 1999 г. / Минск. гос. лингв. ун-т ; редкол. : И.Я. Левяш [и др.]. – Минск, 2000. – С. 164–169.
8. *Першай, А.Ю.* Речевое поведение в свете гендерного подхода / А.Ю. Першай // Язык и культура: Проблемы современной этнолингвистики : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 2–4 нояб. 2001 г. / Минск. гос. лингв. ун-т. – Минск, 2001. – С. 101–106.
9. *Путрова, М.Д.* Актуальные проблемы исследования языка в гендерном плане / М.Д. Путрова // Современные тенденции в романо-германской филологии и методике преподавания иностранных языков : материалы Междунар. науч. конф. студентов и преподавателей, Брест, 17–18 апр. 2002 г. / Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина ; отв. ред. : А.Н. Гарбалев. – Брест, 2002. – С. 124–127.
10. *Путрова, М.Д.* Гендерный взгляд на проблему языковой картины мира / М.Д. Путрова // Языковое разнообразие как фактор межкультурного взаимопонимания и демократической стабильности : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 4–5 дек. 2001 г. : в 2 ч. / Минск. гос. лингв. ун-т ; редкол. : Н.П. Баранова [и др.]. – Минск, 2001. – Ч. 1. – С. 50–53.
11. *Потапов, В.В.* Дифференциация русской звучащей речи с учетом гендерного фактора / В.В. Потапов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – 2002. – № 6. – С. 70–79.
12. *Григорян, А.А.* Гендерные лингвистические исследования в США (70–80-е годы XX столетия) / А.А. Григорян // Социальная власть языка : сб. науч. тр. / Воронеж. гос. ун-т ; отв. ред. Л.И. Гришаева. – Воронеж, 2001. – С. 96–101.
13. *Moosmüller, A.* Kulturen in Interaktion: Deutsche Und Us-Amerikanische Firmenentsandte in Japan / A. Moosmüller. – München : Waxmann Verl. GmbH. – 1997. – 252 p.
14. *Crystal, D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1996. – 489 p.

The aim of the present article was to determine linguistically relevant phonetic features displaying gender differences in oral speech. The conducted experiment revealed that the phonetic differences between male and female speech are found in the frequency distribution and the nature of tonal contours employed by the speakers.

Поступила в редакцию 22.09.10

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

С.В. Кавалёнак

ПРЭФІКС *па-* І ТЭМПАРАЛЬНЫЯ СПАСАБЫ
ДЗЕЯСЛОЎНАГА ДЗЕЯННЯ

Статья посвящена изучению закономерностей реализации значений темпоральных способов глагольного действия (СГД), реализуемых префиксом *па-* при присоединении к невозвратным глаголам, установлению места таких глаголов в лексической системе белорусского языка. Классификация производных невозвратных глаголов с префиксом *па-* проводится с учетом дифференцированных признаков, содержащихся в значениях СГД, и взаимосвязи значений СГД с релевантными лексико-грамматическими категориями глагола (вида, переходности/непереходности, невозвратности, кратности/некратности). Данный подход описания СГД позволяет последовательно классифицировать производные глаголы и их производящие по разным лексико-семантическим группам. Описание СГД осуществляется с учетом стилистической маркированности значений ингрессивной разновидности начинательного подтипа и уменьшительно-ограничительного подтипа темпоральных СГД производящего и производного слов.

Артыкул прысвечаны вывучэнню заканамернасцей рэалізацыі значэнняў тэмпаральных спосабаў дзеяслоўнага дзеяння (СДД), якія актуалізуе прэфікс *па-* пры далучэнні да незваротных дзеясловаў, і ўстанаўленню месца такіх прэфіксальных дзеясловаў у лексічным складзе беларускай мовы.

Для дасягнення пастаўленай мэты неабходна вырашыць наступныя задачы:

- устанавіць корпус дзеясловаў інгрэсіўнай разнавіднасці пачынальнага падтыпу і памяншальна-абмежавальнага падтыпу тэмпаральных СДД з прэфіксам *па-* і іх матывавальныя;

- выявіць лексіка-семантычныя групы (ЛСГ), якія фарміруюць выяўленыя матывавальныя і матываваныя дзеясловы;

- выявіць граматычныя межы рэалізацыі дэрыватаў тэмпаральных СДД;

- даследаваць стылістычную характарыстыку значэнняў тэмпаральных СДД выяўленых дэрыватаў і яе наяўнасць у семантыцы матывавальных дзеясловаў.

Аб'ектам даследавання з'явіліся незваротныя дзеясловы з прэфіксам *па-*, які актуалізуе значэнні інгрэсіўнай разнавіднасці пачынальнага падтыпу і памяншальна-абмежавальнага падтыпу тэмпаральных СДД. Фактычны матэрыял выяўлены метадам суцэльнай выбаркі з "Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы" [1]. Агульная колькасць выяўленых дэрыватаў – 519 адзінак, з якіх 117 з'яўляюцца стылістычна маркіраванымі. Класіфікацыя ЛСГ, па якой праводзілася групоўка дэрыватаў з прэфіксам *па-* і іх матывавальных, узята з "Тлумачальнага слоўніка рускіх дзеясловаў: ідэаграфічнае апісанне. Англійскія эквіваленты. Сінонімы. Антонімы" [2].

Способы дзеяслоўнага дзеяння – гэта лексіка-словаўтваральныя групы дзеясловаў, аб’яднаныя колькасна-часавымі ці спецыяльнымі характарыстыкамі дасягнення выніку [3; 4].

Следам за Н.С. Авілавай, мы адрозніваем *тры тыпы СДД: тэмпаральныя, колькасныя і спецыяльна-выніковыя* з характэрнымі для кожнага падтыпамі і разнавіднасцямі. У *тэмпаральных СДД* выдзяляюцца тры падтыпы: пачынальны з інхаатыўнай і інгрэсіўнай разнавіднасцямі; абмежавальны з падоўжана-абмежавальнай (з адносна вялікай часавай дыстанцыяй) і памяншальна-абмежавальнай (з адносна малой часавай дыстанцыяй) разнавіднасцямі; фінітыўны. У *колькасных СДД* на падставе прыкметы аднакратнасці/неаднакратнасці дзеяння вылучаюцца падтыпы: аднакратны, памяншальны і змякчальны; многакратны, перарывіста-змякчальны, працягла-дыстрыбутыўны, працягла-аслаблены, суправаджальны, працягла-дыстрыбутыўна-ўзаемны, ускладнена-інтэнсіўны. Выдзяляюцца пяць падтыпаў *спецыяльна-выніковых СДД*: дыстрыбутыўны, інтэнсіўны, камплетыўны, накапляльна-сумарны і тэрмінатыўны [5, с. 270–271].

Неабходна адзначыць, што СДД характарызуюцца цеснай сувяззю з лексічным значэннем дзеяслова, яго лексіка-граматычнымі катэгорыямі (трываннем, пераходнасцю, зваротнасцю, кратнасцю) і словаўтваральнымі працэсамі. Гэтыя асаблівасці былі ўлічаны пры аналізе фактычнага матэрыялу: класіфікацыя праводзілася з выкарыстаннем граматыка-словаўтваральных мадэлей [4, с. 26]. (у межах якіх рэалізуюцца значэнні тэмпаральных СДД); прымяненне кампанентнага аналізу дазволіла супаставіць семантычныя структуры матывавальных і матываваных дзеясловаў, выявіць дыферэнцыйныя прыкметы СДД у семантыцы дэрыватаў з прэфіксам *па-* і суаднесці іх з тыповым лексічным і словаўтваральным значэннямі.

У беларускай мове прэфікс *па-* актуалізуе значэнні інгрэсіўнасці і памяншальнай абмежавальнасці тэмпаральных спосабаў дзеяслоўнага дзеяння. Тэмпаральныя СДД характарызуюць дзеянне як працэс, які мае часавыя межы свайго праяўлення. Выяўленне значэння інгрэсіўнай разнавіднасці пачынальнага падтыпу тэмпаральных СДД праводзіцца на аснове наступных дыферэнцыяльных прыкмет [6]: 1) аднабаковасць часавай мяжы; 2) пачатак часавай мяжы дзеяння; 3) пачатак і працягласць дзеяння ўспрымаюцца як адзінае цэлае. Што датычыцца значэння памяншальна-абмежавальнага падтыпу, то для яго характэрны наступныя прыкметы: 1) двухбаковасць часавай мяжы; 2) пачатак/заканчэнне часавай мяжы дзеяння; 3) абмежаванне дзеяння ў часе; 4) адносна малая дыстанцыя паміж часавымі межамі.

Маркіраванасць СДД рэlevantнымі лексіка-граматычнымі катэгорыямі і іх суаднесенасць з пэўнымі лексічнымі і словаўтваральнымі значэннямі дазваляе прасачыць, як значэнні інгрэсіўнай разнавіднасці пачынальнага падтыпу і падоўжана-абмежавальнага падтыпу тэмпаральных СДД функцыянуюць у дзеясловах розных лексіка-семантычных груп (ЛСГ).

Выяўленыя дэрываты і іх матывавальныя размяркоўваюцца па наступных ЛСГ: дзеясловаў руху суб'екта, перамяшчэння аб'екта, памяшчэння аб'екта ці яго пакрыцця, фізічнага ўздзеяння на аб'ект, стваральнай дзейнасці, інтэлектуальнай дзейнасці, моўнай дзейнасці, сацыяльнай дзейнасці, гучання, фізіялагічнага дзеяння, існавання, якаснага стану, уладання, міжасабовых адносін, сацыяльных адносін.

Інгрэсіўная разнавіднасць пачынальнага падтыпу тэмпаральных СДД

Дзеясловы інгрэсіўнай разнавіднасці пачынальнага падтыпу тэмпаральных СДД утвараюцца пры далучэнні прэфікса *па-* да невытворных дзеясловаў лексіка-семантычных груп руху суб'екта, перамяшчэння аб'екта, якаснага стану ў межах трох граматычных мадэлей $V_{np.} \rightarrow V_{np.}$, $V_p. \rightarrow V_p.$, $V_p. \rightarrow V_{np.}$.¹ У ТСБМ быў зафіксаваны 51 дэрыват, у тым ліку 20 размоўнага стылю.

Значэнне інгрэсіўнасці выяўлена ў 39 дзеясловах, якія разам са сваімі матывавальнымі фарміруюць ЛСГ руху суб'екта (19 маюць стылістычную памету *разм.*). Усе выяўленыя вытворныя дзеясловы рэалізуюцца па мадэлі $V_{np.} \rightarrow V_{np.}$ (як адзначалася вышэй, матывавальныя з'яўляюцца незваротнымі дзеясловамі незакончанага трывання): *бегчы* → *па-бегчы*, *валіць* → *па-валіць*, *веславаць* → *па-веславаць*, *кročыць* → *па-кročыць*.

Стылістычна маркіраваныя дзеясловы размяркоўваюцца па дзвюх групах: першую фарміруюць лексемы, матывавальныя якіх не маюць ніякай стылістычнай афарбоўкі (усяго выяўлена 12 лексем), другую складаюць дзеясловы, матывавальныя якіх з'яўляюцца размоўным словам (5): *ціснуць* (разм.) → *па-ціснуць* (разм.), *вандраваць* (разм.) → *па-вандраваць* (разм.), *дыбаць* (разм.) → *па-дыбаць* (разм.), *кльпаць* (разм.) → *па-кльпаць* (разм.); *шоргаць* → *па-шоргаць* (разм.), *шпацыраваць* → *па-шпацыраваць* (разм.).

Суаднесенасць семантычных структур дзеясловаў *пацокаць* і *цокаць*, *пашпарыць* і *шпарыць* дазволіла выявіць несупадзенне семантычнага аб'ёму матывавальнага і матываванага слоў: *цокаць* 'утвараць адрывістыя кароткія гукі пры ўдары чым-н. цвёрдым аб камень, метал і пад.' [1. Т. 5, кн. 2] → *па-цокаць* (разм.) 'пайсці, пабегчы цокаючы' [1. Т. 4, с. 136]; *шпарыць* (разм.) 'рабіць што-н. з асобай сілай, энергіяй, імпэтам і пад.' [1. Т. 5, с. 387] → *па-шпарыць* (разм.) 'хутка пайсці або паехаць' [1. Т. 4, с. 147]. Выяўленае разыходжанне ў семантыцы названых дзеясловаў дазваляе аднесці іх да розных ЛСГ: першы з названых матывавальных – да ЛСГ гучання, другі – да ЛСГ сацыяльнай дзейнасці, абодва матываваныя фарміруюць ЛСГ руху суб'екта (іх граматычныя мадэлі рэалізацыі $V_{np.} \rightarrow V_{np.}$, $V_p. \rightarrow V_{np.}$).

У беларускай мове ў ЛСГ дзеясловаў накіраванага перамяшчэння аб'екта ўваходзіць 9 дзеясловаў, у тым ліку адзін размоўнага стылю. Граматычная мадэль рэалізацыі выяўленых дзеясловаў $V_p. \rightarrow V_p.$: *валачы* → *па-валачы*, *везці* → *па-везці*, *несці* → *па-несці*, *цягнуць* → *па-цягнуць*, *тарабانیць* (разм.) → *па-тарабانیць* (разм.).

¹ Сімвалы абазначаюць: V – дзеяслоў, np. – непераходны, p. – пераходны.

Значэнне інгрэсіўнасці зафіксавана ў семантычнай структуры трох дзеясловаў, якія ўтвараюцца ў межах граматычнай мадэлі V_{нп.}→V_{нп.} ад дзеясловаў ЛСГ **якаснага стану**: *дзьмуць* → *па-дзьмуць*, *дуць* → *па-дуць*, *вець* → *па-вець*.

Такім чынам, у беларускай мове значэнне інгрэсіўнай разнавіднасці пачынальнага падтыпу тэмпаральных СДД актуалізуе прэфікс *па-*, які далучаецца да дзеясловаў толькі трох ЛСГ. 49 дэрыватаў разам са сваімі матывавальнымі фарміруюць адну ЛСГ. Матэрыял паказвае, што ад матывавальных кожнай групы дэрываты ўтвараюцца па адной пэўнай граматычнай мадэлі. Найбольш прадуктыўна пры ўтварэнні дзеясловаў названых СДД ужываюцца невытворныя дзеясловы ЛСГ руху суб'екта (76 %), затым дзеясловы ЛСГ перамяшчэння аб'екта (17 %) і якаснага стану (5 %).

Памяншальна-абмежавальны падтып тэмпаральных СДД

Дзеясловы памяншальна-абмежавальнага падтыпу тэмпаральных СДД утвараюцца пры далучэнні прэфікса *па-* да невытворных дзеясловаў лексіка-семантычных груп руху суб'екта, перамяшчэння аб'екта, памяшчэння аб'екта ці яго пакрыцця, фізічнага ўздзеяння на аб'ект, стваральнай дзейнасці, інтэлектуальнай дзейнасці, моўнай дзейнасці, сацыяльнай дзейнасці, гучання, фізіялагічнага дзеяння, існавання, якаснага стану, уладання, міжасабовых адносін, сацыяльных адносін у межах трох граматычных мадэлей V_{нп.}→V_{нп.}, V_{п.}→V_{п.}, V_{нп.}→V_{п.}.

Метадам суцэльнай выбаркі з ТСБМ было выдзелена 468 дэрыватаў: 466 дэрыватаў разам са сваімі матывавальнымі фарміруюць адну ЛСГ, 4 дзеясловы ў беларускай літаратурнай мове выступаюць у двух фанетычных варыянтах, ужыванне 97 абмежавана гутарковай мовай.

У ТСБМ зафіксавана 33 дэрываты са значэннем інгрэсіўнасці, якія фарміруюць ЛСГ **руху суб'екта**. Усе выяўленыя вытворныя дзеясловы рэалізуюцца па мадэлі V_{нп.}→V_{нп.}: *брадзіць* → *па-брадзіць*, *вандраваць* → *па-вандраваць*, *кружыць* → *па-кружыць*, *сноваць* → *па-сноваць*. Дзесяць дзеясловаў маюць стылістычную памету *разм.*, у сямі з іх назіраецца стылістычная суаднесенасць матывавальнага і матываванага слоў, напрыклад: *блукаць* → *па-блукаць* (разм.), *гоцаць* (разм.) → *па-гоцаць* (разм.), *шпацыраваць* → *па-шпацыраваць* (разм.), *пыліць* (разм.) → *па-пыліць* (разм.), *пятляць* (разм.) → *па-пятляць* (разм.), *шлёпаць* (разм.) → *па-шлёпаць* (разм.).

У беларускай мове ЛСГ **перамяшчэння аб'екта** фарміруецца 20 вытворнымі дзеясловамі, якія ўтвараюцца па дзвюх граматычных мадэлях, і іх матывавальнымі. Сем лексем рэалізуюць значэнне памяншальнай абмежавальнасці пры далучэнні прэфікса *па-* да пераходных дзеясловаў накіраванага перамяшчэння (V_{п.}→V_{п.}): *качаць* → *па-качаць*, *цягаць* → *па-цягаць*, *вадзіць* → *па-вадзіць*, *валачы* → *па-валачы*. Утварэнне 13 дэрыватаў, 4 з якіх з'яўляюцца стылістычна афарбаванымі, адбываецца ад дзеясловаў ненакіраванага перамяшчэння ў межах мадэлі V_{нп.}→V_{нп.}, напрыклад: *пырскаць* → *па-пырскаць*, *віляць* → *па-віляць*, *церушыць* → *па-церушыць*,

махаць→*па-махаць*, *тыкаць*→*па-тыкаць* (разм.), *шоргаць*→*па-шоргаць* (разм.), *сыпаць*→*па-сыпаць* (разм.), *віхляць* (разм.)→*па-віхляць* (разм.).

У беларускай мове ў ЛСГ дзеясловаў **памяшчэння аб'екта ці яго пакрыцця** ўваходзіць 9 дзеясловаў, якія рэалізуюцца ў межах граматычнай мадэлі Vп.→Vп., напрыклад: *бяліць*→*па-бяліць*, *тасаваць*→*па-тасаваць*, *лакіраваць*→*па-лакіраваць*.

Значная частка дэрыватаў памяншальна-абмежавальнага падтыпу тэмпаральных СДД утвараецца ад дзеясловаў ЛСГ **фізічнага ўздзеяння на аб'ект**. У ТСБМ зафіксавана 89 дэрыватаў, з якіх 22 маюць памету *разм.* Так, у граматычным дыяпазоне Vп.→Vп. рэалізавана 80 такіх дзеясловаў, з якіх 18 з'яўляюцца стылістычна афарбаванымі (у паловы дэрыватаў матывавальны дзеяслоў стылістычна нейтральны): *капаць*→*па-капаць*, *гайдаць* і *гойдаць*→*па-гайдаць* і *па-гойдаць*, *вагаць*→*павагаць*, *калупаць* (разм.)→*па-калупаць* (разм.), *тыцкаць* (разм.)→*патыцкаць* (разм.), *таўхаць* (разм.)→*па-таўхаць* (разм.), *гушкаць*→*па-гушкаць* (разм.), *ціскаць*→*па-ціскаць* (разм.), *хвастаць*→*па-хвастаць* (разм.). У граматычных межах Vнп.→Vнп. рэалізуецца 9 дэрыватаў, з якіх 4 размоўнага стылю (са стылістычнай суаднесенасцю матывавальнага і матываванага слоў): *шнырыць* (разм.)→*па-шнырыць* (разм.), *ляпаць* (разм.)→*па-ляпаць* (разм.), *цюкаць* (разм.)→*па-цюкаць* (разм.), *шкрабаць* (разм.)→*па-шкрабаць* (разм.), *барабаниць*→*па-барабаниць*, *боўтаць*→*па-боўтаць*, *ляскаць*→*па-ляскаць*, *стукаць*→*па-стукаць*, *чыркаць*→*па-чыркаць*.

У названую ЛСГ уваходзіць дэрыват са значэннем памяншальнай абмежавальнасці, матывавальным якога з'яўляецца дзеяслоў ЛСГ руху суб'екта (Vнп.→Vп.): *гоцкаць* (разм.) 'падскокваць з шумам' [1, Т. 2, с. 72]→*па-гоцкаць* (разм.) 'гушкаць некаторы час' [1, Т. 3, с. 497].

У беларускай мове ЛСГ дзеясловаў **стваральнай дзейнасці** фарміруюць 22 дэрываты памяншальна-абмежавальнага падтыпу, утвораныя па мадэлі Vп.→Vп., і іх матывавальныя: *стругаць*→*па-стругаць*, *гатаваць*→*па-гатаваць*, *пісаць*→*па-пісаць*, *смажыць*→*па-смажыць*, *пячы*→*па-пячы*.

Дзеясловы памяншальна-абмежавальнага падтыпу таксама ўтвараюцца ад дзеясловаў ЛСГ **інтэлектуальнай дзейнасці**. Усяго ў ТСБМ зафіксавана 20 такіх дэрыватаў. Па мадэлі Vп.→Vп. рэалізуецца 9 дэрыватаў, з якіх два стылістычна маркіраваныя: *рашаць*→*па-рашаць*, *слухаць*→*па-слухаць*, *чытаць*→*па-чытаць*, *успамінаць*→*па-ўспамінаць* (разм.), *экзаменаваць*→*па-экзаменаваць* (разм.). Па мадэлі Vнп.→Vнп. утвараецца 11 дзеясловаў, тры з якіх маюць стылістычную афарбоўку: *трызніць*→*па-трызніць*, *фантазіраваць*→*па-фантазіраваць*, *мáрыць*→*па-мáрыць*, *маракаваць* (разм.)→*памаракаваць*(разм.), *мазгаваць* (разм.)→*па-мазгаваць* (разм.), *мудраваць* (разм.)→*па-мудраваць* (разм.). Сярод выяўленых дэрыватаў размоўнага стылю толькі ў трох суадносіцца стылістычная маркіраванасць матывавальнага і матываванага слоў.

Прэфікс *па-* пры злучэнні з 39 дзеясловамі ЛСГ **моўнай дзейнасці** актуалізуе значэнне памяншальна-абмежавальнага падтыпу тэмпаральных СДД.

Такога тыпу дэрываты ўтвараюцца па граматычнай мадэлі Vнп.→Vнп. ад 27 невытворных, з якіх 14 стылістычна маркіраваныя (у 9 дзеясловах матывавальнае слова мае паметы *разм.*): *маўчаць* → *на-маўчаць*, *галасіць* → *на-галасіць*, *гукаць* → *на-гукаць*, *балакаць* (разм.) → *на-балакаць* (разм.), *галёкаць* (разм.) → *на-галёкаць* (разм.), *гаманіць* → *на-гаманіць* (разм.), *сыпаць* (разм.) → *на-сыпаць* (разм.), *пляткарыць* → *на-пляткарыць* (разм.). Акрамя гэтага, утварэнне 12 дэрыватаў адбываецца па мадэлі Vп.→Vп. (дзеяслоў *набалба таць* захоўвае стылістычную афарбоўку матывавальнага слова), напрыклад: *гусці* → *на-гусці*, *дакараць* → *на-дакараць*, *журыць* → *на-журыць*, *мармытаць* → *на-мармытаць*.

Асобную групу фарміруюць дэрываты, якія ўтвараюцца ад дзеясловаў ЛСГ **сацыяльнай дзейнасці**. У ТСБМ падаецца 45 такіх адзінак, 11 з якіх маюць памету *разм.* Паводле граматычнай мадэлі Vнп.→Vнп. рэалізуецца 30 дзеясловаў, у тым ліку 10 размоўнага стылю (6 захоўваюць стылістычную маркіроўку матывавальнага слова): *клапатаць* → *на-клапатаць*, *гарэзіць* → *на-гарэзіць*, *мітынгаваць* → *на-мітынгаваць*, *таргаваць* (разм.) → *на-таргаваць* (разм.), *франціць* (разм.) → *на-франціць* (разм.), *слугаваць* → *на-слугаваць* (разм.), *дурэць* → *на-дурэць* (разм.). Па мадэлі Vп.→Vп. рэалізуецца 15 дзеясловаў (адзін размоўнага стылю), напрыклад: *танцаваць* → *на-танцаваць*, *святкаваць* → *на-святкаваць*, *рабіць* → *на-рабіць*, *нянчыць* → *на-нянчыць*, *марочыць* (разм.) → *на-марочыць* (разм.).

ЛСГ **дзеясловаў гучання** фарміруецца 81 дзеяслоўнай лексмай. 21 дэрыват з'яўляецца стылістычна маркіраваным (для 10 характэрна стылістычная суаднесенасць з матывавальным словам), мадэль іх рэалізацыі Vнп.→Vнп.: *скавытаць* → *на-скавытаць* (разм.), *трашчаць* → *на-трашчаць* (разм.), *чаўкаць* → *на-чаўкаць* (разм.), *екатаць* (разм.) → *на-екатаць* (разм.), *бухаць* (разм.) → *на-бухаць* (разм.), *яўкаць* (разм.) → *на-яўкаць* (разм.). У межах той жа мадэлі утвараецца 58 стылістычна нейтральных дэрыватаў, з іх тры маюць фанетычныя варыянты: *буркаваць* → *на-буркаваць*, *бразгацець* → *на-бразгацець*, *бляяць* → *на-бляяць*, *квактаць* → *на-квактаць* і *квахтаць* → *на-квахтаць*, *цурчаць* → *на-цурчаць* і *цурчэць* → *на-цурчэць*, *крактаць* → *на-крактаць* і *крахтаць* → *на-крахтаць*. Паводле аднаго з лексічных значэнняў дзеясловы *папець*, *паспяваць* разам з іх матывавальнымі можна аднесці да апісваемага тыпу (Vп.→Vп.).

Значэнне памяншальна-абмежавальнага падтыпу тэмпаральных СДД актуалізуе прэфікс *на-* пры далучэнні да невытворных дзеясловаў ЛСГ **фізіялагічнага дзеяння**. У ТСБМ зафіксавана 13 дэрыватаў названага падтыпу, з якіх адзін належыць размоўнаму стылю, утвораных па мадэлі Vп.→Vп.: *глытаць* → *на-глытаць*, *жлуціць* → *на-жлуціць*, *дзяўбіць* → *на-дзяўбіць*, *хляб-таць* → *на-хлябтаць* (разм.). Апрача таго, у названым слоўніку фіксуецца 9 дэрыватаў, якія рэалізуюцца ў межах мадэлі Vнп.→Vнп.: *глядзець* → *на-глядзець*, *пацець* → *на-пацець*, *лыпаць* → *на-лыпаць*, *кашляць* → *на-кашляць*.

Усе дэрываты ЛСГ **існавання** ўтвараюцца па мадэлі Vнп.→Vнп. Усяго выяўлена 13 такіх дзеясловаў, у тым ліку адзін стылістычна афарбаваны:

тлець→*па-тлець*, *бываць*→*па-бываць*, *гасціць*→*па-гасціць*, *тырчаць* (разм.)→*па-тырчаць* (разм.).

Наступную групу дзеясловаў складаюць дэрываты, матывавальнымі якіх з'яўляюцца дзеясловы ЛСГ **якаснага стану**. У ТСБМ налічваецца 59 кампанентаў. Па мадэлі Vнп.→Vнп. рэалізуецца 49 адзінак (*дзьмуць*→*па-дзьмуць*, *збнуць*→*па-збнуць*, *плакаць*→*па-плакаць*, *зіхаець*→*па-зіхаець*), а па мадэлі Vп.→Vп. – 10 (*марозіць*→*па-марозіць*, *трываць*→*па-трываць*, *раўнаваць*→*па-раўнаваць*). Ёсць у гэтай групе 4 стылістычна маркіраваныя дэрываты (для трох характэрна стылістычная суаднесенасць з матывавальным словам): па мадэлі Vнп.→Vнп. утвараюцца дзеясловы *чаўрэць* (разм.)→*па-чаўрэць* (разм.), *хліпаць* (разм.)→*па-хліпаць* (разм.), *хныкаць*→*па-хныкаць* (разм.), па мадэлі Vп.→Vп. – *тлуміць* (разм.)→*па-тлуміць* (разм.).

Аналіз семантычнай структуры дзеяслова *патрымаць* (Vп.→Vп.) і яго матывавальнага дазваляе аднесці іх да ЛСГ **уладання**.

Менш прадуктыўна ўтвараюцца дэрываты памяншальна-абмежавальнага падтыпу ад дзеясловаў ЛСГ **міжасабовых адносін** (зафіксавана 8 адзінак) і **сацыяльных адносін** (7).

Фактычны матэрыял паказвае, што ў беларускай мове ў межах мадэлі Vнп.→Vнп. утвараецца тры стылістычна маркіраваныя дэрываты і два стылістычна нейтральныя, якія папаўняюць ЛСГ **міжасабовых адносін**: *фліртаваць*→*па-фліртаваць* (разм.), *шалець*→*па-шалець* (разм.), *пляскаць*→*па-пляскаць* (разм.), *какетнічаць*→*па-какетнічаць*, *іранізаваць*→*па-іранізаваць*. У названую групу ўваходзяць таксама тры дэрываты, рэалізаваныя па мадэлі Vп.→Vп.: *балаваць*→*па-балаваць*, *лашчыць*→*па-лашчыць*, *песціць*→*па-песціць*.

Дэрываты са значэннем памяншальнай абмежавальнасці, якія разам са сваімі матывавальнымі фарміруюць ЛСГ **сацыяльных адносін**, рэалізуюцца па мадэлі Vнп.→Vнп.: *гаспадарыць*→*па-гаспадарыць*, *уладарыць*→*па-уладарыць*, *цараваць*→*па-цараваць*, *царстваваць*→*па-царстваваць*, *кіраваць*→*па-кіраваць* (5), і па мадэлі Vп.→Vп.: *пільнаваць*→*па-пільнаваць*, *штрафаваць*→*па-штрафаваць* (2).

Назіранні паказваюць, што дэрываты памяншальна-абмежавальнага падтыпу тэмпаральных СДД і іх матывавальныя фарміруюць 15 ЛСГ. Рэйтынг прадуктыўнасці ўтварэння дэрыватаў названага СДД ад дзеясловаў пэўных ЛСГ выстрайваецца наступным чынам: 19 % (89 адзінак) складаюць дзеясловы, утвораныя ад дзеясловаў ЛСГ фізічнага ўздзеяння, 17 % (81 адзінка) – ад дзеясловаў ЛСГ гучання, 13 % (59) – ад дзеясловаў ЛСГ якаснага стану, 10 % (45) – ад дзеясловаў ЛСГ сацыяльнай дзейнасці, 7 % (33) – ад дзеясловаў ЛСГ руху суб'екта, 8 % (39) – ад дзеясловаў ЛСГ моўнай дзейнасці, 5 % (22) – ад дзеясловаў ЛСГ стваральнай дзейнасці і ЛСГ фізіялагічнага дзеяння, 4 % (20) – ад дзеясловаў ЛСГ перамяшчэння аб'екта і ЛСГ інтэлектуальнай дзейнасці, 3 % (13) – ад дзеясловаў ЛСГ існавання, 2 % (9 і 8) – ад дзеясловаў ЛСГ памяшчэння аб'екта ці яго пакрыцця і ЛСГ міжасабовых адносін, 1 % (7) – ад дзеясловаў ЛСГ сацыяльных адносін.

Несупадзенне стылістычнай маркіраванасці значэння матывавальнага і матываванага дзеясловаў выяўлена ў 37 з зафіксаваных 97 словаўтваральных пар.

283 дэрываты рэалізуюцца ў межах граматычнай мадэлі $V_{нп.} \rightarrow V_{нп.}$, а 185 – у межах мадэлі $V_{п.} \rightarrow V_{п.}$, па мадэлі $V_{нп.} \rightarrow V_{п.}$ утвораны адзін дэрыват. Звяртае на сябе ўвагу адсутнасць дэрыватаў са значэннем руху і значэннем існавання, утвораных па мадэлі $V_{п.} \rightarrow V_{п.}$, а таксама нерэалізаванасць мадэлі $V_{нп.} \rightarrow V_{нп.}$ у ЛСГ дзеясловаў памяшчэння аб'екта ці яго пакрыцця і ЛСГ дзеясловаў стваральнай дзейнасці.

Т а б л і ц а

Граматычныя і стылістычныя межы рэалізацыі інгрэсіўнай разнавіднасці пачынальнага падтыпу і памяншальна-абмежавальнага падтыпу тэмпаральных СДД трох агульных ЛСГ

Тэмпаральныя СДД	Інгрэсіўная разнавіднасць пачынальнага падтыпу				Памяншальна-абмежавальны падтып	
	$V_{нп.} \rightarrow V_{нп.}$		$V_{п.} \rightarrow V_{п.}$		$V_{нп.} \rightarrow V_{нп.}$	
Руху суб'екта	5	13	-	1	7	3
Перамяшчэння аб'екта	1	-	-	-	1	3
Якаснага стану	-	-	-	-	3	1
Стылістычная	М і м	м	М і м	м	М і м	м
	матывавальнага (М) і матываванага (м) слоў					

Аналіз незваротных дзеясловаў з прэфіксам *па-*, які актуалізуе значэнні інгрэсіўнасці і памяншальнай абмежавальнасці, дазваляе прыйсці да наступных агульных вывадаў.

1. Матывавальнымі словамі 356 (76 %) дэрыватаў памяншальна-абмежавальнага падтыпу тэмпаральных СДД з'яўляюцца дзеясловы 12 ЛСГ. Астатнія 112 (23 %) дэрыватаў памяншальна-абмежавальнага падтыпу і ўсе дэрываты інгрэсіўнай разнавіднасці пачынальнага падтыпу ўтвараюцца ад дзеясловаў трох агульных ЛСГ: руху суб'екта (адпаведна 7 % і 76 %), перамяшчэння аб'екта (4 % і 17 %), якаснага стану (13 % і 5 %).

2. Дыферэнцыруючай лексіка-граматычнай дзеяслоўнай катэгорыяй дзеяслова пры ўтварэнні такіх дэрыватаў з'яўляецца някратнасць/кратнасць: прэфікс *па-* рэалізуе значэнне інгрэсіўнасці пры далучэнні да някратных незваротных дзеясловаў, а значэнне памяншальнай абмежавальнасці – да кратных незваротных дзеясловаў.

3. Вывучэне семантычнай структуры мнагазначных матываваных дзеясловаў з прэфіксам *па-* паказаў, што адна і тая ж адзінка можа адносіцца да розных ЛСГ і розных СДД (напрыклад, дэрыват ЛСГ якаснага стану *падзьмуць* з'яўляецца дзеясловам інгрэсіўнай разнавіднасці пачынальнага падтыпу і памяншальна-абмежавальнага падтыпу тэмпаральных СДД).

4. Граматычны дыяпазон рэалізацыі дэрыватаў інгрэсіўнай разнавіднасці пачынальнага падтыпу і памяншальна-абмежавальнага падтыпу тэмпаральных СДД трох агульных ЛСГ, стылістычная маркіраванасць названых значэнняў СДД і лексічных значэнняў матывавальных слоў паказаны ў выглядзе табліцы на с. 151.

ЛІТАРАТУРА

1. Глумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа АН БССР; пад рэд. К.К. Атраховіча. – Мінск: БелСЭ, 1977. – 1984.
2. Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 694 с.
3. *Кавалёнак, С.В.* Спосабы дзеяслоўнага дзеяння і дзеяслоўнае словаўтварэнне ў беларускай і рускай мовах: аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.01, 10.02.02 / С.В. Кавалёнак; Ін-т мовы і літ-ры імя Я. Коласа і Я. Купалы НАН Беларусі. – Мінск, 2008. – 22 с.
4. *Лукашанец, А.А.* Словаўтварэнне і граматыка / А.А. Лукашанец. – Мінск: Права і эканоміка, 2001. – 252 с.
5. *Авилова, Н.С.* Вид глагола и семантика глагольного слова / Н.С. Авилова; отв. ред. С.Г. Бархударов. – М.: Наука, 1976. – 328 с.
6. *Соболева, П.А.* Опыт упорядочения способов глагольного действия / П.А. Соболева // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках: материалы заседания Комиссии по изучению грамматики строя слав. яз. МКС, Москва, 9–11 дек. 1981 г. / АН СССР, Междунар. комитет славистов, Ин-т рус. яз.; редкол.: Н.Ю. Шведова [и др.]. – М.: Наука, 1983. – С. 46–52.

It is the purpose of the article to study the realization of the temporal meanings of verb action mode by prefix *pa-* in Belarusian language. Classification of the temporal verb action mode has been conducted according to lexical and grammatical, word-formation, lexical and semantic characteristics of the meanings of verb action mode.

Поступила в редакцию 07.09.10

В.Ю. ШЫМАНСКАЯ

АСПЕКТЫ СУПАСТАЎЛЯЛЬНАГА АНАЛІЗУ МЕТАФАР УНУТРАНАГА СВЕТУ ЧАЛАВЕКА

Супастаўляльны аналіз метафар, якія рэпрэзентуюць унутраны свет чалавека, павінны ажыццяўляцца з апорай на метады семантычных універсальных і семантычных апазіцый, калі ў працэсе супастаўлення семантыкі метафар з адпаведнымі матывуючымі

значэннямі выяўляюцца агульныя заканамернасці ў метафарычных пераносах, а таксама тып семантычных адносінаў – супадзенне, перасячэнне і несупадзенне.

Сістэматызацыя метафар у межах адной і некалькіх моў ажыццяўляецца з улікам спецыфікі адлюстравання метафарычных значэнняў у слоўніках і адносінаў семантычнай вытворнасці. Для супастаўлення семантыкі метафар, выяўлення метафарычных мадэляў і структуравання метафарычнага поля ўнутранага свету чалавека мэтазгодна выкарыстоўваць метады базавых тлумачэнняў, якія заключаецца ў падборы адносна схематызаваных азначэнняў, якія могуць ужывацца для групы блізкіх паводле семантыкі метафар. Дадзены метады дазваляе ажыццяўляць аўтаматызаваны пошук метафар з пэўным значэннем, а таксама можа выкарыстоўвацца пры ўкладанні электронных слоўнікаў.

Адна з актуальных задач сучаснай кампаратывістыкі – вызначэнне агульнага і спецыфічнага ў моўным адлюстраванні разнастайных з’яў матэрыяльнага і духоўнага свету. Найбольшую цікавасць выклікае супастаўляльны аналіз метафарычнай рэпрэзентацыі ўнутранага свету чалавека ў далёкародных мовах, бо выяўленыя ў яго выніку кагнітыўныя і тыпалагічныя заканамернасці дапамагаюць пацвердзіць існыя і сфармуляваць новыя палажэнні адносна механізмаў вербалізацыі ведаў пра чалавека і свет.

Метафарычнае поле ўнутранага свету чалавека ўяўляе сабой мноства метафарычных праекцый, утвораных у выніку метафарычнага ўжывання найменняў прадметаў і з’яў для абазначэння шырокага кола псіхалагічных паняццяў. Гэтае поле ўключае метафарычныя найменні і характарыстыкі псіхічных працэсаў (*чарвяк цікаўнасці, лёт дум, прыліў няшчоты*), псіхічных станаў (*пахмурасць і незадаволенасць, творчае кіпенне*) і ўласцівасцей асобы (*пачуццёвая мяккасць, душа з чарвяточынай*). Метафары, якія характарызуюць маўленне, паводзіны і адносіны асобы, уключаюцца ў гэта поле як абазначэнні сацыяльна-псіхалагічнага ўзроўню псіхічных станаў.

Тэарэтычная і практычная распрацоўка метадаў супастаўлення метафарычнай лексікі – неабходная ўмова для пабудовы лексічных і семантычных тыпалогій, якая дае аснову для супастаўлення канцэптואльных сістэм розных моў і тлумачэння значэнняў, якія прысутнічаюць у адных мовах і адсутнічаюць у іншых.

У працэсе супастаўлення метафар неабходна звяртаць увагу на семантычныя ўніверсаліі і апазіцыі, на тыпы семантычных адносін паміж метафарамі адной мовы і розных моў, імкнуча вылучыць тыпалагічныя заканамернасці і апісаць суадносіны метафар, пазбягаючы памылак, выкліканых кагнітыўнымі фактарамі (несупадзенне семантычнага аб’ёму адпаведных паняццяў) і недахопамі лексікаграфічнай фіксацыі значэнняў.

Метады семантычных універсалій і семантычных апазіцый. Супастаўляльнае вывучэнне асобных семантычных палёў і канцэптаў з апорай на метады універсалій ажыццяўляецца ў многіх сучасных

даследаваннях. Гэты метада заключаецца ў пошуку рыс, уласцівых усім мовам свету або мовам асобнай групы [1, с. 33]. У Гак прыводзіць прыклад універсальных метафар *цёплы (гарачы)* са значэннем ‘страсны’, ‘інтэнсіўны’ і *халодны* са значэннем ‘вялы’, ‘нячулы’, характэрных для большасці моў [2, с. 20]. Гэты агульны перанос у кожнай з моў мае сваю спецыфіку, якая заключаецца ў прафіляванні таго ці іншага адцення значэння, а таксама ў існаванні спецыфічных значэнняў, якія не маюць паралелей у іншых мовах [2].

Сінестэтычныя метафары, да якіх адносяцца метафарычна пераасэнсаваныя зрокавыя, тэмпературныя, тактыльныя, абаняльныя і смакавыя вобразы, маюць агульную заканамернасць: пераходзячы ў сферу абазначэння іншага адчування, яны страчваюць свае першапачатковыя семантычныя кампаненты і рэалізуюць адцягненыя колькасныя і якасныя значэнні, выражаючы адпаведна інтэнсіўнасць і ацэнку [2, с. 18].

У выніку супастаўлення метафар з матывуючымі значэннямі ‘цяпло’ і ‘халод’ можна канстатаваць, што паказчыкі “тэмпературы адносін” у англійскай мове адрозніваюцца ад такіх у беларускай. Полісемант *warmness, warmth* ‘цеплыня’ абазначае не толькі добразычлівасць, сардэчнасць, але і энтузіязм: *warmth of feeling* ‘гарачыня пачуццяў’. Метафара *heat* ‘жар’ ужываецца для характарызацыі інтэнсіўнасці пачуццяў, асабліва гневу або ўзбуджэння: *to take heat out of disputes* ‘ахаладзіць пал дыскусій’, *the heat of rage* ‘накал гневу’. Неабходна адзначыць, што ў беларускай мове спалучэнні *гарачыня пачуццяў* і *жар пачуццяў* успрымаюцца станоўча, а адпаведныя спалучэнні ў англійскай мове ацэньваюцца як адзначаныя празмернай эмацыянальнасцю.

Абазначэнні нядобразычлівасці, стрыманасці ў беларускай і англійскай мовах прыблізна супадаюць; адрозненне заключаецца ў тым, што ў англійскай мове метафары *frigidness* ‘марознасць, халоднасць’, *frost* ‘мароз’ амаль тоесныя па значэнні да *chilliness* і *coldness*, у той час як для беларусаў *халоднасць* і *лёд* у адносінах – даволі розныя рэчы. Акрамя гэтага, *халоднасць* у беларусаў можа азначаць не толькі раўнадушша і нядобразычлівасць, але і адсутнасць страснасці, энтузіязму, што яшчэ раз пацвярджае культурную неабходнасць зацікаўленасці ў суб’ядніку, прыязнасці да яго. У англійскай мове *coldness* ‘халоднасць’ характарызуецца як ‘недахоп цеплыні, добразычлівасці’.

Метад семантычных апазіцый заключаецца ў характарыстыцы адносін паміж метафарамі ў межах асобных тыпаў метафарычных пераносаў і абавіраецца на супастаўленне метафарычных значэнняў у межах адной мовы, а таксама на супастаўленне адпаведных значэнняў у дзвюх мовах. Метафарычныя значэнні могуць аналізавацца з боку прыватных ці градуальных апазіцый. У першым выпадку значэнне адрозніваецца ад іншага наяўнасцю ці адсутнасцю адметнай рысы, якая называецца карэлятыўнай прыметай. Так, метафары *цвёрдасць* і *firmness* з’яўляюцца эквівалентнымі, метафары *solidity* і *toughness* акрамя семы ‘ўпэўненасць’ высвечваюць дадатковыя сэнсавыя адценні: ‘якасць чалавека,

якому можна давяраць’ і ‘ўпэўненасць і мэтанакіраванасць у барацьбе з цяжкасцямі’: *цвёрдасць характару, a natural firmness in his mind* ‘прыродная цвёрдасць яго думкі’, *an aura of reassured solidity* ‘аўра ўпэўненай цвёрдасці’.

Ланцужкі метафар, якія з’яўляюцца прыкладам градуальнай (ступенчатай) апазіцыі, ужываюцца пры супастаўленні метафар у межах асобных метафарычных праекцый. Напрыклад, метафары *хваля, разліў, патап* (агульнае значэнне – ‘інтэнсіўнасць, вялікая колькасць чаго-н.’) адрозніваюцца не якасна, а колькасна – рознай ступенню адной і той прыметы.

Даволі часта метафары ў межах асобных груп могуць адрознівацца як наяўнасцю ці адсутнасцю пэўнай семы, так і ступенню яе праяўлення. Лексіка-семантычныя варыянты ў складзе метафарычнай мадэлі “агонь → эмоцыі” ўтвараюць шкалу інтэнсіўнасці, дзе парадыгматычныя адносіны паміж кампанентамі заснаваны на суаднесенасці афектыўнасці (моцы, непадуладнасці кантролю) пачуццяў з рознымі відамі агню і гарэння, а таксама на пераасэнсаванні кампанентаў тэзаўрусу. Метафара *іскра* і сінанімічныя дэрываты характарызуюць пачатак ці праяўленне якога-небудзь пачуцця, думкі: *іскра радасці, іскра надзеі*. У англійскай мове полісемант *spark* ‘іскра’ абазначае слабаінтэнсіўнае праяўленне пачуцця або ўзбуджэнне, захапленне: *a tiny spark of anger* ‘іскарка гневу’, *a spark between them* ‘іскра паміж імі’.

Метафары *агонь, fire, flame*, што працягваюць семантычную парадыгму, характарызуюць ці называюць жвавасць, душэўны ўздым, страснасць: *у сэрцы агню ханае, агонь душы, the generous critic fanned the poet’s fire* ‘шчодры крытык ахаладзіў пал паэта’, *the devouring fire of passion* ‘усепаглынальнае полымя страсці’, *the flames of passion* ‘полымя страсці’.

Тыпы семантычнай адпаведнасці. У супастаўленні лексікі дзвюх моў ключавым момантам з’яўляецца паняцце семантычнай адпаведнасці (або эквівалентнасці). Для далёкароднасных моў, якімі з’яўляюцца беларуская і англійская, вылучаюць наступныя тыпы адпаведнасці: прыблізная лексічная адпаведнасць (звычайна, гэта словы гістарычна агульнага паходжання, якія падобна гучаць і маюць падобнае значэнне), дакладная лексічная адпаведнасць (семантычныя адносіны супадзення; сустракаецца вельмі рэдка, звычайна ў тэрміналагічнай ці запазычанай лексіцы), прыблізная семантычная адпаведнасць (семантычныя адносіны ўключэння, перасячэння), адсутнасць аднаслоўнага лексічнага адпаведніка (лакуны) [3, с. 89].

Прыклады прыблізнай лексічнай адпаведнасці выяўляюцца ў межах чатырох метафарычных мадэлей унутранага свету чалавека – “Прырода”, “Прадмет”, “Чалавек”, “Працэсы і адносіны”, – напрыклад: *mask* – *маска*, *volcano* – *вулкан*, *immunity* – *імунітэт*, *magnetism* – *магнетызм*. Прыблізная семантычная адпаведнасць характарызуе большасць мета-

фар з адпаведным першасным значэннем у дзвюх мовах. Так, напрыклад, полісеманты *фібры*, *fibre* характарызуюць сутнасць чалавечай душы, пры чым семантычная структура англійскага полісеманта шырэішая за беларускі і ўключае значэнне ‘сіла волі’: *she wanted him with every fibre of her being* ‘яна жадала яго ўсімі фібрамі душы’, *a weak person with no moral fibre* ‘слабы чалавек без сілы волі’. У беларускай мове метафара *фібры* ўжываецца ў абмежаванай колькасці кантэкстаў, звычайна: *ненавідзець усімі фібрамі (душы), жадаць усімі фібрамі (душы)*.

Эквівалентнасць можа быць фармальнай (фармальна-структурнай) і дынамічнай (рэферэнцыяльнай). У першым выпадку існуе максімальна падобны па значэнні лексічны адпаведнік, у другім – найбольш блізкі натуральны эквівалент, які часта не мае агульнасці з зыходным значэннем перакладаемага слова (спалучэння), але найбольш дакладна перадае сэнс моўнага акту [4]. Асабліва прадуктыўным метадынамічнай эквівалентнасці выступае ў сферы перакладу метафарычнай лексікі, дзе сустракаюцца выпадкі перадачы аднолькавага сэнсу рознымі метафарамі, параўн.: *my mind is full of scorpions* ‘мой розум поўны скарпіёнаў’ і *памяць выпусціла джала*; *cold breeze of misanthropy* ‘халодны брыз мізантропіі’ і *атрутны дым бяспамяцтва*.

Прыкладам дынамічнай (рэферэнцыяльнай) эквівалентнасці з’яўляецца пара метафар *sally* – *выбух*. Полісеманты з першасным значэннем ‘напад’ у беларускай мове абазначаюць актыўныя, часам агрэсіўныя дзеянні, накіраваныя на дасягненне мэт: *спытацца, пераходзячы ў наступ, псіхічная атака, ідэалагічны напад*. У англійскай мове *sally* ‘вылазка, напад’ мае больш шырокае значэнне і ўжываецца як для абазначэння крытычнай заўвагі, пікіравання ў спрэчцы, так і ў значэнні ‘раптоўнае бурнае праяўленне пачуццяў’ (метафарычныя адпаведнікі ў беларускай мове – *выбух, усплёск, феерверк* і пад.): *a witty sally* ‘досціп’, *he exploded a sally of emotions* ‘ён успыхнуў феерверкам эмоцый’.

Фіксацыя метафарычных значэнняў у слоўніках. У працэсе аналізу метафар паўстае пытанне пра аб’ектыўнасць іх прадстаўлення ў слоўніках. Праблемы лексікаграфічнай падачы метафар праяўляюцца перш за ўсё ў саміх слоўнікавых артыкулах [5], калі, напрыклад, метафарычныя значэнні падаюцца як першасныя, а зыходныя – як другасныя. Так, “Тлумачальны слоўнік беларускай мовы” [6] падае першым асноўнае значэнне (за рэдкім выключэннем, калі першаснае значэнне выйшла з ужытку і стала архаічным), а затым іншыя, якія з яго развіліся. “Oxford Dictionary of English” [7] кіруецца прынцыпам ужывальнасці значэння, яго функцыянавання ў мове, таму ў слоўніку шмат артыкулаў, першае значэнне ў якіх менавіта пераноснае (метафарычнае), а другое – зыходнае. Гэты фактар неабходна ўлічваць пры сістэматызацыі метафар і апрацоўцы слоўнікавага матэрыялу.

У працэсе супастаўлення метафар праверка адносін семантычнай вытворнасці, як правіла, не выклікае цяжкасцей, бо пераважная

большасць метафарычных пераносаў адбываецца з канкрэтнага на абстрактнае. Аднак у некаторых выпадках неабходны этымалагічны аналіз. Напрыклад, полісемант *crotchet* мае два значэнні – ‘чвэртная нота’ і ‘неадпаведныя нормам думкі ці паводзіны’, – што, з аднаго боку, падштурхоўвае нас аднесці метафару да сферы матывацыі “музыка”, а з другога – вымушае канстатаваць нерэгулярны метафарычны перанос. Этымалагічны каментарый слоўніка здымае непаразуменне: гэтыя слова ўтвораны ад старажытна-англійскага *crochet* ‘маленькі кручок’, што дапамагае правільна вызначыць сферу адпраўлення метафарычнай праекцыі – “прадмет” і ўсталяваць яе сувязь з метафарамі тыпу *twist, warp, zigzag, wavy* і пад.

Наступнай праблемай лексікаграфічнай фіксацыі метафар з’яўляецца тое, што многія пераносныя значэнні абазначаюцца не як пераносныя, а як звычайныя падзначэнні, некаторыя ж, наадварот, маюць фармальнае падмацаванне ў выглядзе памет *перан., у вобразным ужыв., figurative* ‘пераноснае’. Часта гэтыя паметы ставяцца перад прыкладамі “жывых” метафар з мастацкага тэксту, якія (да ўключэння ў слоўнік) можна было лічыць аказіянальнымі. Некаторая нявызначанасць падыходу да адлюстравання метафарычных значэнняў не павінна ўплываць на аналіз і сістэматызацыю метафар.

Метад базавых тлумачэнняў. Сістэматызацыя метафарычнай лексікі дзвюх і больш моў патрабуе вызначэння крытэрыяў супастаўлення. Метафарычнае поле ўнутранага свету чалавека і поле эмоцый у прыватнасці з’яўляюцца, паводле слоў Г. Вяжбіцкай, пасткай, у якую можна патрапіць, спрабуючы выявіць семантычныя ўніверсаліі [8, с. 274]. Праблема заключаецца ў тым, што словы не толькі адлюстроўваюць, але і стымулююць пэўны вобраз мыслення, таму нават пры ўмове намінацыі ці характарызацыі аднаго і таго ж паняцця (напрыклад, *гнеў, шчасце* і г.д.) у кожнай мове сэнсавы аб’ём і самога паняцця і слоў, якія яго апісваюць, можа значна адрознівацца.

У той час як метады “элементарнай мовы” (семантычнай мовы, семантычных прымітываў) з’яўляецца прадуктыўным для тэарэтычных даследаванняў [8, с. 293–295], у практычным супастаўленні моў існуе патрэба ў больш канкрэтных семантычных адзінках, паводле якіх можна сфармуляваць дакладнае ўяўленне пра структуру метафарычнага значэння. Для супастаўлення і наступнага лексікаграфічнага ўпарадкавання разглядаемых беларускіх і англійскіх метафар быў выкарыстаны метады базавых тлумачэнняў, заснаваны на дэск-рыптарнай тэорыі метафары, распрацаванай А. Баранавым і Ю. Каравулавым [9].

Базавыя тлумачэнні заснаваны на сярэднім узроўні абстракцыі: яны, з аднаго боку, не з’яўляюцца “трывіяльнымі сэнсамі”, якія б рабілі класіфікацыю ў сферы мэты даволі грувасткай, а з другога – у адрозненне ад слоўнікавых тлумачэнняў – яны характарызуюцца большай схематычнасцю. Адно базавае тлумачэнне выкарыстоўваецца для групы ад 4 да 47 асобных

метафарычных значэнняў, напрыклад: “вялікая колькасць слоў, уражанняў і пад.” (41 метафара), “афекты” (38), “раптоўнае непрыемнае пачуццё” (30), “узнікненне пачуццяў, якасцей” (19), “сентыментальнасць” (17), “актыўная пазіцыя ў спрэчцы” (12) і інш. [10].

Такім чынам, выкарыстанне метадаў семантычных універсалій і семантычных апазіцый, вызначэнне тыпаў семантычнай адпаведнасці метафар у межах адной ці некалькіх моў, улік спецыфікі прадстаўлення значэнняў у слоўніках і зварот да метаду базавых тлумачэнняў дапамагаюць ажыццявіць супастаўляльны і тыпалагічны аналіз метафар, класіфікаваць іх паводле семантыкі, выявіць рэгулярныя метафарычныя мадэлі, а таксама зрабіць абгрунтаваныя вывады адносна тыпалагічна агульнага і спецыфічнага ў метафарычнай рэпрэзентацыі тых ці іншых сфер рэчаіснасці ў мове.

ЛІТАРАТУРА

1. Мерзлякова, А.Х. Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие»: На материале англ., рус и фр. яз. / А.Х. Мерзлякова. – М. : Едиторал УРСС, 2003. – 350 с.
2. Гак, В.Г. Метафора : универсальное и специфическое / В.Г. Гак // Метафора в языке и тексте / В.Г. Гак [и др.] ; отв. ред. В.Н. Телия. – М. : Наука, 1988. – С. 11–26.
3. Методы сопоставительного изучения языков: сб. ст. / общ. ред. и вступ. ст. В.Г. Гака. – М. : Прогресс, 1989. – Вып. 25: Контрастивная лингвистика. – 440 с.
4. Апресян, В.Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян // ВЯ. – 1993. – № 3. – С. 27–35.
5. Ковтун, Л.С. Описание метафоризации значений в толковом словаре литературного языка / Л.С. Ковтун // Современная русская лексикография. – 1981. – Л. : Наука, 1983. – С. 46–60.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа АН БССР; пад рэд. К.К. Атраховіча. – Мінск : БелСЭ, 1977 – 1984.
7. Oxford Dictionary of English / ed. by C. Soanes, A. Stevenson. – 2nd ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2003. – 2088 p.
8. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелева; под ред. Т.В. Булыгиной. – М. : Языки слав. культуры, 1999. – 776 с.
9. Баранов, А.Н. Дескрипторная теория метафоры и типология метафорических моделей [Электронный ресурс] / А.Н. Баранов // Научно-образовательный портал «Лингвистика в России»: ресурсы для исследователей. – 2004. – Режим доступа : http://www.uisrussia.msu.ru/linguist/_A1_2_4_1_metaphor.jsp. – Дата доступа : 20.03.2008.

10. Шиманская, О.Ю. Электронный двуязычный словарь метафор психологической сферы человека / О.Ю. Шиманская // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. “Диалог” (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.) / Ин-т проблем информатики РАН, РГГУ; редкол. : А.Е. Кибрик (гл. ред.) [и др.]. – Вып. 9 (16). – М. : Изд-во РГГУ, 2010. – С. 584–589.

This article deals with human inner world metaphors investigated by the instrumentality of methods of semantic universals and semantic oppositions (particular and gradual). The features of lexicographic representation of metaphorical senses, types of lexical and semantic equivalency and the method of basic definitions are considered. With reference to Belarusian and English metaphors, a complex methodology of contrastive and typological analysis of human inner world metaphors is presented.

Поступила в редакцию 14.09.10

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

О.А. Кулага

РОЛЬ СКАЗОЧНЫХ СЮЖЕТОВ
В РОМАНЕ А.С. БАЙАТТ «ДЕТСКАЯ КНИГА»

В данной статье рассматривается такой значимый для современной литературы феномен, как переработка и заимствование *сказочных сюжетов* и образов, а также выполняется анализ различных способов обработки заимствованных элементов и их функции в романе современной английской писательницы А.С. Байатт «Детская книга». Автор романа перерабатывает сказки Ш. Перро, Г.Х. Андерсена, братьев Гримм, Э.Т.А. Гофмана, а также использует мотивы произведений Дж. Барри, К. Грэхема, Л. Кэрролла, Р. Киплинга. Наиболее часто применяются такие приемы переработки, как аллюзии и реминисценции, что позволяет А.С. Байатт создавать новые, уникальные персонажи на базе уже известных. Переработанные и заимствованные *с к а з о ч н ы е с ю ж е т ы* составляют основу романа А.С. Байатт, делают его многоуровневым, придают ему многогранность и оригинальность.

Литература любой эпохи и любой страны является средством для трансформации культурных ценностей человечества, сохраненных ею в предыдущие эпохи и передаваемых в будущее. Многократная переработка общекультурных достижений в литературе реализуется посредством интертекстуальности, т.е. взаимодействия художественных текстов между собой. Переработка культурного наследия включает в себя многоуровневую организацию текста, различные варианты привлечения уже известных идей, сюжетов и образов, а также разнообразные способы обработки заимствованного материала. Каждый писатель дает заимствованным идеям, сюжетам и образам новую жизнь, открывает и представляет, казалось бы, всем хорошо известные элементы с какой-то новой, никому не известной стороны, демонстрируя новое качество старого. Таким образом, читатель не только знакомится с какими-либо современными интерпретациями предшествующих текстов, но и соотносит их проблематику с действительностью, воспринимаемой и осознаваемой в этом случае как закономерное продолжение прошлого на более высоком социальном и культурном уровнях. Изучение и анализ литературы позволяют утверждать, что существует несколько основных источников заимствования, среди которых фольклорные произведения, сказки, легенды, песни и т.д.

В данной статье мы сосредоточимся на использовании *сказочных сюжетов* и *образов*, а также на их функции в романе А.С. Байатт «Детская книга».

А.С. Байатт называют одним из величайших живущих ныне писателей-романистов, исследующих жизнь ума [1], библиофилом в подлинном смысле [2], которого больше интересуют книги, чем люди [3]. Становление

Антонии Сьюзан Байатт (род. в 1936 г.) как писательницы и критика происходило на стыке и под влиянием многочисленных литературных, лингвистических, политических и общественных течений. Анализируя ее произведения, большинство зарубежных критиков настаивают на одной из двух точек зрения. Сторонники первой относят творчество А.С. Байатт к традиционной, классической английской литературе. Например, А. Чьюз называет ее наследницей лучших писателей, составляющих гордость и славу британской литературы – Л. Стерна, Дж. Остен, Дж. Элиот, Д.Г. Лоренса [4]. Другие же считают ее представительницей современного интеллектуального течения в литературе, одной из образованнейших писательниц нового поколения [5; 2], ярким критиком и автором, который знает все и обо всем [6].

А.С. Байатт – автор более десяти романов, ряда сборников рассказов и литературоведческих работ. Ее последний на сегодняшний день роман «Детская книга» («The Children's Book», 2009) попал в шорт-лист премии «Букер» в 2009 году.

Действие романа начинается в музее Виктории и Альберта в Лондоне в 1895 г. и заканчивается описанием сцен сражений Первой мировой войны. А.С. Байатт описывает целую эпоху, которая начинается в поздний викторианский период, включает в себя идиллическое "эдвардианское лето", которое также называют золотым веком детской литературы. "It's a portrait of childhood at the end of the Victorian era, when children were starting to be treated as adults, and when adults, though they talked more openly about sex, tended to retreat into childhood" [7]. Именно в это время такие писатели, как Джордж Макдональд, Джеймс Барри, Кеннет Грэхем, Льюис Кэрролл, Оскар Уайльд, Редьярд Киплинг, Эдит Несбит создают произведения, предназначенные для детской целевой аудитории. Все они появляются на страницах романа, а образ Эдит Несбит, (ее семейная жизнь и творчество) стал прототипом главной героини романа «Детская книга» Оливии Велвуд.

В центре повествования – история взаимоотношений двух поколений нескольких семей – людей искусства и приверженцев социалистического Фабианского общества: *Their guests were socialists, anarchists, Quakers, Fabians, artists, editors, freethinkers and writers, who lived, either all time, or at weekends and on holidays in converted cottages and old farmhouses, Arts and Crafts homes and working – men's terraces, in the villages, woods and meadows around the Kentish Weald and the North and South Downs. These were people who have evaded the Smoke, and looked forward to a Utopian world in which smoke would be no more... The children mingled with the adults, and spoke and were spoken to. Children in these families, at the end of the nineteenth century, were different from children before or after* [ASB, p. 29]. Такое описание эпохи дает нам понять, почему одним из основных источников заимствования стали литературные и народные сказки – с их помощью автор создает атмосферу идиллии, легкости и беспечности в начале романа. Мы видим идеальный утопичный мир, полный нереальных фантазмагорических образов, похожий на сон в летнюю ночь (не зря пьеса Шекспира с таким названием многократно упоминается на страницах романа). Но по мере развития

сюжета эта невесомость и фантастичность бытия как бы изменяется, в ней появляются трещинки, нагнетается звенящее напряжение, которое воспринимается как своеобразное затишье перед бурей. И вот эта слащавость – «Золотой век» викторианской и эдвардианской жизни – взрывается как мыльный пузырь, когда наступает «Век свинца» – Первая мировая война.

В романе А.С. Байатт широко использует разные виды заимствований (английская классическая литература, древнескандинавский эпос), но наиболее важны сказочные сюжеты: они играют здесь как сюжето-, так и эпизодообразующую роль. Писательница перерабатывает сказки Ш. Перро, Г.Х. Андерсена, братьев Гримм, Э.Т.А. Гофмана, а также использует мотивы произведений Дж. Барри, К. Грэхема, Л. Кэрролла, Р. Киплинга. Наиболее часто автор применяет такие приемы переработки, как аллюзии и реминисценции, что позволяет ей не только создавать новые, уникальные персонажи на базе уже известных, но и характеризовать их таким образом, что читатель сразу улавливает особую ауру, присущую каждому персонажу. В зависимости от места, занимаемого героями в произведении, а также от сложности их судьбы и внутреннего мира, А.С. Байатт выбирает для характеристики либо одну сказку, но очень детально ее прорабатывает и использует прием дописывания, либо несколько – в сочетании.

Одной из главных героинь романа является детская писательница Оливия Велвуд. Ее прототип – Эдит Несбит – известная детская писательница, автор более шестидесяти произведений художественной литературы для детей; некоторые из работ Несбит были адаптированы для кино и телевидения. Также Э. Несбит являлась политическим активистом и одним из основателей Фабианского общества, предшественника современной лейбористской партии. Известно также, что она жила в “открытом” браке со своим мужем, воспитывала двоих детей мужа от другой женщины, а также писала книги, посвященные своим родным детям.

Так же, как и ее прообраз, Оливия – мать большого семейства, сочиняющая сказки не только для печати, но и для каждого из своих детей. Эти сказки как бы определяют судьбу ее детей и являются своеобразным способом выразить ее собственное внутреннее «я», ее «inner child». Стиль книг Оливии напоминает пугающие, наполненные готической атмосферой сказки братьев Гримм и Э.Т.А. Гофмана. Это ее способ, до конца не осознанный, выразить страдания, которые ей пришлось пережить в детстве и юности, проведенных в бедном шахтерском регионе, страх нищеты, появившийся после смерти отца и брата и толкнувший Оливию на брак по расчету. С другой стороны, это еще один пример бегства взрослого человека той эпохи от окружающего мира и назревающих проблем в сказочную реальность. Личность Оливии, ее восприятие мира и ее отношение к собственным детям – это воплощение характера типичного писателя-сказочника. Как говорит сама А.С. Байатт, *most of the children's writers live in the world that they've created, and their children are kind of phantoms that wander around the edge of it in the world, but actually the children's writers are the children* [8].

Оливия называет себя Матушкой Гусыней: *...Well, I sometimes feel stories are the inner life of this house. A kind of spinning energy. I am the spinning fairy in the attic, I am Mother Goose...* [ASB, p. 358]. Это прозвище является аллюзией на популярные в Европе сборники детских стихов и песенок Матушки Гусыни и названием одного из первых сборников сказок Ш.Перро «Сказки Матушки Гусыни». В одном из своих рассказов – «The Shrubbery» – Оливия говорит, что Матушка Гусыня растит не только своих родных детей, но и чужих, и позже мы выясняем, что из семерых детей родные для Оливии только пятеро, а двое – дети ее сестры.

В романе огромное количество раз встречаются вариации на тему Золушки. Одной из первых исследовательниц фольклорных сюжетов о Золушке была М.Р. Кокс, издавшая свою теоретическую работу, в которой она анализировала 345 вариантов сказки как раз в викторианскую эпоху, в 1893. М.Р. Кокс разделила все истории подобного рода на три группы: *The first group contains only two features: an ill-treated heroine and her recognition by means of slipper...Cox's second main group contains more essential features: what Cox in her Victorian manner calls an "unnatural father" – that is, a father who wants to marry his daughter – and another feature ...the heroine's flight...In Cox's third large grouping, the two additional features of the second are replaced by what Cox calls a "King Lear Judgment": a father's extracting from his daughter a declaration of love which he deems insufficient, so that she is therefore banished, which forces her into the "Cinderella" position* [9, p. 245]. В романе «Детская книга» мы имеем возможность выделить как минимум трех Золушек, иллюстрирующих три вышеуказанные группы.

В семье Велвуд эта сказочная героиня ассоциируется с приемной дочерью Оливии – Филлис. После смерти родной матери девушка сама решает взять в свои руки управление огромным домом, заниматься уборкой и кухней, чтобы ее оценили и были хотя бы благодарны ей за заботу. Здесь мы видим один из элементов третьей группы сюжетов про Золушку.

Эта же сказка также используется для создания образа Элси Уоррен, сироты, которая добровольно становится служанкой в доме известного гончара Бенедикта Флада, для того, чтобы ее брат мог учиться и развивать свой талант. Девушка является вариантом Золушки, принадлежащим к первой группе Кокс. В судьбе Элси показательным является эпизод с туфлями. В нем мы видим, как А.С. Байатт создает контраст между идеальным сказочным образом Золушки и ее современным, более прагматичным аналогом: *"I have been wondering what are you dreaming about?...I have been watching you thinking for may be twenty minutes, and I couldn't resist, in the end, asking about what you are thinking and frowning and murmuring to yourself..." Elsie laughed. "Shoes.I am thinking about shoes. For the first time in my life I'm buying new shoes, for me..."* [ASB, p. 287] Элси мечтала о новых удобных туфлях для ежедневной носки, которые были для нее своеобразным символом самостоятельной и счастливой жизни, а их выбор и покупка стали для нее настоящим поворотным событием, после которого она задумалась о своей дальнейшей судьбе и образовании.

Дочь Оливии – Дороти, тоже примыкает к кругу Золушек, но она является примером сюжета из второй группы М.Р. Кокс: муж Оливии, которого Дороти считала своим отцом, попытался совершить насилие, что стало причиной ее побега из родного дома и поиска настоящего отца.

Судьба Дороти и правда о ее происхождении (она оказывается дочерью Оливии и немецкого кукольника Ансельма Стерна) связаны также со сказкой, написанной Оливией. В ней фигурируют полулюди-полузвери, среди которых живет девочка-еж. Детское же прозвище Дороти – *Hedgehog*, которое она не понимает и не любит. Но после встречи со своим настоящим отцом, который рассказал ей немецкую сказку про Ганса-ежа, она наконец-то понимает настоящее значение своей сказки-намёка. Эта сюжетная линия является переработкой сказки братьев Гримм «Ганс – мой ежик».

В одном из интервью А.С. Байатт призналась, что ее интересуют судьбы первых женщин-врачей: “...например Элизабет Гарретт Андерсон (1836–1917), которая не желала быть просто медсестрой, что считалось в то время женской профессией. Она спокойно и вежливо делала все возможное, чтобы стать настоящим врачом” [10]. Эта женщина, которая одной из первых смогла добиться признания в этой профессиональной сфере, стала прообразом Дороти. Благодаря своему упорству и трудоспособности девушка становится высококвалифицированным хирургом, спасает жизни многим солдатам в военном госпитале в Первую мировую войну.

Образ любимого сына Оливии Тома – это реминисценция Маркуса Поттера – персонажа из тетралогии А.С. Байатт о Фредерике Поттер, молодом человеке, слишком глубоко увлеченном своим внутренним миром. Сказка, сочиненная Оливией для Тома, является самой длинной и детализированной и, соответственно, ее влияние на жизнь Тома, – самое сильное и трагическое. Главный персонаж этой сказки – *Том из Подземелья* (*Tom Underground*) – отправляется в подземный мир на поиски собственной тени, украденной у него в колыбели крысой. Оливия пишет эту сказку почти на протяжении всей жизни сына и, заканчивая ее, как бы подталкивает Тома к самоубийству. Так же, как и сказочный персонаж, Том все 25 лет своей жизни находится в поиске себя, своей судьбы и призвания, но все попытки заканчиваются неудачно. Он постоянно сталкивается с непониманием окружающих и необходимостью взрослеть, но в душе он чувствует себя беспечным и беззаботным ребенком, ищущим приключений и неделями живущим в домике на дереве. Такое поведение делает его похожим на Питера Пэна. На гибель Тома повлиял ряд факторов: во-первых, лесник срубил дерево с детским домиком (символ прошедшего детства); во-вторых, Оливия написала театральную пьесу на основе «Тома из Подземелья», в которой символически лишила его тени – и, возможно, надежды на переход в мир взрослых. Посетив эту постановку, Том окончательно осознал, что детство прошло, а он не способен жить в реальном мире среди взрослых.

Еще одной составляющей образа Тома является образ эльфа Пака – персонажа старинных английских легенд, который упоминается в комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь», а также главного героя цикла

сказок Р. Киплинга «Пак с Холмов» (однажды, разыгрывая в холмах пьесу «Сон в летнюю ночь», дети невольно привлекают внимание Пака, духа волшебных холмов, который рассказывает им истории из прошлого Англии и приводит к ним познакомиться людей, прежде живших на этом месте – римских легионеров, нормандских рыцарей, ученых эпохи Возрождения и др.). Тому дают эту роль родители, когда делят роли в праздничной летней постановке пьесы «Сон в летнюю ночь» Шекспира. Таким образом, он становится исполнителем этой роли на долгие годы и никогда не вырастает из нее, в то время как остальные дети каждый год меняют свои роли. Как и Пак, Том увлечен родной природой и поэзией, интересуется жизнью простых людей, дружит с лесником и лесорубами, но, к сожалению, часто не может найти понимания и участия в собственной семье.

Рассказывая о судьбе Тома и других детей из семьи детской писательницы Оливии, А.С. Байатт поднимает очень важную тему – тему взаимопонимания родителей, пишущих произведения детской литературы, и их детей. Казалось бы, такие родители должны как нельзя лучше понимать своих детей, но на деле часто оказывается, что их собственный инфантилизм и нарциссизм не дает им по-настоящему любить и уважать родных детей. В одном из своих интервью А.С. Байатт говорит следующее: “I noticed that there’s a high rate of suicide among the children of children’s book writers. One of the things that really distressed me was Kenneth Grahame who wrote one of the most beautiful children’s books ever, *The Wind in the Willows*... And he had this child called Mouse, who had something wrong with his eyes and was purblind, but Grahame and his extremely silly wife refused to acknowledge that he was purblind, they refused to acknowledge that he was disturbed, they sent him to various schools where he was very violent... they got him into Oxford, he had dinner in his college one night and drank two glasses of port ...and walked out and laid himself neatly on the railway line and let the train go over him. And Grahame and his wife managed to believe that this was an accident. But that poor kid had had no life at all, and a lot of the stories that were written for him were actually sent to him in letters while his parents were away somewhere else on a grownup holiday” [10]. Даже такой маленький штришок, как письма со сказками, а не словами поддержки и помощи, которые Оливия самозабвенно пишет Тому, отосланному в школу-интернат против его воли и подвергающемуся там унижениям и побоям, говорят о схожести судеб двух детей. Школа, из которой Том сбежал после очередных издевательств, стала толчком, сломавшим мальчика и заставившим его глубоко погрузиться в свой внутренний мир, потерять веру в семейные узы и мир людей. Это как раз и есть тот переломный момент, после которого Том окончательно превратился в «потерянного» ребенка и предпочел навсегда им остаться.

Много внимания уделяется в романе судьбе Гризельды – племянницы Оливии. А.С. Байатт использует элементы сюжета сказки Э.Т.А. Гофмана «Песочный человек» для создания этого персонажа. Девушку с самого начала

описывают как настоящую немецкую *mädchen* и внешне, и по характеру – настолько спокойному, что казалось, у нее вообще нет чувств. Похожей на Олимпию – идеальную марионетку из сказки – делают Гризельду также красота и грациозность.

Имя девушки – это аллюзия на одноименную сказку Ш. Перро, в которой главная героиня – прекрасная пастушка – переносит все испытания, устроенные ревнивым мужем, кротко и терпеливо, без ссор и возражений. Таким способом А.С. Байатт еще раз подчеркивает особенности характера Гризельды.

В образе Гризельды присутствует и аллюзия на сказку братьев Гримм «Рапунцель». Девушка жила и училась в женском колледже Ньюем в Кембридже с таким увлечением и отдачей, что не замечала окружающего ее мира. Вот эту изолированную жизнь в колледже и сравнивают друзья Гризельды с жизнью в башне ведьмы из сказки. Со временем девушка становится ученым, успешно занимающимся изучением немецкого фольклора и сказок, что уподобляет ее исследовательнице сказок о Золушке мисс М.Р. Кокс.

Образ марионетки Олимпии из «Песочного человека» также используется для описания Серафиты – жены гончара Бенедикта Флада, с той целью, чтобы подчеркнуть ее безмолвность, бесстрастность и апатичность. Эти черты усиливаются присутствием в ее образе мотивов таких сказок, как «Золушка» и «Спящая красавица» Ш. Перро, «Снежная королева» Г.Х. Андерсена. С помощью образов из этих сказок описываются также дочери Б. Флада и Серафиты, страдающие от лунатизма и бессонницы ночью, а днем живущие, как будто бы во сне: *...Imogene was The Sleeping Beauty, she had pricked her finger and was sleep-walking...Pomona was the Cinderella daughter in the hearth, woebegone and unregarded. She had come to his bed twice more... What could he do, if she woke and found herself there...he saw Seraphita... She reminded him of something. It was the puppet Olimpia, from the brilliant performance of Anselm Stern, Olimpia who was automation – a puppet playing a puppet, where the other characters had been lifelike* [ASB, p. 133].

Отцу этого семейства – гению с чересчур порывистым и мрачным характером – соответствует образ Синеи бороды из сказки Ш. Перро, а его прообразом стал Эрик Гилл – британский скульптор, гравер по дереву, дизайнер-каллиграф, художник и писатель: “His (Eric Gill) personal diaries describe his sexual activity in great detail including the fact that Gill sexually abused his own children, had an incestuous relationship with his sister and... This aspect of Gill’s life was little known until publication of the 1989 biography by Fiona MacCarthy” [11]. Бенедикт Флад практически круглосуточно работает в гончарной мастерской со своим учеником и помощником, но его коротких визитов домой достаточно, чтобы все больше нагнетать обстановку и усиливать моральную подавленность семьи. Есть у него и тайная комната, где хранятся его гениальные эротические скульптуры, для которых позировали его дочери (тайно и неизвестно, добровольно ли), но ключ от нее

надежно спрятан. Его творения – и спрятанные скульптуры, и фарфоровые изделия – настолько прекрасны, что кажутся одушевленными, полными эмоцией и чувств, в отличие от его дочерей и жены.

Таким образом, мы видим, что в романе «Детская книга» Антонии С. Байатт присутствуют различные приемы интертекстуальности. Чаще всего встречаются аллюзии и реминисценции, а также немаркированные цитаты. В основе структуры романа лежит прием *пастиччо*, так как в нем гармонично сочетаются мотивы, образы, эпизоды из разных произведений. Автор умело сочетает элементы сюжетов разных широко известных сказок для того, чтобы создать новые образы и сделать их интересными для читателей, показать преемственность фольклорных сюжетов и мотивов, а также реальных жизненных ситуаций. Проанализированные основные источники заимствования дают возможность сделать вывод о том, что образы обладают архетипичностью, использование которой помогает читателю более точно и полно воспринять произведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Sorensen, S.* A.S. Byatt and the Life of the Mind: A Response to June Sturrock / S. Sorensen // University of Winnipeg. WORKS CITED [Electronic resource]. – Winnipeg, MB, 2003. – Mode of access: uni-tuebingen.de/uni/nec/sorensen1312. – Date of access: 5.04.2009.
2. *Basbanes, N.A.* The Therapeutic Power of Literature / N.A. Basbanes // Clark's Books [Electronic resource]. – N.Y., 1996. – Mode of access: agentlemadness.com/index.php?module=pagemaster&PAGE_user_op=view_page&PAGE_id=15. – Date of access: 1.03.2010.
3. *Stout, M.* What Possessed A.S. Byatt? / M. Stout // New York Times [Electronic resource]. – N.Y., 1991. – Mode of access: nytimes.com/books/99/06/13/specials/byatt-possessed.html. – Date of access: 26.11.2009.
4. *Cheuse, A.* Worlds Within Worlds. Byatt's novel about a biographer's biographer explores more than one reality / A. Cheuse // San Francisco Chronicle [Electronic resource]. – San Francisco, 2001. – Mode of access: http://articles.sfgate.com/2001-01-28/books/17580145_1_worlds-phineas-nanson-scholes-destry-scholes. – Date of access: 27.11.2009.
5. *Bentley, N.* British Fiction of the 1990s / N. Bentley. – Rutledge ; London ; N.Y., 2005. – 256 p.
6. *Miller, L.* "A Whistling Woman" by A.S. Byatt / L. Miller // Salon .com [Electronic resource]. – N.Y., 2002. – Mode of access: <http://http7/dir/salon/com/story/books/review/2002/12/05/byatt/indexhtml>. – Date of access: 5.01.2010.
7. *Bradbury, L.* The Children's Book by A.S. Byatt / L. Bradbury // telegraph.co.uk [Electronic resource]. – London, 2009. – Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/culture/books/bookreviews/5291596/The-Childrens-Book-by-A-S-Byatt-review.html>. – Date of access: 6.03.2010.

8. *Koval, R. Byatt's A.S. The Children's Book / R. Koval // The Book Show [Electronic resource]. – London, 2009. – Mode of access: <http://www.abc.net.au/rn/bookshow/stories/2009/2544347.htm>. – Date of access: 9.08.2010.*
9. *Bettelheim, B. The Uses of Enchantment: The Meaning and Importance of Fairy Tales / B. Bettelheim. – N.Y. : Vintage Books, 2010. – 328 p.*
10. *Щербино, К. Байетт А.С. : «Зачем нужно искусство?» / К. Щербино // Частный корреспондент [Электронный ресурс]. – М., 2010. – Режим доступа : http://www.chaskor.ru/article/antoniya_bajett_zachem_nam_nuzhno_iskusstvo_14098. – Дата доступа : 9.09.2010.*
11. *Rothenstein, J. First Nudes. Eric Gill / J. Rothenstein // Eric Gill [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access : http://www.ericgill.com/view_article.php?article_id=33. – Date of access: 15.09.2010.*

ИСТОЧНИК ПРИМЕРОВ

ASB – *Byatt A.S. The Children's Book. – London : Chatto & Windus, 2009. – 617 p.*

The article examines the phenomenon which has been widely used in modern literature – creative remaking and adaptation of fairy-tale patterns, motifs and content. Various methods of reworking of literary and folk fairy-tales in the novel “The Children's Book” by a contemporary English writer Antonia Susan Byatt have been analyzed.

Поступила в редакцию 23.09.10

И.Л. Поражинская

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ТРИВИАЛЬНЫХ МИФОВ В РОМАНЕ Э. ЕЛИНЕК «МЫ ПЕСТРЫЕ БАБОЧКИ, ДЕТКА!»

Статья посвящена деконструкции тривиальных мифов в первом опубликованном романе австрийского автора Э. Елинек. Теория Р. Барта, преломленная через свое видение, изложенная в эссе «Бесконечная невиновность», стала фундаментом всего творчества Нобелевского лауреата. Э. Елинек представляет основные мифопорождающие механизмы: телевидение, прессу, литературу, рекламу, пропаганду. Она пародирует эти механизмы. Разрушение мифов современного общества, откровенность и непримиримость, прямота и резкость, глубина и размах проблем в ее текстах порождают новые мифы, которые могут затмить своим ужасом действительность.

Свой первый роман «мы пестрые бабочки, детка!» («wir sind lockvögel, baby!», 1970) Эльфрида Елинек, лауреат Нобелевской премии 2004 г., написала, когда ей было 26 лет. Сегодня Э. Елинек – зрелый прозаик, чьи произведения широко издаются и переводятся, известный драматург, пьесы

которого более двух десятков лет с успехом идут на мировых театральных подмостках, эссеист и переводчик. Но и в первые годы творческого становления созданное ею вызывало интерес и острую полемику.

Начав свой поэтический путь в конце 1960-х гг., Э. Елинек следует авангардистским традициям австрийской литературы как в тематическом, так и в стилистическом плане. Проблематика ее произведений – жестокость и насилие в семье и обществе, реакционность социальных течений, антигуманность современного мира, его тотальное потребительство – является неотъемлемой частью австрийской литературы второй половины XX в. Вместе с тем направленность ее творчества на разрушение мифов настоящего, активная гражданская позиция, а также особый личный взгляд на описываемые события, бесспорно, отражают новаторские веяния истекшего столетия.

В начале своего творческого пути писательница обратилась к концепции Р. Барта о современных мифах, изложенной в его сочинении «Мифологии» (1957). Эта работа с обобщающей теоретической статьей «Миф сегодня» стала своеобразной программой для Э. Елинек. Результатом принятия и переосмысления этой программы представляется сегодня ее эссе «Бесконечная невинность», где она частично соглашается, частично полемизирует с Р. Бартом. Последующие произведения Э. Елинек доказывают, насколько уверенно она движется к поставленной цели, ссылаясь на тезисы и отдельные формулировки Р. Барта, и какое влияние эта теоретическая работа оказала на ее литературную деятельность в качестве мифолога.

Э. Елинек углубляется в идеологию, рассуждает об объединяющей массы силе мифа. Кроме того, эссе Э. Елинек содержит мысли антипатриархального и феминистского свойства. Таким образом, верность основной теме – разрушающей мифы современного общества деконструкции, откровенность и непримиримость, прямота и резкость, глубина и размах проблем представляют собой феноменальность такого значительного явления в австрийской и мировой литературе, как Э. Елинек.

Теоретические исследования Р. Барта и Ж. Дерриды сыграли выдающуюся роль в раскрытии механизмов возникновения и функционирования мифа в социуме XX столетия. Они стали для Э. Елинек инструкцией для деконструкции мифов – прочтения, дешифровки, разрушения. По мысли Ж. Деррида «деконструкция состоит не в переходе от одного понятия к другому, а в переворачивании их концептуального порядка и в стремлении сделать его артикулируемым» [1, с. 198].

Э. Елинек, вслед за Р. Бартом, подвергает критике идеологическую скрытую пропаганду буржуазного общества и его механизмы, порождающие мифы. В первую очередь сюда причислены средства массовой информации (телевидение, пресса), литература, реклама. Соглашаясь с мнением Р. Барта о том, что миф имеет семиологическую природу, поддерживая его модель деконструкции мифа, Э. Елинек, однако, привносит собственное видение в концепцию и по-иному расставляет акценты.

Творчество Э. Елинек в целом вписывается в авангардный контекст австрийской литературы, продолжает его, но необходимо отметить и своеобразие эволюции писательницы: от разрушения тривиальных мифов в ранних произведениях она переходит к социальным, философским, мировоззренческим и политическим мифам. Разнообразнее становятся с годами и приемы разрушения мифов.

Произведения Э. Елинек характеризуются маргинальностью, которую мы, вслед за И.П. Ильиным, понимаем как нравственный протест против общепринятых ценностей, взглядов и традиций. Не принимая окружающий мир, писательница фиксирует свое внимание исключительно на негативных чертах современного общества. Как результат, у нее отсутствуют положительные герои, перспективы позитивного исхода ситуации. Именно критицизм и отрицание задают эмоциональную тональность ее произведений – она мрачна, безнадежна и беспросветна, она объясняет и своеобразие всего творчества автора.

Первый опубликованный Э. Елинек роман «мы пестрые бабочки, детка!» представляет собой совокупность из 73 различных, отчасти фрагментарных, проникающих друг в друга, играющих между собой текстов. Текст Э. Елинек изначально – интертекст со всеми вытекающими отсюда признаками.

Книга построена на трансформации реалий поп-культуры 1960-х гг. в духе грядущего постмодернизма. «Жанровая нормативность устранивается, появляются новые – гибридные, мутантные литературные формы, терминологические обозначения которых еще не устоялись. Они демонстрируют выход за пределы устоявшихся жанровых признаков и даже за пределы литературы. Они создают произведения на грани литературы и других эстетических систем и областей знания: литературы и философии, литературы и культурологи, литературы и социологии, литературы и исторической науки, литературы и литературоведения, литературы и искусствоведения, литературы и психоанализа, литературы и эссеистики, литературы и лингвистики и т.д.» [2, с. 55].

Таким образом, автор, с одной стороны, преднамеренно пыталась дезориентировать читателя и запутывала различные сюжетные линии, а с другой стороны, дала вспомогательные инструкции и комментарии, касавшиеся построения книги. С точки зрения рассказчицы, в центре ее произведения – человек искусства, мотив художника. Это роман-становление, с путевыми заметками, развивающий и мотив беззаветной любви. Э. Елинек – предвестница постмодернизма на немецкоязычном пространстве. Она придумала такую эпическую форму, которая едва поддавалась описанию. С точки зрения теории постмодернизма именно такая форма отвечает целям и задачам направления.

Теоретик литературы М. Герхард замечает по данному поводу: «Амбивалентность текста между индивидуальной языковой игрой и репродукцией всеобщих, заданных языковых образцов из неотличимых здесь друг от друга сфер, таких как «литературная» литература и тривиальная

литература, все же не означает, что автор нерешительна, мне она кажется значительной и смущающей результатами выработанной ею манеры письма»¹ [3, с. 181].

Интерес читателя направлен на взаимозаменяемость действий, героев и их обозначений в тексте. Прием, равно как и происхождение героев из голливудских сериалов, из криминальной хроники, телевизионной рекламы (герои Диснея, музыкальные иконы, политические деятели, персонажи комиксов, характеры тривиальной литературы), призван подчеркнуть разделение ролей в обществе. Но акценты сделаны на образах четверки «Битлз», Пасхального Зайца и (White Gigant) Белого Гиганта – кумира целого поколения американцев – богатого и вездесущего.

Э. Елинек как писатель-экспериментатор побуждает своих героев к абсурдным действиям, выставляет напоказ нелепости стереотипов массового духа. Она превращает женский образ в кич, изображая женщину как оборотную сторону мужчины, подчеркивая ее зависимую и второстепенную роль в обществе. У исследователя литературы И.С. Скоропановой мы читаем: «Писатели-постмодернисты могут включать в свои произведения и кич, точнее – использовать код кича, однако в этом случае он подвергается пародийному (абсурдизирующему, шизоизирующему) перекодированию (утрачивает прежнее значение, обретает новое). Функция такого перекодирования – осмеяние стереотипов массового сознания, выявление тайных импульсов коллективного бессознательного, демонстрация «смерти» субъекта» [4, с. 168].

Писательница стремится продемонстрировать механизмы реального насилия над героями. Во многих местах повествования она подчеркивает его бессмысленность. Постоянное наличие насилия в тексте и внетекстовая перспектива автора скрепляют произведение в единое целое. Внетекстовое измерение является неотъемлемой частью текста.

Возникает вопрос, действительно ли реальность читателя совпадает с реальностью автора. Реципиенту предлагается специфический ракурс видения, сосредоточенный взгляд на ту часть действительности, которая воспринята автором и представлена в повторяющихся картинах. Создается эффект калейдоскопа: определенные части текста образуют сюжет-узор с сопряженными деталями.

Текст писательницы преподносит фантазии насилия, которые можно найти в описаниях военных действий. Для большей наглядности она гиперболизированно показывает одиозную мощь мужских образов в комиксах, озвучивает разнообразные формы насилия в якобы нейтральном языке новостей, обнаруживает скрытое насилие в личной жизни человека, часто выступающее темой в тривиальной литературе. По мере развертывания действия индивидуальный взгляд писательницы наталкивается на все новые виды насилия.

---

¹ Перевод наш. – И.П.

Описание насилия сопутствует изображению женского характера, особенно, когда речь заходит о «жизненном пространстве» героини. Благодаря своеобразной перспективе автора «мир женщины» показан как иной, несхожий с «миром мужчины». Но наряду с этим противопоставлением текст выявляет и другие общественные несогласованности.

В романе традиционные взгляды на женщину, известные еще со времен Просвещения, сталкиваются с современными представлениями о роли, значимости и возможностях «слабого пола». 1970-е гг., когда была опубликована книга, стали прорывом в политическом, общественном и литературном смысле, что и попыталась донести до публики писательница своим произведением «мы пестрые бабочки, детка!».

Композиционно Э. Елинек удалось смешать несколько уровней реальности. Отношение ее героев к реальности сформировалось, как отметила сама автор, под воздействием телесериалов, ток-шоу и фикции, призванных создавать все новые мифы. Но деконструкция мифов стала и основным приемом их ломки. Литератор признала деконструктивной в художественном изображении технику коллажа, монтажа и врезки. Она соединила, как в калейдоскопе, образы из привычных и узнаваемых телепередач, сериалов, мультфильмов, рекламы со стилем комиксов. Возникшие картины, однако, ужаснули публику своей символикой, неправдоподобностью и абсурдностью. Они разрушили казалось бы знакомые и узнаваемые стереотипы, придали реальности вид гиперреальности¹.

«Текстовый характер гиперреальности, принцип деперсонализации предопределяет такую черту постмодернистской эстетики, как апсихологизм. «Мерцающие» гибридно-цитатные персонажи постмодернистов являются носителями не личных, а всеобщих качеств, либо качеств, присущих определенным категориям людей, выражают характерные особенности массового сознания или проявления действия различных импульсов коллективного бессознательного. Такой персонаж – плоский, но благодаря присущей ему поливалентности в одном просвечивают многие» [2, с. 53]. Реальными персонажи Э. Елинек назвать невозможно. Но она сделала все, чтобы публика приняла рекламную, выдуманную жизнь за действительность.

Роман «мы пестрые бабочки, детка!» посредством своих персонажей довел бунтарские настроения 1970-х *ad absurdum*. Поп-культура перечеркнула любую возможность общественной революции. Пародированная Э. Елинек, эта культура вместе со столь сумбурной теперь формой романа, дискредитировала массовую популярность, внушаемую СМИ каждому полу в отдельности. С помощью сатиры период от фашизма до студенческого движения 1968 г. (время действия романа) предстал в книге как идеологизированное массовое помешательство: «америка. фашистская.

---

¹ *Гиперреальность* – понятие философии постмодернизма. Феномены истины, адекватности, реальности перестают восприниматься в качестве онтологически фундированных и воспринимаются как феномены символического порядка.

россия. ревизионистская. мао. наше будущее. хо. наше будущее. спаситель. дональд дак»¹ [5, с. 32]. Так, Э. Елинек, опираясь на теорию Т. Адорно и Р. Барта, указывает на отчуждение культурной индустрии, которая уподобляется «промывке мозгов».

Произведение нацелено на то, чтобы быть воспринятым как феномен массовой литературы на службе общества потребления. Этому намерению способствуют и инструкция автора, позволяющая читателю манипулировать произведением по своему усмотрению. В тексте поставлен вопрос о силе влияния средств массовой информации на человеческую психику. Литературный критик К. Лангхамер указывает в связи с этим на то, что Э. Елинек одной из первых выдвинула телевидение «как эстетическую парадигму» жизни на первый план, отодвинув кино.

Авангардный характер романа проявился в функции вводимых элементов. Персонажи выглядят как бы «удвоенными, сложенными, размноженными», что и является, по мысли Ж. Дерриды, признаком деконструкции, поскольку сгиб и есть удвоение при делении. Героев зовут Отто, Гельмут, Джон, Джордж, Пол и Ринго, Элизабет или Эм(мануил), но имена, словно маски, за которыми действуют совершенно иные фигуры. Они сами меняют пол, например, Отто – женщина, которую автор показывает во время родов, сохраняя мужской пол – архаический ритуал симуляции.

Герои представляют собой гибридные создания обоих полов, которых тем не менее объединяет нечто стереотипное: они все являются пестрыми бабочками, которые, «несмотря на нехватку света начинают новую общественную игру». «Нехватка света» – это намек на *lumen naturalis* – на свет просвещенного разума, который угасает. Пестрые бабочки символизировали политический авангард общества (это было время студенческих движений), целью которого стали революция, изменения.

Но «отто» изображенного общества, как показывает роман, ничего не могут изменить путем сексуального бахвальства и своих, по сути, несерьезных властных игр. В их действиях отсутствует логика. Они руководствуются нарцисстическими устремлениями, опираются на массовое мышление. «отто» возникают из-под пародийного пера Э. Елинек и преломляются через призму горькой иронии. Они превращаются в секс-машины, которым приходится утверждать свою мужскую власть и превосходство, унижая женщину. Усвоив мужские проекции в гипертрофированном виде, женщина должна возродиться. На художественном уровне патриархальные представления воплощены в том, как писательница лишает смысла изображенное ею. Картины жизни, доведенные до абсурда, оказываются пустой оболочкой.

Характерная для позднего творчества Э. Елинек манера письма в какой-то мере сформировалась еще в годы работы над первым романом –

---

¹ Написание с заглавной буквы отсутствует в текстах Э. Елинек.

шокирующие сцены вместе с лишними смысла картинками как противовес роли, предписанной женщине обществом.

Текст романа внушает читателю, что существует взаимосвязь между красотой и социальным успехом, причем такая причинно-следственная связь кажется естественной, созданной самой природой, что превращает ее в миф. Рекламные слоганы, рецепты и советы женских журналов заманчиво обещают счастье и удовлетворение, если женщина будет лучше выполнять свои повседневные обязанности. Но все источники информации предостерегают, что при невыполнении требований по разделению ролей женщине грозит кара.

Общество перекладывает ответственность за благополучие семьи на плечи женщины-домохозяйки. В центре внимания рекламного текста миф о женщине-матери и хранительнице очага. Ее прерогатива – забота о муже и детях, она должна добиваться благополучия других. А реклама обещает ей удовлетворение от покупки стирального порошка определенной марки или зубной пасты.

Текст оставляет впечатление, что недостатки в эмоциональной и социальной сферах – следствие невнимания к внешнему виду. Стоит его изменить и все переменится. Этот тезис выступает как непреложный, действительный для всех персонажей, как мифически укоренившаяся в сознании, естественная правда. Наказанием для женщины за неподчинение оказываются социальная изоляция и эмоциональное опустошение. Рекламный текст внушает женщине мысль, что неудачи и недостатки являются результатом якобы личной несурзности и нерасторопности.

Искажая реальность вплоть до абсурда, автор использует прием нелинейности, множественности, неоднозначности, открытости. В тексте он реализуется через множество сюжетных линий (их более двадцати). При сохранении количества и характера персонажей действие постоянно делает скачки.

Автор раскрывает собственное отношение к рекламным лозунгам посредством иронии и сатиры. Выставляя рекламный текст на посмешище, Э. Елинек срывает маску с этих якобы безобидных «советов», подчеркивает, что информация, которую они несут, является формирующим элементом массового сознания, что она не безобидна, а служит установлению общественного мнения о том, что же такое «status quo» женщины, ограниченной только домашними обязанностями. Все это чередуется с символическими эпизодами с «пасхальным зайцем», «белым гигантом» и «элизабет».

Неприкрытое насилие объединяет содержание и превращает книгу из «лоскутного» произведения пусть в трудный для прочтения и понимания, но роман. Рекомендации, советы, рекламные лозунги вклиниваются в его описания, указывают на то, что представление о женщине дома разительно отличается от представления о ней вне его. Они подчеркивают насильственность всех представлений индивида о мире и войне, о военных действиях,

о цели человеческой жизни, о добре и зле. Все преломлено через принцип полезности.

Обещанная рекламой польза указывает на то, что семейный мир, оазис покоя, косвенно все же подвержен опасности социального давления, изоляции. Становится понятным, что в этом мире (если верить рекламе) счастье женщины зависит только от благополучия и удовлетворения членов семьи. В то же время внешний мир словно совсем не существует. Пропагандируемые лозунгами представления об образе женщины утверждают зависимость сознания домохозяйки только лишь от функций, которые она выполняет.

Э. Елинек высмеивает патриархальные клише общества, иронизирует. Женщина изображена ею как молчаливо терпящее унижения создание, как жертва, чье пассивное терпение и чья полная незащищенность усиливают у читателя ощущение присутствия насилия в любом действии мужчины. Характеристика женщины сводится к перечислению сфер ответственности в рамках патриархального уклада: приготовление пищи, воспитание детей, общение, забота о социальном статусе семьи и исполнение супружеского долга. Прием деконструкции, заложенный в основу романа и раскладывающий каждый образ на составляющие, разрушает мифы современной писательнице реальности.

«мы пестрые бабочки, детка!» является иллюстрацией ломки традиционной концепции романа в 1970-е гг. Десятилетие стало началом волны феминистского движения. Влияние современности отразилось в ломке представлений об идеальных домохозяйках, активно пользовавшихся бытовой техникой и другими благами общества потребления, как к тому призывала реклама. Средства массовой информации (на службе общества) обращались к женщинам исключительно как к домохозяйкам.

И все же там, где столкнулись традиционные и современные представления о женщине, проявились аспекты «реальной жизни». Критицизм преобладает, когда автор уделяет внимание двойной эксплуатации женщины, ее потенциальной социальной изоляции в мире мужчин, ее беспомощности в ситуации насилия и претензий на власть «сильного пола». Очевидным представляется читателю намерение писательницы отказаться от противопоставления традиционному мифу о жестоком внешнем мужском мире мифа о лучшей доле женщины-современницы. В результате представления о жизни женщины оказываются устаревшими, но автор не намерена наделять свои женские образы новым смыслом.

В миф превращена и идея мужественности мужчины, которая реализуется или славой, или силой, или властью. Только взрыв бомбы делает видимым, что та мужественность, которая должна по сути своей быть качеством человека, достигается любыми средствами – и даже взрывом бомбы, что и происходит в конце романа: все взрываются. Насилие направлено не только против других воинственно настроенных людей и стран, но и против определенного типа женщин. Эпизод, где речь идет об

изнасиловании, срывает маску не только с одного мужчины, совершившего насилие, а с общества в целом.

Мотив насилия над женщиной в семье поднимает глубинный комплекс проблем. Советы рекламы и мифическое представление об «уютном гнездышке» разрушают острые осколки действительности. Э. Елинек выступает против устоявшегося распределения ролей для каждого пола, но не противопоставляет естественному отрицательному образу мужчины естественный исключительно положительный образ женщины.

Э. Елинек помимо тривиальных мифов о любовных отношениях, замужестве, женской доле, с присущей ей жесткостью и бескомпромиссностью разрушает и социальные мифы. Это мифы о «природной мужественности мужчин», «насилии как силе», «зависимости счастья от красоты», «социальном благополучии», «семейном счастье», «зависимости счастья от потребления», «радости от домашней работы», «избавлении от Эдипова комплекса», «отцовских наветах».

В романе Э. Елинек представлены основные мифопорождающие механизмы: телевидение, пресса, литература, реклама, идеологическая и политическая пропаганда. Она пародирует эти механизмы, что само по себе является средством против воздействия этой культуры на сознание людей и против распространения мифов.

Для разрушения мифов Э. Елинек использует не только стилевые, композиционные приемы, но и языковые средства (повтор, метафора, анафора и т.д.), разрушающие клише и стереотипы, задающие ритм. Внешние признаки неграмматичности в оформлении текста (отсутствие заглавных букв, пунктуации, абзацев, прямой речи и т.д.) тоже выполняют важную задачу. Ее игра слов и со словом не всегда преследуют непосредственный мифоразрушающий смысл. Нередко она является экспериментом с формой и доказательством владения языком, наслаждения автором работой со словом.

Языковые новации Э. Елинек – прием деконструкции языка официальной культуры, наделяют читателя новым постмодернистским видением: «Игра с языком как вторичной и первичной знаковыми системами – родовое свойство постмодернизма. Благодаря этому осуществляется ускользание от тоталитаризма языка, строго закрепленные за понятиями значения расшатываются, приобретают вероятностные характеристики, новые семантические оттенки» [6, с. 174]. И еще: «Игра постмодернистов с языком, отменяющая как борьбу с ним, так и подчинение его диктату, позволяет «обойти» язык, избежать навязываемой им невольной тенденциозности» [6, с. 179].

Роман Э. Елинек оперирует понятием *маргинал* как наиболее яркой стилевой константой, призванной разрушать мифы. Однако феномен маргинальности, будучи мифоразрушающим приемом, дает и благодатную почву для размышлений о том, что, ломая миф, Э. Елинек создает новую реальность и свой новый миф, который может стать страшнее действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горных, А.А. Деконструкция / А.А. Грицанов, М.А. Можейко // Постмодернизм: энцикл. – Минск : Интерпрессервис. Книжный Дом, 2000. – С. 196–198.
2. Скоропанова, И.С. Постмодернистская эстетика / И.С. Скоропанова // Русская постмодернистская литература. – СПб. : Невский простор, 2002. – С. 51–56.
3. Gerhard, M. Zum Roman *wir sind lockvögel baby!* / M. Gerhard // Elfriede Jelinek. Dossier. – Univ. Graz : Literaturverl. Droschl, 1991. – S. 181–182.
4. Скоропанова, И.С. «Рассеивание» персонажей в языке: Деконструкция массовой культуры / И.С. Скоропанова // Русская постмодернистская литература. – СПб. : Невский простор, 2002. – С. 167–173.
5. Елинек, Э. мы пестрые бабочки, детка! / Э. Елинек // – СПб. : Амфора, 2007. – 299 с.
6. Скоропанова, И.С. Игра с языком как средство обновления мировосприятия / И.С. Скоропанова // Русская постмодернистская литература. – СПб. : Невский простор, 2002. – С. 174–179.

Deconstruction of trivial myths is the main key for understanding the Austrian author Elfriede Jelinek's first novel. R. Barthes' theory interpreted by E. Jelinek in her essay "Endless Innocence" is the basis for the Nobel prizewinner's whole literary work. Jelinek presents the generative mechanisms of the main myths: TV, newspapers, literature, advertising, propaganda and parodies their functioning.

Поступила в редакцию 23.09.10

И.Ю. Самойлова

МОДЕЛЬ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ПОЭЗИИ И. БРОДСКОГО

Светлой памяти моего Учителя
Светланы Михайловны Прохоровой

Статья посвящена проблеме описания идиостиля одного из прецедентных поэтов XX в. И. Бродского.

Опираясь на частотный словарь глаголов поэзии И. Бродского и метод вертикального синтаксического поля, автор описывает один из важных фрагментов индивидуальной картины мира Иосифа Бродского – визуальное восприятие мира.

При анализе актантных рамок глаголов *видеть* – *смотреть* (*глядеть*), выявляется своеобразие видения И. Бродским мира.

Лексемами *видеть* – *смотреть* (*глядеть*) и их синонимами поэт обозначает не только восприятие внешнего мира, но и характеризует этот мир через осознание его

субъектом. Наряду с использованием возможностей русского языка поэт демонстрирует свои особенности видения. Все живое и неживое в поэзии Бродского *видит* мир, так как мир, по мнению поэта, открыт тому, чтобы его видели.

Автором статьи сделаны наблюдения относительно изменения и расширения семантики глаголов зрительного восприятия в языке И.Бродского. Визуальные глаголы в поэзии И.Бродского могут получать значения 'жить', 'умереть', 'верить', 'представлять' и пр.

Рассматриваются и некоторые стилистические особенности синонимического ряда глаголов визуального восприятия в языке И. Бродского.

Творчество каждого выдающегося художника слова отражает его индивидуальную картину мира, которая, безусловно, интересна как исследователям, так и читателям. Описать ее в полном объеме достаточно сложно. Мы обратились лишь к фрагменту индивидуальной картины мира одного из прецедентных поэтов XX в. Иосифа Бродского.

Составленный нами частотный словарь глаголов поэзии И. Бродского позволил выделить один из очень важных для поэта способов восприятия окружающего мира – визуальный. В словаре отчетливо выявилось ядро картины мира автора, куда мы включили первые десять глаголов. В ядро вошли и глаголы *видеть – смотреть (глядеть)* [1]. Частотный словарь глаголов состоит из трех частей: 1) сводный частотный словарь глаголов поэзии И. Бродского; 2) частотный словарь глагольных лексем доэмиграционного периода творчества; 3) частотный словарь глагольных лексем послеэмиграционного периода творчества.

Обращает на себя внимание тот факт, что в первой части сумма частоты *видеть – смотреть (глядеть)* (425 употреблений) превышает частоту употребления всех глаголов словаря, исключая пару *говорить – сказать*. Несмотря на то, что открывают ядро другие глаголы, во второй части словаря сумма частоты глаголов восприятия равна 271, а в третьей – 154. Это позволило нам с уверенностью выделить анализируемый фрагмент картины мира И. Бродского как один из основных, что нашло подтверждение в эссе автора «Набережная неисцелимых»: «Глаз – наиболее самостоятельный из наших органов. Причина в том, что объекты его внимания неизбежно размещены вовне... Он закрывается последним, когда тело засыпает. Он остается открыт, когда тело разбито параличом или мертво. *Глаз продолжает следить за реальностью при любых обстоятельствах, даже когда в этом нет нужды*» (курсив наш. – И.С.) [2]. (Ср. строки из стихотворения «Доклад для симпозиума»: *Зрение автономно в результате зависимости от объекта внимания, расположенного неизбежно вовне*).

Как показал словарь, И. Бродский в поэтических текстах использует большое количество глаголов семантического поля зрительного восприятия (114 лексем), которые в одной статье рассмотреть невозможно. В центре поля находятся глаголы *видеть – смотреть (глядеть)*, о которых Е.В. Падучева написала: «При безусловной смысловой близости, глаголы различаются тем, что *видеть* – состояние <...> а *смотреть* – деятельность» [3, с. 231], т.е. *видеть* есть статальный? а *смотреть* – акциональный глаголы.

Стандартный фрейм обоих глаголов предполагает наличие первого и второго актантов – субъекта и объекта восприятия, т.е. того, кто воспринимает, и то, что/кто воспринимается.

I актант. При анализе текстов стихотворений выяснилось, что субъектом визуального восприятия в поэзии И. Бродского является, главным образом, человек, что соответствует как русской, так и другим языковым картинам мира. И конечно же, часто в поле зрения человека попадает то, что для него важно:

Все капитаны
отчетливо видят землю.
                                  «Книга»
Крестьянин смотрит на деревья
и запирает хлев...
                                  «Книга»

Сверхвидением наделяет поэт высшую силу – Бога, который видит прошлое, настоящее и будущее и не нуждается ни в чьей указке:

Только Господь
вас видит с изнанки.
                                  «Облака»
В пустыне этой...
Бог ягненка сам
найдет себе...
Господь он сам усмотрит.
                                  «Исаак и Авраам»

На наш взгляд, в произведениях И. Бродского четко выступает оппозиция *Бог – человек*. В одном из произведений мы находим подтверждение высказанной мысли:

Бог смотрит вниз. А люди смотрят вверх.
Однако интерес у всех различен.
Бог органичен. Да. А человек?
А человек, должно быть, ограничен.
                                  «Два часа в резервуаре»

Особое зрение, по мнению И. Бродского, надлежит иметь *художнику* = поэту, музыканту и т.д., так как он способен подняться к небу и даже стать равным Богу, ибо творчество делает человека богоравным, художник достигает высот Творца: *Так шествовал Орфей и пел Христос* («Зофья»). Поэтому, по мнению поэта, при любых обстоятельствах *Художник должен видеть и во мраке* («Рембрандт. Офорты»).

В наивной картине мира *душа* является заместителем человека. Так как она принадлежит к области сакрального, зрение души приравнивается И. Бродским к сверхвидению – душа способна видеть недоступное глазу. Так, *душа* способна смотреть со стороны и видеть то, что человеком не всегда осознается:

Скажи, душа, как выглядела жизнь,
как выглядела с птичьего полета?
                                  «Теперь все чаще...»

И та свобода хороша,
и той стесненности вы рады!
<...> как видела душа
одни великие утраты.
«Памяти Е.А. Баратынского»

В качестве первого актанта при глаголах *видеть – смотреть (глядеть)* могут выступать и лексемы, в которых присутствует сема ‘люди’:

Город смотрит тебе вдогонку,
точно распутный витязь.
«На виа Джулиа»

Вместе с тем способностью зрительного восприятия обладают и иные живые существа, но, по мнению И.Бродского, это пассивное восприятие, ибо только человек способен осознать увиденное. В авторском понимании зрительное восприятие и мыслительная деятельность оказываются взаимосвязанными:

Видит птичка пригорки,
но понять их не может.
«Песенка»

В поэтическом языке мало стандартных фреймов, так как в идиостиле автора отражается его личный языковой опыт. Если в стандартных фреймах первый актант – живое существо, то приравненный к нему исполнитель старается избежать стандартности. Это приводит к появлению различных тропов, чаще всего сравнений и метафор:

Время уходит в Вильнюсе в дверь кафе,
провожаемо дребезгом блюдец, ножей и вилок,
и пространство, прищурившись, подшофе,
долго смотрит ему в затылок.
«Литовский дивертисмент»

О камень порванный чулок,
изогнутый впотьмах, как лебедь,
раструбом смотрит в потолок,
как будто почерневший невод.
«Загадка ангелу»

Зрительное восприятие возможно лишь при наличии материального органа – глаза. Мы обратили внимание на то, что в поэтических текстах И. Бродского первым актантом довольно часто выступает существительное *глаз* в форме как единственного, так и множественного числа:

Что видит глаз, о чем шепнут уста,
что встретит слух, что вдруг коснется мозга,
настигнет снова скрытый вид листа...
ищи вокруг... быстрее... пока не поздно.
«Пришла зима...»

Ты с миром, Господь, отпускаешь меня,
затем что глаза мои видели это
дитя.

«Сретенье»

В фокусе внимания поэта находится и цвет глаз:

...Карий
глаз смотрит в будущее, где
ни ваз, ни разговоров о воде.
«*Ritratto di donna*»

В поэзии И. Бродского прослеживается метафорическая связь *окно* – *глаза*, как, впрочем, и в языковой картине мира:

Окна смотрят на север.
«*Песня*»

Тем не менее для видения в картине мира И. Бродского не обязательно наличие глаз, ибо смотреть могут и сакральные источники света:

Холодный март овладевает лесом.
Свеча на стены смотрит с интересом.
«*Менуэт*»

Звезда, пламенея в ночи,
смотрела, как трех караванов дороги
сходились в пещеру Христа, как лучи.
«*Рождество 1963 года*»

Не обязательно наличие глаз, чтобы видеть, и природе – цветам, листьям, стеблям и т.д.:

То листья, стебли, листья, стебли, листья,
лицом, изнанкой молча смотрят в свет,
нет, перьев нет, окраска волчья, лисья...
«*Пришла зима ...*»

Впрочем, они могут наделяться *невидящими глазами* или *мертвенным оком*:

Еще поглощенные памятью о “сезаме”,
смотрят они [цветы] на нас невидящими глазами.
«*Цветы*»

Современный фонарь смотрит мертвенным оком,
предо мною горят
ослепительно тысячи окон.
«*От окраины к центру*»

Таким образом, в поэзии И. Бродского, кроме человека и живых существ, способностью *все* видеть наделяется Бог, сакральные предметы, источники света и природа.

II актант. Человек в поэзии И. Бродского наделяется способностью визуально воспринимать не только видимое, но и невидимое (почти как Бог). В поле зрения прежде всего попадает окружающий мир (перцептивное восприятие):

Мы видим деревья,
лежащие на земле.
Мы продолжаем жить...
и последним, что он увидит,
будут случайные встревоженные лица.
«*Памяти Феди Добровольского*»

Как будто чей-то след, давно знакомый,
ты видишь на снегу в стране сонливой.
«Стрельнинская элегия»

Способность видеть для поэта настолько значима, что воспринимать зрением, по Бродскому, можно даже звуки, жизнь и многое другое:

И белый свет, железный свист
я вижу из окна.

«Шествие»

Оглянись – и увидишь наверно:
в переулке такси тарахтят,
за церковной оградой деревья
над ребенком больным шелестят.
«М.Б.»

На Карловом мосту – другие лица.
Смотри, как жизнь, что без тебя продлится,
бормочет вновь, спешит за часом час...
«Витезслав Незвал»

В рассмотренных текстах глаголы *видеть* – *смотреть* пересекаются с семантическим полем глагола *слышать*.

Как отмечалось, в картине мира И. Бродского человек наделен способностью видеть чувственно не воспринимаемое:

В этом сиплом хрипении...
я вижу материю времени,
открытую петухами.
«Петухи»

Оттолкнув абажур,
Глядя прямо перед собою, видишь воздух.
«Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова»

Таким образом, рассматривая второй актант, мы убеждаемся, что человек в поэзии И. Бродского наделяется даром «сверхвидения».

III актант. От актантов при глаголах визуального восприятия перейдем к характеристике некоторых особенностей картины мира Бродского, отразившейся, в том числе, и в словаре.

В своих текстах автор часто отступает от стандартных ситуаций, закрепленных в языковой картине мира стандартными фреймами глаголов. Е.В. Петрухина обратила внимание на то, что специфика глагольного значения «заключается в концептуализации динамического мира, находящегося в постоянном изменении, для которого характерна известная неопределенность, отсутствие четких границ между смежными во времени ситуациями» [4, с. 17].

В текстах И. Бродского глаголы *видеть* – *смотреть* (*глядеть*), являясь типичными представителями группы глаголов зрительного восприятия, могут перемещаться по вертикальным синтаксическим полям, приобретая иное значение. Под *вертикальным синтаксическим полем*, согласно С.М. Прохоровой, понимается «способность глагола перемещаться в актантные рамки, «заряженные» другим глаголом» [5, с. 291], в результате

чего глагол оказывается на периферии других глагольных полей и изменяет свое значение.

Мы выявили, что наиболее часто глаголы *видеть* – *смотреть* (*глядеть*) в поэзии И. Бродского приобретают ментальное значение, на что уже обращали внимание лингвисты (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Е.С. Падучева, Е.В. Урысон и др.). Часто в этом случае делиберативный объект мысли может быть выражен придаточным предложением, вводимым союзом *что/как* и бессоюзно:

И вижу я, что жизнь идет как вызов
бесславию, упавшему извне
на эту неосознанную близость.
«Элегия»

Смотри: осенние утраты
даров осенних тяжелей.
«Петербургский роман»

Кроме того, глаголы зрительного восприятия используются в значении ‘представлять’, что также относится к когнитивной деятельности человека:

Стоит закрыть глаза, как вижу пустую шляпку,
Замерзшую на воде посредине бухты.
«В Англии»

При зрительном восприятии глаза дают важную исходную информацию, тогда как мозг на основе поступившей информации «строит окончательно субъективное пространство зрительного восприятия – мозговую картину. Человек видит не глазами, а мозгом» [6, с. 9]. В поэтических текстах Бродского фреймы глаголов *видеть* и *смотреть* (*глядеть*) часто находятся в пересечении с фреймами глаголов интеллектуальной деятельности *думать*, *знать*, *понимать*, *представлять* и др.:

Смотри на мокрое барокко
и снова думай о себе.
«Петербургский роман»
Пустота. Но при мысли о ней
Видишь вдруг как бы свет ниоткуда.
Знал бы Ирод, что чем он сильнее,
тем верней, неизбежнее чудо.
«24 декабря 1971 года»

Обращает на себя внимание и обратное явление, а именно то, что глагол *знать* может переходить в поле глаголов зрительного восприятия:

Крадется пар, вдали блестит мысок,
беленый ствол грызут лесные мыши,
и ветви, что всегда глядят в песок,
склоняются к нему все ближе, ниже.
Как будто жаждут знать, что стало тут.
«Исаак и Авраам»

В свою очередь, глагол зрительного восприятия может переходить в поле глагола *знать* и использоваться в значении ‘приобретать сведения (жизненный опыт) в результате испытания’:

Может, видели больше.
А, возможно, верили слепо.
Но учили детей, чтобы были терпимы
и стали упорны.

«Еврейское кладбище около Ленинграда»

Интересным, на наш взгляд, является использование автором глагола *видеть* в значении ‘верить’:

В целом мире я не вижу для себя уж лестной правды.

«Мои слова, я думаю, умрут»

Тексты И. Бродского постоянно обращают нас не только к языковым, но и к фоновым знаниям, ибо «техника понимания имплицитности как раз и состоит в установлении того, что же недовложено и как следует восполнить этот пробел, опираясь на сам текст, на обстоятельства его восприятия» [7, с. 36].

Пролитую слезу
из будущего привезу,
вставлю ее в колечко.
Будешь глядеть одна,
надевай его на
безымянный, конечно.

«Песни счастливой зимы»

Кольцо, надетое на *безымянный* палец, в русской традиции свидетельствует о семейном положении. В лексике первой и второй строк не содержится прямого указания на несчастливую семейную жизнь. Единственной «ассоциирующей» лексемой является существительное *слеза*. Введение в актантную рамку дополнительного актанта *одна* вызывает ассоциацию одиночества в жизни. В тексте И. Бродского глагол зрительного восприятия, перемещаясь по вертикальным синтаксическим полям, попадает на периферию поля глагола *жить*. Мы полагаем, что в рассмотренном контексте глагол зрительного восприятия *глядеть* используется в значении ‘жить’, что должен зафиксировать словарь языка И. Бродского.

Заслуживает внимания случай перемещения одного из дериватов глагола *видеть* в семантическое поле глагола *умереть*:

А было поведано старцу сему,
о том, что увидит он смертную тьму
не прежде, чем сына увидит Господня.

«Сретенье»

Использование в роли второго актанта существительного *тьма* в сочетании с прилагательным *смертная* приводит к тому, что глагол *увидеть* приобретает значение ‘умереть’.

Способность видеть глубоко скрытое – свидетельство особого дара познания. Только тот, кто выдержал серьезные испытания, может видеть, т.е. понимать/воспринимать *чувства* людей:

Рана сия
даст видеть тебе, что сокрыто глубоко
в сердцах человеков, как некое око.

«Сретенье»

Человек, желающий понять чувства другого, представлен в картине мира И. Бродского в ипостаси «человека сочувствующего», что отвечает основным заповедям христианской религии:

Я увидеть хочу
то, что чувствуешь ты.
«В темноте у окна»

В текстах Бродского, как оказалось, даже глагол движения, перемещаясь по вертикальным синтаксическим полям, приобретает иное значение при переходе на периферию поля глаголов зрительного восприятия:

Вот я стою в распахнутом пальто,
И мир течет в глаза мои сквозь решето.
«Новые стансы к Августе»

В картине мира Бродского самосознание человека выводится на первый план. Видеть себя, смотреть на себя *со стороны* могут лишь немногие из homo sapiens, ибо *единицы* наделены разумом от Бога:

Самих себя увидеть в нищете,
самих себя увидеть на щите,
заметить в завсегдатаях больниц
божественная участь единиц.
«Зофья»

Синонимы глаголов *видеть* – *смотреть* (*глядеть*) при тождественности значения могут быть противопоставлены по стилистической окраске. С одной стороны, *воззреть*, *созерцать*, *зреть*, *зреть*, *лицезреть* и др., с другой – *глазеть*, *пялиться*, *таращиться*, *установиться* и др. При этом у слова *таращиться* наблюдается последовательность в сочетаемости – сниженный глагол неоднократно взаимодействует с именами из области мифологии:

Он таращится вниз
и сжимает в руке виноградную кисть,
словно бог Дионис.
«Ночной полет»

Дождливые и ветреные дни
таращатся с Олимпа на четверг.
«Чаша со змейкой»

В то же время при *созерцать* в качестве второго актанта вводится лексическая единица, выражающая оценку сниженности:

Подросток в желтой куртке, привалясь
к ограде, а точнее – к орущей пасти
мадам Горгоны, созерцает грязь
проезжей части.
«Желтая куртка»

Указывая на большое количество единиц лексического поля глаголов зрительного восприятия в поэтических текстах И. Бродского, необходимо отметить, что среди них наиболее частотными являются: *увидеть*, *взглянуть*, *видать*, *посмотреть*, *разглядеть*, *увидать*, *таращиться*, *взирать*, *зреть*, *узреть*, *глянуть*, *разглядывать*, *рассмотреть*, *созерцать*, *вглядеться*,

вглядываться, видеться, воззриться и т.д. Вместе с тем при составлении авторского словаря следует отметить, что часть перечисленных глаголов могут получать значения ‘жить’, ‘умереть’, ‘верить’ и пр.

Проанализированный фрагмент картины мира И.Бродского выявляет авторское своеобразие. Лексемами *видеть – смотреть (глядеть)* и их синонимами поэт обозначает не только восприятие внешнего мира, но и характеризует этот мир через осознание его субъектом. Наряду с использованием возможностей русского языка поэт демонстрирует свои особенности видения. Все живое и неживое в поэзии Бродского *видит* мир, так как мир, по мнению поэта, открыт тому, чтобы его видеть, и даже хочет, чтобы его замечали, видели, анализировали. К этому и призывает автор читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Самойлова, И.Ю.* Динамическая картина мира И. Бродского: лингвистический аспект / И.Ю. Самойлова. – Гродно : ГрГУ, 2007. – 191 с.
2. *Бродский, И.А.* Набережная неисцелимых / И.А. Бродский. – СПб. : Азбука-классика, 2008 г. – 192 с.
3. *Падучева, Е.В.* Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 608 с. – (Studia philologica).
4. *Петрухина, Е.В.* Глагольная номинация и категории деривационной ономазиологии // Языковая номинация: тез. докл. Междунар. науч. конф., 23–26 июня 1996 г., МГЛУ / редкол. : Н.П. Баранова [и др.]. – Минск : МГЛУ, 1996. – С. 17.
5. *Прохорова, С.М.* Вертикальное синтаксическое поле как разновидность корреляции // Die grammatischen Korrelationen. / В. Тошović (Hrsg). – Graz : GraLiS, 1999. – S. 291–298.
6. *Раушенбах, Б.В.* Геометрия картины и зрительное восприятие / Б.В. Раушенбах. – М. : Интерпракс, 1994. – 115 с.
7. *Демьянков, В.З.* О техниках понимания имплицитности речи // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов: материалы Междунар. науч. конф. / под ред. С.С. Ваулиной. – Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. – С. 34–52.

The article is devoted to the problem of the idiostyle of J. Brodsky, one of the precedent poets in the 20th century. It contains a description of one of the fragments of the author's world picture, i.e. Visual Perception.

Поступила в редакцию 27.09.10

НАШИ АВТОРЫ

- Барлюгова Ольга Николаевна – аспирант кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-69.
- Будникова Елена Игоревна – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. 288-25-64.
- Внук Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры немецкого языка (второй иностранный) МГЛУ. Тел. 294-79-82.
- Зуевская Елена Викторовна – кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры грамматики и истории немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.
- Кацнельсон Инесса Аркадьевна – аспирант кафедры информатики и прикладной лингвистики МГЛУ. – Тел. 284-81-56.
- Ковалёнок Светлана Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянских языков МГЛУ. Тел. 288-25-64.
- Крючкова Анна Евгеньевна – аспирант кафедры грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.
- Кузьминова Ирина Владимировна – ст. преподаватель кафедры делового английского языка БГЭУ. Тел. 209-88-57.
- Кулага Ольга Анатольевна – аспирант кафедры зарубежной литературы МГЛУ. Тел. 288-25-63.
- Курчак Людмила Васильевна – аспирант кафедры английского языка и речевой коммуникации БГУ. Тел. 259-70-07.
- Макаревич Ирина Ивановна – ст. преподаватель кафедры иностранных языков Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Тел. 222-05-30.
- Макаревич Татьяна Ивановна – ст. преподаватель кафедры иностранных языков Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Тел. 222-05-30.
- Мосунова Наталья Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Минского института управления. Тел. 285-47-47.
- Павловицкий Сергей Петрович – аспирант кафедры грамматики и истории немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.
- Поражинская Ирина Леонидовна – аспирант кафедры зарубежной литературы МГЛУ. Тел. 288-25-63.
- Сак Ольга Юрьевна – аспирант кафедры истории и грамматики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-72.
- Самойлова Инна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славянского языкознания Гродненского государственного университета им. Я. Купалы. Тел. (8-015)74-29-75.
- Сокольчик Надежда Владимировна – аспирант кафедры французского языка (второй иностранный) МГЛУ. Тел. 284-47-48.
- Таболитч Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английской речи МГЛУ. Тел. 288-18-02.
- Черток Дмитрий Анатольевич – ст. преподаватель кафедры теории и практики английской речи МГЛУ. Тел. 288-18-02.
- Шлык Татьяна Васильевна – аспирант кафедры лексикологии французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.
- Шиманская Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков Международного института трудовых и социальных отношений. Тел. 212-55-91.
- Яскевич Виталий Валерьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка МГЛУ. Тел. 288-18-02.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№5 (48), 2010

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *А.М. Горлатов*

Редакторы *Л.М. Малинина, А.И. Гуторова*
Корректор *С.О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 20.10.10. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Ризография. Усл. печ. л. 10,93. Уч.-изд. л. 12,53. Тираж 100 экз. Заказ 73.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования “Минский государственный лингвистический университет”. ЛИ №02330/0548503 от 16.06.2009 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172